

Ежегодник финно-угорских исследований

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в ядро РИНЦ.

ISSN 2224-9443 (Print), ISSN 2311-0333 (Online).

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь)

Главный редактор: *А. Е. Загребин*, доктор исторических наук, профессор РАН.

Зам. главного редактора: *Н. В. Кондратьева*, доктор филологических наук, профессор,
Ю. А. Перевозчиков, кандидат исторических наук, доцент

Ответственные редакторы: *А. Ж. Фаттахова, С. Том.*

Журнал публикует оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии по филологическим и историческим наукам финно-угорских народов РФ и зарубежных стран, а также исследовательские работы, базирующиеся на широком сравнительном материале. Журнал становится площадкой для новых ярких работ, построенных на сравнительном анализе максимально широких по географическому охвату материалов.

Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Издатель: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Адрес редакции: 426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2.

Тел.: + 7-3412-500295, +7-3412-663466. **E-mail:** editorial@rcd.ru; a19f19@mail.ru; efui_izhevsk@mail.ru

Сайт журнала: <http://journals.udsu.ru/finno-ugric>

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2023

Yearbook of Finno-Ugric Studies

The journal is included in the List of the Russian reviewed scientific journals where the main scientific results of doctor and candidate of sciences degree dissertations should be published.

ISSN 2224-9443 (Print), ISSN 2311-0333 (Online)

Frequency: 4 issues per year (March, June, September, December).

Abstracted / Indexed in: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index),

Russian Science Citation Index on Web of Science (RSCI),

Elibrary.ru: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28476

Cyberleninka.ru: <https://cyberleninka.ru/journal/n/ezhegodnik-finno-ugorskih-issledovaniy>

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin*, Doctor of Sciences (History), Professor of the RAS

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva*, Doctor of Sciences (Philology), Professor; *Yuri A. Perevozchikov*, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova, Szilard Toth*

The journal publishes original works, overview articles, reviews on philological and historical disciplines referring to the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation and other countries. The journal also publishes research works based on the variety of comparative materials. The journal is becoming a platform for new interesting works based on comparative analysis with the widest possible geographic coverage of materials.

Address for correspondence: Udmurt State University, 1, Universitetskaya str., bld. 2, Izhevsk, 426034, Russia.

Phone: + 7-3412-500295, +7-3412-663466.

E-mail: a19f19@mail.ru; editorial@rcd.ru; efui_izhevsk@mail.ru

Website: <http://journals.udsu.ru/finno-ugric>

© Udmurt State University, 2023

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований
“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

2023. Том 17. Выпуск 4

Технический редактор, компьютерная вёрстка *А. Ж. Фаттахова, С. Г. Морозов*
Редактор английского текста *Ю. В. Колесниченко*
Корректор *В. Г. Семёнов*

Подписано в печать 19.12.2023. Вышел в свет 27.12.2023.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 18,95. Тираж 100 экз. Заказ № ... Цена свободная.

Издатель: Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова д. 4Б, каб. 021
Тел./факс: + 7 (3412) 916-364. E-mail: editorial@udsu.ru

Типография: типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, каб. 101

Научный журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» / “Yearbook of Finno-UgricStudies” основан в 2007 году, зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство СМИ: ПИ № ФС 77-77076 от 08.11.2019

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 17
Выпуск 4

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 17
Issue 4

Ижевск
2023

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Заместители главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия), *Перевозчиков Юрий Александрович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Черных Александр Васильевич (Институт гуманитарных исследований

Пермского ФИЦ УрО РАН, Пермь, Россия)

Ответственные редакторы: *Фаттахова Аида Жавдатовна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Yuri A. Perevozchikov (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (EötvösLoránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Alexander V. Chernykh (Institute for Humanitarian Research Perm Federal Research Center UB RAS, Perm, Russia)

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Карпова Л. Л.* Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка..... 462
- Купп-Сазонов С.* О метафорическом употреблении личных местоимений и глагольных форм
в эстонском и русском языках..... 474
- Новак И. П., Кундозерова М. В.* «Едучи в карбасу»: русско-карельские записи Симеона Гаврилова..... 488
- Сергеев О. А.* Суффиксальный способ образования слов в «Словаре языка черемиссага» втор. пол. XVIII в..... 498

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Рассыхаев А. Н.* Коми предания об освоении Вишерского края 507

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Бака Л. Патрик, Ишток Бела, Леринц Габор.* Тенденции в венгерской молодёжной литературе
в 2020 году (на англ. яз.) 520

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Загребин А. Е.* Казус с названием...: об одном этнонимическом созвучии
в истории финно-угроведения..... 531
- Зыкин И. В.* Финляндский инженер К. К. Бергстрем и его проекты в области целлюлозно-бумажного
производства на Урале в начале XX века..... 536
- Мартынова М. Ю.* Венгры Хорватии: историческая судьба и современный статус 546
- Нечвалода Е. Е.* Визуальные образы представительниц народов Волго-Уральского региона,
созданные на основе графических материалов Великой Северной экспедиции,
в иллюстрациях изданий XVIII века 562
- Попова Е. В.* Символика соли в верованиях и обрядах бесермян и удмуртов 575

ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

- Комова Е. А.* Этнокультурное наследие в музеях Ямала: концепции и экспозиции 587
- Сергеенкова И. Ф., Музлова Н. Н., Зворыгин Р. В.* Государственная молодежная политика:
национальные ориентиры и особенности реализации в Удмуртской Республике 597

РЕЦЕНЗИИ

- Русских Т. Н.* Современные этнодемографические исследования в Удмуртии
Рец. на: Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг.:
монография. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 283 с..... 608

ЮБИЛЕИ

- Галиева Ф. Г.* Финно-угроведение как судьба (к юбилею Р. Р. Садикова)..... 612

CONTENTS

L I N G U I S T I C S

<i>Karpova L. L.</i> Phonetic markers of the Upper Cheptsá dialect of the Udmurt language	462
<i>Kupp-Sazonov S.</i> On the metaphorical use of personal pronouns and verb forms in Estonian and Russian.....	474
<i>Novak I.P., Kundozherova M. V.</i> “Going by karbas”: Russian-Karelian notes by Simeon Gavrilov	488
<i>Sergeev O. A.</i> Suffixal way of forming words in the «Dictionary of the Cheremis language» of the 2nd half of the XVIII century	498

F O L K L O R I S T I C S

<i>Rassykhaev A. N.</i> Komi legends about the development of the Vishera Region.....	507
---	-----

S T U D Y O F L I T E R A T U R E

<i>Baka L. P., B. Istók, G. Lőrincz.</i> Tendencies of Hungarian young adult literature in 2020 (in Engl.).....	520
--	-----

H I S T O R Y, A R C H A E O L O G Y, E T H N O G R A P H Y

<i>Zagrebin A. E.</i> An incident with the name...: about one ethnonymic consonance in the history of Finno-Ugric studies	531
<i>Zykin I. V.</i> Finnish engineer K. K. Bergstrom and his projects in the field of pulp and paper production in the Urals at the beginning of the XX century	536
<i>Martynova M. Yu.</i> Hungarians in Croatia: historical fate and current status	546
<i>Nechvaloda E. E.</i> Visual images of the Volga-Ural Region peoples, based on the graphic materials of the Great Northern expedition, in book illustrations of the XVIII century	562
<i>Popova E. V.</i> The symbolism of salt in the beliefs and rituals of Besermans and Udmurts	575

I N N O V A T I O N, T E C H N O L O G I E S

<i>Komova E. A.</i> Ethnocultural heritage in Yamal museums: concepts and displays	587
<i>Sergeenkova I. F., Muzlova N. N., Zvorygin R. V.</i> State youth policy: national guidelines and implementation features in the Udmurt Republic	597

R E V I E W S

<i>Russkikh T. N.</i> Modern ethnodemographic research in Udmurtia. Review of: Uvarov S. N. Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959-1989.....	608
---	-----

A N N I V E R S A R I E S

<i>Galieva F. G.</i> Finno-Ugric studies as a destiny (to the jubilee of R.R. Sadikov).....	612
---	-----

Л. Л. Карпова

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЕРХНЕЧЕПЕЦКОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается ряд особенностей фонетической синтагматики в верхнечепецком диалекте, входящем в северное наречие удмуртского языка. Актуальность исследования определяется значимостью сведений о своеобразии удмуртских говоров, распространенных в верхнечепецком языковом ареале и имеющих недостаточное освещение в научной литературе. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов. Особое внимание уделяется явлениям, которые являются общими для говоров верхнечепецкого диалекта, с одной стороны, и/или имеют ограниченное распространение в группе исследуемых говоров, с другой. Выявляются отличительные явления в системе вокализма и консонантизма, анализируются наиболее типичные для говоров звуковые изменения и процессы. Из фонетических особенностей отмечены различные виды ассимилятивных явлений гласных и согласных, выпадение звуков. Исследуются характерные явления выпадения гласных в инлауте и ауслауте слова. Наиболее типичным для верхнечепецкого диалекта является выпадение гласных в середине и абсолютном конце слова. Констатируется, что данному процессу в инлауте и ауслауте чаще всего подвергается гласный *ы*. Достаточно подробно освещаются внутрдиалектные специфические явления, проявляющиеся в фонетической системе говоров верхнечепецкого ареала. Также выявляется территориальная распространённость диалектных модификаций фонетической синтагматики. Проводится последовательное сравнение языковых фактов верхнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров.

Ключевые слова: удмуртский язык; фонетика; северные диалекты; верхнечепецкий диалект; фонетическая синтагматика; вокализм; консонантизм; фонетические явления; диалектные модификации; диалектное варьирование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473

В последние десятилетия интенсивно проводятся исследования по фиксации и изучению диалектов севернорудмуртского языкового ареала. Из трёх групп диалектов (нижнечепецкий, среднечепецкий, верхнечепецкий), выделяемых в системе северного наречия, в настоящее время наиболее обследованным является среднечепецкий диалект, языковые особенности которого получили освещение в трёх книгах автора данной статьи [Карпова 1997; 2005; 2013]. К числу недостаточно исследованных диалектных микросистем относятся верхнечепецкие говоры, картина которых в пространстве севернорудмуртских диалектов представляет собой достаточно неоднородный диалектный континуум. Некоторые наблюдения по языку верхнечепецких удмуртов представлены в небольших статьях обзорного характера [Алашеева 1982, 91–105; 1990, 8–10; Каракулов 1982, 106–115; Карпова 2011, 97–106]. Определённые сведения о специфике верхнечепецких говоров имеются в нашем обобщающем труде по севернорудмуртским диалектам [Карпова 2020]. Тем не менее, фонетическая синтагматика верхнечепецких говоров не получила еще должного систематизированного освещения в научной литературе.

В административном отношении верхнечепецкий диалект (или верхнечепецкие говоры) охватывает Кезский, Дебёсский р-ны, также северо-восточную часть Игринского р-на Удмуртской Республики. По ряду особенностей в пределах верхнечепецкого диалекта выделяются 3 говора: кезский, дебёсский и зуринский. Верхнечепецкий ареал в языковом отношении носит смешанный характер, что обусловлено историей заселения территории. Формирование языка носителей верхнечепецкого диалекта шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения удмуртов из различных регионов, в частности, с нижней и средней Чепцы, Кильмези, из южной Удмуртии и Арской земли [Атаманов 2005, 47, 49–52]. Миграционные процессы и более чем двухвековое совместное проживание удмуртов из разных локальных ареалов отразились на языковой специфике говоров верхнечепецкого региона, в которых наряду с общими севернорудмуртскими особенностями выработались свои местные черты.

Предметом рассмотрения в данной работе являются дифференциальные фонетические признаки верхнечепецких говоров в контексте других макросистем северноудмуртского наречия – среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов. Источниковой базой исследования послужили полевые материалы автора, собранные в ходе диалектологических экспедиций в районах проживания верхнечепецких удмуртов.

1. Фонетические явления, характерные в целом для исследуемых говоров и представляющие собой «верхнечепецкие черты» в диалектной системе северного наречия.

1.1. Вокалическая система верхнечепецких говоров имеет в своём составе 7 гласных фонем: *a, o, y, u, э, ö, ы*. Первые шесть фонем по артикуляционно-акустическим качествам не проявляют различий во всех северноудмуртских диалектах. Специфику составляет фонема *ы*. В говорах верхнечепецкого диалекта, как и в нижнечепецком диалекте, она выступает в единственном варианте – *ы*. В отличие от этого, в среднечепецком диалекте данная фонема реализуется в трёх вариантах: *ы* – гласный среднего подъёма верхнего ряда, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъёма заднего ряда, *ў* – гласный верхне-среднего подъёма средне-заднего ряда. Некоторые примеры: вч., нч. *кужым*, сч.: юк., кож. *кужъм*, яр. *кужым*, пон. *кужъм* (*кужъм, кужўм*) ‘сила; мощь’; вч., нч. *тыл*, сч.: юк., кож. *тъл*, яр. *тыл*, пон. *тъл* (*тыл, тўл*) ‘огонь’; вч., нч. *гурын*, сч.: юк., кож. *гурън*, яр. *гурын*, пон. *гурън* (*гурын, гурўн*) ‘в печи’.

Возникновение варианта *ь* (< *ы*) в удмуртских диалектах ряд учёных связывает с влиянием тюркских языков [Лыткин 1968, 93; Кельмаков 1975, 548]. В более поздних исследованиях В. К. Кельмаков высказывает мысль, что фонетический процесс перехода *ы* в *ь* мог осуществиться по собственным внутренним законам развития удмуртского языка, а тюркскому влиянию следует отводить роль дополнительного фактора [Кельмаков 1993, 20].

М. Г. Атаманов подвергает сомнению точку зрения о возникновении заднерядного *ь* в удмуртских говорах под влиянием диалектов татарского языка. Изучив ареал распространения заднерядного *ь* и его варианта *ў* в говорах южноудмуртского наречия и сравнив эти данные с историей расселения воршудно-родовых групп, исследователь высказывает гипотезу появления заднерядного варианта фонемы *ы* в удмуртских говорах под влиянием языка бесермян [Атаманов 2001, 100–101; Атаманов-Этрапи 2017, 356–357].

Несколько иное объяснение данной проблемы представлено в работе С. А. Максимова, согласно которому заднерядный *ь* не во всех удмуртских диалектах, в которых он функционирует, возник под влиянием бесермянского языка. По мнению учёного, в возникновении данного звука в удмуртских диалектах решающую роль сыграл татарский язык. Это касается, прежде всего, отдельных говоров периферийно-южного (ташкичинского, татышлинского, кукморского, бавлинского) и собственно южного диалектов. Появление заднерядного *ь* в среднечепецком диалекте исследователь склонен объяснить влиянием языка бесермян [Максимов 2009, 66, 68].

1.2. Специфику верхнечепецких говоров в макросистеме северноудмуртского диалектного языка составляет отсутствие в их консонантной системе инициального билабиального согласного *ў* перед гласным *a*, выступающего в ограниченном круге лексем. Единичные примеры на употребление данного согласного в указанной позиции нами зафиксированы в речи диалектоносителей старшего поколения в гыинском и александровском кустах кезского говора (северо-западная часть Кезского района), территориально смежных со среднечепецким диалектом, в котором он имеет достаточно активное функционирование: кез., деб., зур. *вамэнэс*, кез.: гыин., ал. *вамэнэс ~ ўамэнэс* ‘упрямый’; кез., деб., зур. *вал'эс*, кез.: гыин., ал. *вал'эс ~ ўал'эс* ‘постель’; кез., деб., зур. *ватыны*, кез.: гыин., ал. *ватыны ~ ўатыны* ‘спрятать; хоронить, похоронить’; кез., деб., зур. *ваз'эн*, кез.: гыин., ал. *ваз'эн ~ ўаз'эн* ‘раньше, в старину, прежде’; кез., деб., зур. *вамыштыны*, кез.: гыин., ал. *вамыштыны ~ ўамыштыны* ‘шагнуть, перешагнуть’; кез., деб., зур. *вашкала*, кез.: гыин., ал. *вашкала ~ ўашкала* ‘древний, старинный; первобытный’. Примеры: кез. *мон кёлны ваз' выдис'ко, курэгийосын чош, вылды*. Юр. ‘Я спать **рано** ложусь, с курицами в одно время (‘вместе’), наверное’; кез.: гыин. *выл' 2 ö й й ын ўачэ ми ули:мы мужикэным*. СГыя ‘В Новой Гые **вдвоём** с мужем мы жили’; кез.: ал. *кэс'а'зы со вуж коркай-эз, ўал'л'ала корйосыз ал'и но ньэчэс' на*. Ал. ‘Разобрали тот старый дом, **старинные** брёвна и до сих пор хорошие’; деб. *ваз'эн татын улон зэч вал, колхоз но вал, ужас'ком но вал чи'стонамы*. Так. ‘**Раньше** здесь жизнь хорошая была, и колхоз был, и работали мы все’; зур. *тин' то'жо ваз'эн кулиз вис'са бубилэн с'эстрэз*. Тюп. ‘Вот тоже **рано** из-за болезни умерла сестра моего отца’. Сохранение *ў* в гыинском и александровском кустах кезского говора связано с влиянием территориально смежного

среднечепецкого диалекта, в котором данный звук достаточно активно функционирует [Карпова 1997, 68–69].

Отметим, что инициальный *ʏ*, помимо среднечепецкого диалекта, имеет широкое распространение в нижнечепецких говорах [Карпова 2016, 23], бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 119; Люкина 2016, 55–58], отчасти встречается и в отдельных говорах периферийно-южного диалекта [Насибуллин 1972, 40–41; Кельмаков 1998, 85].

По своему происхождению анлаутный *ʏ*- в сочетании *ʏа* восходит к прапермскому **u*- [Uotila 1933, 63–70; Itkonen 1954, 280–281; Лыткин 1964, 24], который в большинстве удмуртских диалектах преобразовался в согласный *в*,

1.3. Дифференциальной чертой верхнечепецких говоров в системе северноудмуртских диалектов является отсутствие палатализации согласного *т* перед гласным *и*. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах указанное явление происходит в нескольких позициях, в частности: 1) в показателе *-эт'и* порядковых числительных; 2) в форманте переходного падежа; 3) в некоторых наречиях и наречных словах. В отличие от этого, в говорах верхнечепецкого диалекта подобное явление смягчения согласного *т* в указанных позициях не получило развития: вч. *бакчати* (сч. *бакчат'и* ~ *бакчаыт'и* ~ *бакчаыт'*, нч. *бакчат'и*) 'по огороду'; вч. *дасэ'ти* (сч., нч. *дасэ'т'и*) 'десятый'; вч. *оти* ~ *от* (сч., нч. *от'* ~ *от'и*) 'там; по тому месту'. Примеры: кез. *ул'чати* но *ʏамыштыны мыным с'экыт ни*. Мед. 'И по улице шагать мне уже тяжело'; деб. *кыкэ'ти арзэ служит' карэ ни внукмы*. Тыл. 'Второй год служит уже /в армии/ наш внук'; зур. *оти, н'эфт'а-н'н'икйос бордын, пийэ ужа*. Тюп. 'Там, у нефтяников, сын мой работает'.

Помимо среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов явление палатализации согласного *т* перед гласным *и* широко распространено в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 79–81, 165; Люкина 2016, 78, 108–109], в некоторой степени оно отмечается также в отдельных говорах собственно южного диалекта [Кельмаков 1977, 38–39; Архипов 1981, 7; Загуляева 1981, 127]. В нижнечепецких и среднечепецких говорах эта особенность, с нашей точки зрения, возникла под влиянием языка бесермян.

1.4. В отличие от других северноудмуртских диалектов, в верхнечепецком диалекте не наблюдается явление озвончения этимологических глухих согласных перед согласным *в*: вч. *лысву*, сч. *лззу* (*лыззу*, *лззу*), нч. *лыззу* 'роса'; вч. *жйок вылэ*, сч. *жйог вълэ* (*жйог вылэ*, *жйог вълэ*), нч. *жйог вылэ* 'на стол'; вч. *шуныт ву*, сч. *шуньд ву* (*шуныд ву*, *шуньд ву*), нч. *шуныд ву* 'тёплая вода'; вч. *дас вит'*, сч., нч. *даз вит'* 'пятнадцать'. Примеры: кез. *лысву ус'ис кэ, ву но кис'тано овёл ни бакчын*. Пол. 'Если роса выпала, не надо поливать уже в огороде'; деб. *туш трос калык вал д'эрэвн'ын, йун шулдыр вал*. ЗМед. 'Очень много народа было в деревне, очень весело было'; зур. *аз'ло татын трос валйос воз'о вылэм, ал'и кругом быттэмын*. Кабач. 'Раньше здесь много лошадей держали, сейчас совсем не разводят'.

Озвончение глухих согласных перед губно-губным *в*, помимо среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, широко отмечается в языке бесермян [Тепляшина 1970а, 151–153; Люкина 2016, 67]. Относительно происхождения данного фонетического процесса в среднечепецком и нижнечепецком диалектах мы придерживаемся позиции Т. И. Тепляшиной, которая считает, что источником его развития в северноудмуртских диалектах могло послужить влияние языка бесермян [Тепляшина 1970а, 153]. Материалы по среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам также подтверждают данную гипотезу: озвончение глухих согласных перед *в* довольно активно отмечается в территориально смежных с бесермянским наречием удмуртских говорах.

1.5. Одним из отличительных признаков верхнечепецких говоров в системе северноудмуртских диалектов является выпадение некоторых гласных, в частности фонем *ы*, *а*, в структуре слова. В описываемых говорах выпадение гласного может наблюдаться в следующих позициях:

1) в середине слова: выпадение этимологического гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксом неопределённой формы при условии, если не имеется стечения согласных перед *ы*: вч. *пырны* (< *пырыны*), сч. *пърнь* (*пырыны*, *пърнү*), нч. *пырыны* 'войти, зайти'; вч. *ульны* (< *улыны*), сч. *ульнь* (*улыны*, *улнү*), нч. *улыны* 'жить'; вч. *вурны* (< *вурныны*), сч. *вурнь* (*вурныны*, *вурнү*), нч. *вурныны* 'шить; зашить; подшить'; вч. *кыльны* (< *кылыны*), сч. *кълнь* (*кылыны*, *кълнү*), нч. *кылыны* 'слышать, услышать'. Примеры: кез. *вис'ны кутскэм сфэкро'фказы, кўин' толыз' вис'из, йун вис'из*. Пол. 'Заболела ('болеть стала') их свекровка, три месяца болела, сильно болела'; деб. *кирос мумизбубиз но ныллэн кулэ, пилэн но луны кулэ*. Бер. 'Крестные родители и у девочки должны [быть], и у

мальчика должны **быть**»; зур. *бэромим но кёлны пырим мынам т'ат'элэн с'эстрэз дин'э*. Тур. 'Припозднились мы и зашли **переночевать** к сестре моего отца'. Следует отметить, что выпадение гласного *ы* в рассматриваемой позиции в говорах верхнечепецкого диалекта имеет нерегулярный характер. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в описываемом положении *ы* всегда сохраняется. Регулярная синкопа *ы* конца глагольной основы отмечается в срединных говорах, в частности, в верхнеижских [Тепляшина 1973, 201], средневожских [Бушмакин 1971а, 103; Воронцов 1997, 11] говорах. Единичные примеры на выпадение *ы* в данной позиции встречаются в кырыкмасских говорах собственно южного диалекта [Кельмаков 1977, 78];

2) в абсолютном конце слова:

а) выпадение гласного *ы* в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения: вч. *гоштын* (< *гожтыны*), сч. *гоштънъ* (*гоштыны, гожтуйнъ*), нч. *гоштыны* 'написать'; вч. *кошкын* (< *кошкыны*), сч. *кошкънъ* (*кошкыны, кошкуйнъ*), нч. *кошкыны* 'уйти'; вч. *вордын* (< *вордыны*), сч. *вордънъ* (*вордыны, вордуйнъ*), нч. *вордыны* 'воспитывать; растить'. Эта особенность является одной из дифференциальных черт говоров верхнечепецкого диалекта в системе северноудмуртских диалектов. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах, как и во многих удмуртских диалектах, *ы* в указанной позиции сохраняется. Выпадение гласного в маркере неопределённой формы, согласно нашим полевым данным, в основном наблюдается в случаях, когда инфинитивная форма включена в состав составного сказуемого. Примеры: кез. *гоштын мон тил'эд быгато та пэ·сн'айэз бумага вылын но*. Фок. 'Написать я вам могу эту песню и на бумаге'; деб. *шутэтскын вэтлис'ко «дом прэстарэ·лых»*. Так. 'Отдыхать ездю в «Дом престарелых»'; зур. *вэрас'кын вол'ыт уг вэ·рас'кы на мужикэ. врач но бол'н'иццын соз' вэрас вал, вит'оно, пий*. Лоз. 'Говорить хорошо пока не получается у мужа. И врач в больнице также сказал, мол, надо подождать'. Как показывает материал, в ауслауте данной группы лексем гласный *ы* выпадает в основном при условии, если перед гласным *ы* основы глагола имеется сочетание согласных: вч. *йётскын* (< *йётскыны*) 'дотронуться; задеть'; вч. *бас'тын* (< *бас'тыны*) 'взять; купить'; вч. *лэс'тын* (< *лэс'тыны*) 'строить; делать'; вч. *начармын* (< *начармыны*) 'нищать; обнищать'. В остальных случаях при отсутствии стечения согласных перед формантом инфинитива обычно выпадает конечный гласный *ы* глагольной основы. Исходя из этого, можно заключить, что в верхнечепецких говорах выпадение *ы* в суффиксе инфинитива глаголов I спряжения является коррелятом выпадению *ы* в инлауте перед формантом *-ны*. Подобное явление регулярно наблюдается в смежных средневожских говорах [Воронцов 1997, 16], оно имеет место также в отдельных говорах собственно южного диалекта, к примеру, в граховских говорах [Атаманов 1981, 52–53]. В бесермянском наречии отмечается факультативное употребление обеих форм [Люкина 2016, 41];

б) выпадение гласного *ы* в суффиксе инфинитива глаголов II спряжения. Это явление представляет также специфику верхнечепецких говоров в северноудмуртском диалектном ареале: вч. *вэран* (< *вэраны*), сч. *вэранъ* (*вэраны, вэрануйнъ*), нч. *вэраны* 'говорить, сказать'; вч. *ужан* (< *ужаны*), сч. *ужанъ* (*ужаны, ужануйнъ*), нч. *ужаны* 'работать'; вч. *турнан* (< *турнаны*), сч. *турнанъ* (*турнаны, турнануйнъ*), нч. *турнаны* 'косить'; вч. *гажан* (< *гажаны*), сч. *гажанъ* (*гажаны, гажануйнъ*), нч. *гажаны* 'уважать'; вч. *гожйан* (< *гожйаны*), сч. *гожйанъ* (*гожйаны, гожйануйнъ*), нч. *гожйаны* 'писать'. Примеры: кез. *арэскы но зок' өвөл на, ой но у·жа туннэ йоскад', нош дардомын өдийай ни, н'эномыр лэс'тытэк*. Куз. 'И годов [мне] не так уж много, и не работала ещё сегодня как следует, а устала уже ('уоставать начала'), ничего не делаю'; деб. *мил'эмды фэрмайэ таччы ужан вайизы*. Котег. 'Нас на ферму сюда перевели **работать**'; зур. *ужан мон йаратско вал, ван' ужмэ йаратыса ужай*. Тюп. 'Работать я любила, всю работу с любовью выполняла'. Широкое распространение данное явление имеет в соседних средневожских говорах [Воронцов 1997, 16]. Случаи выпадения гласного *ы* в данной позиции зафиксированы также в граховских южных говорах [Атаманов 1981, 52]. Аналогичный фонетический процесс представлен в южных диалектах коми-пермяцкого языка [Баталова 1975, 190; Баталова 1982, 146–147].

Отпадение гласного *ы* в показателе инфинитива *-ны* глаголов I и II спряжения, вероятно, связано с явлением редукции конечного гласного слова в потоке речи. Отметим, что в большинстве удмуртских диалектов *ы* в ауслауте данной группы глаголов сохраняется.

1.6. Для говоров верхнечепецкого диалекта характерным является отсутствие *й* суффиксальной морфемы в положении перед гласными *э, а, о*, например: *коркаэ* (ср. лит. *коркае* [коркайэ]) 'мой дом', *узыэз* (ср. лит. *узыез* [узыйэз]) 'его (её) земляника', *куноэ* (ср. лит. *куное* [кунойэ]) 'в гости', *чыртыам* (ср. лит. *чыртыям* [чыртыйам]) 'на моей шее', *лымыа* (ср. лит. *лымыя* [лымыйа]) 'снег идёт', *узыан* ~ *узыаны* (ср. лит. *узыяны* [узыйаны]) 'собирать землянику'. Примеры: кез. *в э л' и к т э мэ огмы до*

рыс'эн огмы *кунэз* *ктылыс'ком вал*. Юр. 'В Пасху друг друга ('от одного к другому') [мы] в гости приглашали'; кез. *татын узы к'вкл но, узьян но уг вэ-тскы*. Каб. 'Здесь земляника не растёт ('земляники нет'), поэтому за земляникой ('собирать землянику') и не хожу'; деб. *май толиз' ни, а туннэ нош лымыа*. Ар. 'Май месяц уже, а сегодня опять **идёт снег**'; зур. *пуныэлы нуналаз одик пол с'ион с'отыс'ко*. ОИр. 'Собаке своей раз в день еду даю'. По характеру проявления указанного явления верхнечепецкие говоры проявляют сходство со смежными средневосточными говорами [Бушмакин 1971а, 152–153]. В среднечепецких и нижнечепецких говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, в этой позиции появляется вставочный *й* для устранения стечения гласных на стыке словоформ.

1.7. В говорах верхнечепецкого ареала отмечается явление регрессивной ассимиляции, которая выражается в уподоблении конечного гласного основы и начального гласного суффикса. Так, например, встречаются случаи ассимиляции гласных основы *а*, *о* начальным суффиксальным гласным *э*: вч. *с'ас'кээн* (< *с'ас'каэн*) 'с цветком'; вч. *вукээн* (< *вукоэн*) 'мельницей'; вч. *винээн* (< *винаэн*) 'с вином'; вч. *канторээ* (< *кантораэ*) 'в контору'; вч. *көрчагээ* (< *көрчагаэ*) 'в корчагу'; вч. *коркээ* (< *коркаэ*) 'в дом; мой дом'; *тээ* (< *таэ*) 'это'; *субботээ* (< *субботаэ*) 'в субботу'; вч. *срэдээ* (< *срэдаэ*) 'в среду'. Примеры: кез. *фэрмээ кыйэд поттыны вэтлэ б о р и сэ, ка-жной чукна оз' мынэ*. Уд. 'На ферму навоз вывозить ходит мой Борис, каждое утро так идёт'; деб. *мамээ ту-жун висис кэ, чагалэс' настойка пыр лэс'тэ вал. оз' л'экарсво мэстээ йуэ вал*. Котег. 'Мама моя очень сильно болела, настойку из чаги постоянно делала. Так **вместо** лекарства [её] пила'; зур. *эмээ'эз вузас'ко, школээ мынны плат'т'а бас'тын*. Люк 'Малину продаю, [чтобы] для школы ('в школу пойти') платье купить'.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в устной речи на стыке словоформ нередко наблюдается стяжение уподобившихся гласных: вч. *ул'чэ* (< *ул'чээ* < *ул'ча(й)э*) 'на улицу'; *кунэ* (< *кунээ* < *кунэ(й)э*) 'в гости'; вч. *т'ам'эн* (< *т'ам'ээн* < *т'ам'а(й)эн*) 'с отцом'; вч. *кышнэн* (< *кышнээн* < *кышно(й)эн*) 'с женой'; вч. *войнэ* (< *войнээ* < *война(й)э*) 'на войну'. Примеры: кез. *бабэ татын мил'энымы улылиз пыр, но-кыт кс ко-шкы*. Фок. 'Моя свекровка здесь с нами жила постоянно, никуда не уехала'; деб. *ачмэ гуртэ пэкарн'а лэс'тылызы. пэкарн'э понизы монэ*. ЗМед. 'В нашей деревне пекарню построили. **В пекарню** [работать] определили меня'; деб. *ул'чэти чарпа ворттызы*. Так. 'По улице щебень возили'; зур. *тан' т'ам'э но мынам кык класс гинэ дышэтскэмын*. Тюп. 'Вот отец мой тоже два класса всего проучился'.

Аналогичное явление обнаруживается в срединных говорах, в частности, в соседних средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 167]. Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, как и большинства удмуртских говоров, оно не совсем характерно.

2. Фонетические явления, имеющие локально ограниченный характер распространения в группе верхнечепецких говоров.

2.1. Для кезского и дебёсского говоров верхнечепецкого диалекта характерной чертой является выпадение этимологического гласного *а* основы существительного перед падежным формантом в инессиве, элативе, эгрессиве: кез., деб. *бакчын* (< *бакчаын*) 'в огороде'; кез., деб. *канторын* (< *кантораын*) 'в конторе'; кез., деб. *т'урмыс'* (< *т'урмаыс'*) 'из тюрьмы'; кез., деб. *башн'ыс'* (< *башн'аыс'*) 'из башни'; кез., деб. *войныс'эн* (< *войнаыс'эн*) 'на войне; с войны'. Примеры: кез. *проч мон торэлкыс' с'ины дышэмын өвөл шыдээ, мыным л'э-кчэ жэл'э-знойыс'*. Пол. 'Совсем я не привыкла есть **из тарелки** суп, мне лучше ('легче') из железной [чашки]'; кез. *та ул'чын улис'ко*. Узяз. 'На этой улице живу'; деб. *кык арн'а бол'н'иццын кыл'л'из тимы*. Так. 'Две недели **в больнице** лежал наш сын'. В зуринском говоре указанное явление не зафиксировано. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах, подобно другим удмуртским диалектным микросистемам, в описываемых формах *а* сохраняется [Карпова 2020, 115].

2.2. В ареале кезского говора и незначительно в северной части дебёсского говора отмечаются случаи прогрессивной лабиальной ассимиляции, когда гласный *ы* непервого слога отдельных лексем под влиянием гласного *у* предшествующего слога преобразуется в *у*: кез. *пуну* (< *пуны*) 'собака'; кез. деб. *турун* (< *турын*) 'трава; сено'; кез. *пужум* (< *пужым*) 'сосна'; кез. *пужумгуби* НУн. (< *пужымгуби*) 'масленок (*гриб*)'; кез. *сусуну* (< *сусыну*) 'можжевельник'. Примеры: кез. *инмар пунулы с'отэм нырыс' н'ан'*. Уд. 'Бог **собаке** дал вначале хлеб'; кез. *тат ваз'выл пэрэс'йос турун каро вал, ал'и л'эт'эратурно вэрало йэзит калык*. Пол. 'Здесь раньше старики «**турун**» называли, теперь по-литературному называет [это слово] молодежь'. Данное явление в кезском говоре имеет нерегуляр-

ный характер и отмечается в основном в речи диалектоносителей старшего поколения, в связи с чем представляет собой неустойчивое диалектное различие.

Из других северноудмуртских диалектов лабиальная ассимиляция отмечается в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, изредка – в среднечепецком диалекте [Карпова 2020, 117–118]. Случаи аналогичного выравнивания гласных встречаются в бесермянском наречии [Люкина 2016, 44]. Следует отметить, что явление лабиализации свойственно также отдельным диалектам коми-зырянского [Баталова 1982, 35; Попова, Сажина 2014, 29–32] и коми-пермяцкого языков [Баталова 1975, 77–80].

2.3. В зуринском и дебёссском говорах встречаются также случаи регрессивной ассимиляции, когда конечным гласным основы *a* ассимилируется гласный *o* форманта множественного числа существительных: деб., зур. *ул'чаас* (< *ул'чаос*) 'улицы'; деб., зур. *бакчаас* (< *бакчаос*) 'огороды'; деб., зур. *дэраас* (< *дэраос*) 'холсты'; деб., зур. *кн'игаас* (< *кн'игаос*) 'книги'. Примеры: деб. *тырттэм коркаас ла ччак татын ини*. Тыл. 'Пустых домов много уже здесь'; зур. *нылбрагаасы мон вэтли л о з о л' у кэ*. Тюп. 'На [праздник] «Девичья брага» ('на девичьи браги') я ходила в Лозолук'; зур. *кык мэтраас кыл'из на вал тил'ит' тыны*. ОИр. 'Около двух метров оставалось ещё пилить'.

В спонтанной речи диалектоносителей нередко можно наблюдать явление стяжения, в результате которого на месте двух уподобившихся согласных *aa* на стыке словоформ возникает один *a*, например: деб. *ваз'выл ул'часын пиналийос шудо вал, ал'и пу'сто, нокинэз но овёл ини*. Бер. 'Раньше на улице ('на улицах') дети играли, сейчас пусто, никого уже нет'; зур. *вайкаласлэс' кылэлэмэ ван' с'уан голосэз*. Тюп. 'От старых людей слышала было я свадебный голос'. По нашим наблюдениям, данное явление преимущественно встречается в речи старшего поколения. Аналогичное явление имеется и в пограничных дебёссскому говору средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 200].

2.4. В тыловайском подговоре дебёссского говора (южная часть Дебёссского района – такагуртский, тыловайский кусты) отмечается спорадическое употребление *v* вместо неслогового *ǰ* после *k* в позиции перед гласными *a* и *i*: НТыл., СКыч., Так., Тыл. *квин'* (< *кǰин'*) 'три'; НТыл., СКыч., Так., Тыл. *кват'* (< *кǰат'*) 'шесть'; НТыл., СКыч., Так., Тыл. *квар* (< *кǰар*) 'лист'; СКыч., Так., Тыл. *квамын* (< *кǰамын*) 'тридцать'; НТыл., Так., Тыл. *квара* (< *кǰара*) 'звук, голос'. Примеры: тыл. *акээ часту'ин'ицца вал, частушкалы маст'ор вал. кварайэз но ту'жун зво'нкой солэн*. Так. 'Старшая сестра моя частушечницей была, частушки петь она мастерицей была. И голос очень звонкий у неё'; тыл. *кват' куз'а пинал вайиз*. Так. 'Шестерых детей родила [она]'; тыл. *сычэ кваз' вал: чуказ'эаз лымы ус'из*. Тыл. 'Такая погода была: назавтра снег выпал'.

Из других удмуртских диалектных микросистем данное явление зафиксировано в косинском говоре нижнечепецкого диалекта [Карпова 2020, 162], также в отдельных срединных говорах, в частности, шарканском говоре, входящем в группу средневосточных говоров и соседствующем с юга с тыловайским подговором дебёссского говора [Максимов 2018, 198]. Отметим, что употребление *v* на месте неслогового *ǰ* в сочетаниях *кǰа-*, *кǰи-* в указанных говорах имеет нерегулярный характер и отмечается в основном в речи диалектоносителей старшего возраста.

Консонантный кластер *kv-* (*ква-*, *кви-*) анлаута слова в нижнечепецком диалекте, как считает С. А. Максимов, возник в процессе языкового взаимодействия с коми населением. Сохранению в косинском говоре нижнечепецкого диалекта данного звуко сочетания, по мнению исследователя, могли способствовать контакты с русским населением [Максимов 2018, 200]. В тыловайском подговоре верхнечепецкого диалекта, как мы полагаем, сочетание консонантного кластера *kv-* в начале слова возникло в результате миграционных волн удмуртов с нижней Чепцы на верхнюю Чепцу.

2.5. В функционировании аффрикат некоторую особенность обнаруживает тыловайский подговор дебёссского говора. В частности, в речи пожилых диалектоносителей как остаточное явление спорадически встречается употребление первичных аффрикат *ǰš* и *ǰž* в ин- и ауслатной позиции, которые в собственно дебёссском подговоре (северная и центральная части Дебёссского р-на), как и в других северноудмуртских диалектах, заменились соответствующими щелевыми согласными *з'* и *жс*: *кǰǰы* ~ *кǰжы* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *кǰжы* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *кǰжы* вч.: кез., зур., нч., сч. 'горох'; *уǰǰ* ~ *уǰж* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *уǰж* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *уǰж* вч.: кез., зур., нч., сч. 'работа'; *кэǰыт* ~ *кэз'ыт* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *кэз'ыт* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *кэз'ыт* вч.: кез., зур., нч., сч. 'холодный; холодно'; *ваǰ* ~ *ваз'* НТыл., СКыч., Так., Тыл. // *ваз'* Ар., Бер., Котег., Сюр., Турн., ЗМед. // *ваз'* вч.: кез., зур., *ǰаз'* нч., сч. 'ранний; рано'. Примеры: тыл. *толиǰ гуртын ули пиналэным*. Так. 'Месяц дома я находилась с ребёнком';

тыл. *о́зы лэс'тоно*, *та́зы лэс'тоно*. НТыл. 'Так надо делать, этак надо делать'; тыл. *у́жсан карис'киз пийэ. ту·жын шумпотэ ачиз но со*. Тыл. 'На работу ('работать') устроился мой сын. Очень радуется и сам он'.

Диалектные записи последних лет свидетельствуют о вытеснении в тыловайском говоре этой диалектной особенности, вероятно, под влиянием литературного произношения. Причём в речи одного и того же диалектоносителя старшего возраста встречается вариантное (щелевое и аффрикативное) произношение, с преобладанием первого. Следовательно, в настоящее время явление аффрикатизации в данной диалектной микросистеме представляет собой неустойчивую языковую черту.

Аффрикативное произношение подобных лексем свойственно пограничным средневосточным говорам [Бушмакин 1971, 14] и большинству срединных говоров [Кельмаков 1998, 198].

2.6. В кезском говоре зафиксированы единичные примеры на выпадение гласного *ы* перед сонорными согласными *р*, *л*: *крыж* (< *кырыж*) Пол. 'косой, кривой'; (*пуэз*) *трыны* (< *тырыны*) НУн. 'дрова сложить'; *прак* (< *пырак*) Кул. 'прямо'; (*ву*) *брэктэ* (< *бырэтэ*) Кул., НУн., Уд., ЮТол. '(вода) кипит'; *дрин'чи* (< *дурин'чи*) НУн., Паж. 'оса'; *блафки* ~ *былафки* (< *булафки*) Паж. 'булавка'; *плас'кыны* (< *пылас'кыны*) Куз., Юс. 'умываться'; *слал* (< *сылал*) Ал., Каб., Кул., Пол. 'соль'; *слалтыны* (< *сылалтыны*) Ал., Каб., Кул., Пол. 'посолить'. Примеры: кез. *вуэд брэктиз. оло, чай тил'эд пароно?* ЮТол. 'Вода вскипела. Может, чай вам заварить?'; кез. *плас'кыны гинэ но уг лэ·з'ыло вал... пра·зн'ик луэ з'эмл'а-имэн'и·н'н'ик, вода-имэн'и·н'н'ик, соку уг лэ·з'ыло вал*. Куз. 'И купаться тогда не разрешали... Праздники были Земля-имениница, Вода-имениница, тогда не разрешали'. Отметим, что данное явление в говоре имеет ограниченный и неустойчивый характер: упрощенные формы указанных слов встречаются достаточно редко и в основном зафиксированы в речи диалектоносителей преклонного возраста. Выпадение гласного *ы* в указанной позиции достаточно активно отмечаются в соседних среднечепецких говорах, откуда, по нашему мнению, в результате миграции их носителей оно было привнесено в ареал кезского говора.

2.7. В гыинском кусте кезского говора спорадически встречается явление ассимиляции *й* внутри корня (в основном в русских заимствованиях) и реже *й* суффиксального слога предшествующими согласными *л*, *л'*, *н*, *н'*, *с'*, *з'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*: *плат'м'а* (< рус. *плат'йэ*) 'платье', *лыд'д'аны* (< *лыдйаны*) 'считать', *удморт'м'ос* (< *удмортйос*) 'удмурты', *вал'л'ос* (< *валйос*) 'лошади' и др. Примеры: кез. *пинал'л'ос*, *пэ, шуо, учит'эл'зы таиз йун ньэч*. СГыя 'Дети, мол, говорят, что учитель этот очень хороший'; кез. *тан' кэнэ вэраз, удморт'м'ос, пэ, лыкти·зы тон доры вэрас'кын*. СГыя 'Вот моя сноха сказала, **удмурты**, мол, пришли к тебе поговорить'; кез. *кыт ми тэром кык сват'м'аос одик коркан*. СГыя 'Как мы уживёмся две сваты в одном доме'.

В свое время А. А. Алашеевой было отмечено, что указанное явление не встречается в верхнечепецких говорах [Алашеева 1990: 10]. Тем не менее, во время экспедиций к кезским удмуртам практически во всех обследованных населённых пунктах нами были зарегистрированы примеры на ассимилятивные изменения в заимствованных словах, к примеру: *л'ин'н'а* (< рус. *л'и·н'ийа*) 'линия', *пэчэн'н'а* (< рус. *пэчэ·н'йэ*) 'печенье', *варэн'н'а* (< рус. *варэ·н'йэ*) 'варенье'. В некоторых населённых пунктах, расположенных достаточно далеко друг от друга, к примеру, в с. Кулига, дд. Фокай, Уди, Юрук, Новый Унтем, в речи диалектоносителей преклонного возраста в небольшом количестве отмечены также примеры на ассимилятивные процессы, происходящие и в словах удмуртского происхождения как внутри корня, так и на стыке двух морфем: *кд'д'аны* (< *кдйаны*) Кул., Пол., Юр., Уд., Фок. 'надумал, затеял'; *лыд'д'ас'кыны* (< *лыдйас'кыны*) НУн., Уд. 'считать', *уд'д'аны* Фок. 'угощать спиртным; подавать спиртное', *йэгит'м'ос* (< *йэгитйос*) НУн., Юр. 'парни; молодежь'. Примеры: кез. *пинал пыртонын куноослы пичил'тык вина уд'д'ало ни*. Фок. 'На крестинах ребёнка гостей чуть-чуть вином уже **угощают**'; кез. *кыл'эм арын макэ вис'ын кд'д'ай*. Уд. 'В прошлом году что-то я приболела ('стала болеть')'.

В прошлом указанная диалектная черта, как мы полагаем, имела более активный характер в ареале кезского говора. Сохранение данного фонетического процесса в гыинском кусте кезского говора, по-видимому, объясняется влиянием соседнего среднечепецкого диалекта, для которого характерен произносительный вариант с результатами ассимиляции [Карпова 2020, 148].

Явление ассимиляции *й* предшествующему согласному имеет широкое распространение в нижнечепецком диалекте [Карпова 2016, 26–27], в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 151; Люкина 2016, 65–66], средневосточных говорах [Бушмакин 1968, 272], также в отдельных говорах южного и

периферийно-южного диалектов [Кельмаков 1998, 103–105]. Уподобление предшествующим согласным последующего согласного *й* широко распространено в диалектах коми-зырянского и коми-пермцкого языков [Баталова 1975, 53; Попова, Сажина 2014, 81].

Таковы в целом дифференциальные фонетические черты верхнечепецких говоров в сравнении с другими северноудмуртскими диалектами. На основе вышеприведенного анализа можно заключить, что говоры верхнечепецкого ареала между собой в области фонетики обнаруживают много общих черт, позволяющие их объединить в один диалект. Вместе с тем отдельные частные диалектные микросистемы ареала проявляет некоторую специфику, которая в определённой степени обусловлена этногенетическими и миграционными процессами, имевшими место в данном регионе. В частности, северо-западный куст кезского говора совмещает в себе отдельные признаки соседних среднечепецких говоров (употребление анлаутного *й*, ассимиляционные явления в сочетаниях типа *-Сй*), которые не совсем свойственны другим говорам верхнечепецкого ареала. Наличие (точнее сохранению) в фонетической системе данной диалектной микросистемы среднечепецких черт, возможно, способствовало соседство с носителями среднечепецкого диалекта, с которыми население гыинского и александровского кустов имеет давние экономические и социокультурные связи. В тыловайском подговоре дебёсского говора, наряду с верхнечепецкими особенностями, проявляется ряд фонетических соответствий с пограничными средневосточными говорами (явление регрессивной ассимиляции конечным гласным основы *а* гласного *о* форманта множественного числа существительных, процесс стяжения, аффрикатизация). Сочетание как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов развития диалектных микросистем верхнечепецкого ареала способствовало развитию отдельных дифференциальных черт на различных уровнях языка, в том числе и на фонетическом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) удмуртские диалекты и говоры: ал. – александровский куст кезского говора верхнечепецкого диалекта; вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; гыин. – гыинский куст кезского говора верхнечепецкого диалекта; деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зуринский говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; кож. – кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; пон. – понинский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; тыл. – тыловайский подговор дебёсского говора верхнечепецкого диалекта; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населённые пункты по говорам верхнечепецкого диалекта:

кезский говор: Ал. – д. Александрово, Кезский р-н; Каб. – д. Кабалуд, Кезский р-н; Куз. – п. Кузьма, Кезский р-н; Кул. – с. Кулига, Кезский р-н; Мед. – д. Медьма, Кезский р-н; НУн. – д. Новый Унтем, Кезский р-н; Паж. – д. Пажман, Кезский р-н; Пол. – с. Полом, Кезский р-н; СГыя – д. Старая Гыя, Кезский р-н; Уд. – д. Уди, Кезский р-н; УЗяз. – д. Удмурт Зязьгор, Кезский р-н; Фок. – д. Фокай, Кезский р-н; Юр. – д. Юрук, Кезский р-н; Юс. – с. Юски, Кезский р-н; ЮТол. – д. Ю-Тольён, Кезский р-н;

дебёсский говор: Ар. – д. Ариково, Дебёсский р-н; Бер. – д. Берёзовка, Дебёсский р-н; ЗМед. – д. Заречная Медла, Дебёсский р-н; Котег. – д. Котегурт, Дебёсский р-н; НТыл. – д. Нижний Тыловай, Дебёсский р-н; СКыч. – д. Старый Кыч, Дебёсский р-н; Так. – д. Такагурт, Дебёсский р-н; Турн. – д. Турнес, Дебёсский р-н; Тыл. – с. Тыловай, Дебёсский р-н;

зуринский говор: Кабач. – д. Кабачигурт, Игринский р-н; Лоз. – д. Лозолнок, Игринский р-н; Люк – д. Люк, Игринский р-н; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский р-н; Тур. – д. Турел, Игринский р-н; Тюп. – д. Тюптиево, Игринский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91–105.
Алашеева А. А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8–10.

- Архипов Г. А. Среднеюринский говор. I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5–44.
- Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Атаманов М. Г. Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. С. 97–106.
- Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.
- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971а. 397 + 350 с.
- Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика-4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 7–22.
- Загуляева Б. Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.
- Каракулов Б. И. Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 106–115.
- Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с.
- Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- Карпова Л. Л. Кезские говоры в системе североудмуртских диалектов // Динамика структур финно-угорских языков. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2011. С. 97–106.
- Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
- Карпова Л. Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 6. Вып. 2. С. 17–36.
- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
- Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
- Кельмаков В. К. Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения (татарское влияние на удмуртские диалекты) // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. Tallinn, 1975. P. 1. Acta linguistica. С. 547–549.
- Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представ. в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1993. 57 с.
- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
- Лыткин В. И. Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 85–94.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы *ы* и употребление фонемы *э* в диалектах удмуртского языка» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 60–68.
- Максимов С. А. Североудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
- Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 202 + 339 с.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
- Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тепляшина Т. И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 196–223.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1954. Bd. 31. Heft. 3. S. 149–345.

Kel'makov V. K. Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten // Lapponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium, 20–23. April 1994. Uppsala, 1996. S. 211–224.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 65).

Поступила в редакцию 29.05.2023

Карпова Людмила Леонидовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

PHONETIC MARKERS OF THE UPPER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473

The article aims to study some phenomena of phonetic syntagmatics in the Upper Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt supradialect. The relevance of the study is determined by the importance of information about the originality of the Udmurt subdialects, common in the Upper Cheptsä language area and having insufficient coverage in the scientific literature. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Northern Udmurts. Special attention is paid to those characteristics which are common for the Upper Cheptsä dialect, on the one hand, and to phenomena which are of limited use in the investigated subdialects, on the other hand. The study also considers distinctive features in the vowel and consonant systems, analyzes most typical sound changes and processes in the subdialects. Different types of assimilation in the vowel and consonant systems, loss of sounds (sound elimination) are mentioned among phonetic peculiarities. Typical phenomena of omission of vowels in inlaut and auslaut of a word are investigated. The most typical for the Upper Cheptsä dialects is the loss of vowels in the middle and absolute end of a word. It is stated that this process in inlaut and auslaut is most often exposed to the vowel *ы*. The researcher highlights the intradialectal specific phenomena in the phonetic system of Upper Cheptsä subdialects in detail. The territorial prevalence of dialect modifications of phonetic syntagmatics is also revealed. Consistent comparison of the language facts of Upper Cheptsä subdialects with similar phenomena in other of Northern dialects and other Udmurt dialects is made.

Keywords: Udmurt language; phonetics; Northern dialects; Upper Cheptsä dialect; phonetic syntagmatics; vocalism; consonantism; phonetic phenomena; dialectal modifications; dialectal variation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 462–473. In Russian.

REFERENCES

Alasheeva A. A. Verkhnechepetskie govory I [Upper Cheptsä subdialects I] // *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of the Udmurt language]. Izhevsk. 1982. Pp. 91–105. In Russian.

Alasheeva A. A. Obshchie (severnoudmurtskie) i chastnye (mestnye) osobennosti v fonetike verkhnechepetskogo govora udmurtskogo yazyka [Common (Northern Udmurt) and unique (local) features in the phonetics of the Upper Cheptsä dialect of the Udmurt language] // *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* [Proceedings of the 6th International Finno-Ugric congress]. Moscow: Nauka Publ., 1990. Vol. 2: Linguistics. Pp. 8–10. In Russian.

Arkhipov G. A. Sredneyurinskii govor I [Srednie Yuri subdialect 1] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 5–44. In Russian.

Atamanov M. G. Grakhovskiyе govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhov subdialects of the South Udmurt Dialect] // *Materialy po udmurtskoy dialektologii: obraztsy rechi* [Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 45–96. In Russian.

Atamanov M. G. Besermyanskii sled v dialektakh udmurtskogo yazyka [Besermyan trace in dialects of the Udmurt language] // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000*. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. C. 97–106. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.

Atamanov-Ehgrapi M. G. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017. 592 p. In Russian.

Batalova R. M. Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.

Batalova R. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.

Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka: Aftoref. dis. kand. ... filol. nauk* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tartu, 1971. 28 p. In Russian.

Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk; Moscow, 1971a. 397 + 350 p. In Russian.

Vorontsov P. I. Yavleniya vypadeniya fonemy *ы* v udmurtskikh dialektakh [Phenomena of *ы* Phoneme Loss in Udmurt Dialects] // *Permistika 4: Permskie yazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii* [Permistika 4: Permian languages and their dialects in Synchrony and Diachrony]. Izhevsk, 1997. Pp. 7–22. In Russian.

Zagulyaeva B. Sh. Govory dd. Muvazhi i Chumali [Subdialects of the villages of Muvazhi and Chumali] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 126–136. In Russian.

Karakulov B. I. Govor sela Yuski [The subdialect of the village of Yuski] // *Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka* [Speech samples of the Udmurt language]. Izhevsk, 1982. Pp. 106–115. In Russian.

Karpova L. [L.] *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.

Karpova L. L. *Srednechepetskiy dialekt udmurtskogo yazyka. Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Russian.

Karpova L. L. Kezskie govory v sisteme severnoudmurtских dialektov [Kezskiy subdialects in the system of the Northern Udmurt dialects]. *Dinamika struktur finno-ugorskikh yazykov* [Dynamics in the structures of the Finno-Ugric languages]. Syktyvkar: OOO «Izd-vo «Kola» Publ., 2011. Pp. 97–106. In Russian.

Karpova L. L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: srednechepetskiy dialekt* [The lexicon of the Northern dialects of the Udmurt language: the Middle Chepts dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p. In Russian.

Karpova L. L. Nekotorye osobennosti foneticheskoi sintagmatiki v nizhechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka [Some Features of Phonetic Sintagmatics in the Lower Chepts Dialect of the Udmurt Language] // *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10, Issue 2. Pp. 17–36. In Russian.

Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. In Russian.

Kel'makov V. K. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. I [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Voprosy udmurtskoi dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977. Pp. 26–61. In Russian.

Kel'makov V. K. Razvitie foneticheskoi sistemy yazyka v usloviyakh inoyazychnogo okruzheniya (tatarskoe vliyanie na udmurtskie dialekty) [Development of the phonetic system of the language in a foreign language environment (Tatar influence on Udmurt dialects)] // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970*. Tallinn, 1975. P. 1. Acta linguistica. Pp. 547–549. In Russian.

Kel'makov V. K. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov: nauch. dokl., predstav. v kachestve dis. ... d-ra filol. nauk [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: a scientific report, presented as a thesis of Doctor of Philology]. Moscow, 1993. 57 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. In Russian.

Lytkin V. I. *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of Permic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 270 p. In Russian.

Lytkin V. I. Labializovannyye glasnye srednego ryada v permskikh yazykakh [Labialized vowels of the middle row in Permian languages] // *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1968. № 1. Pp. 85–94. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte «Realizatsiya variantov fonemy *ы* i upotreblenie fonemy *s* v dialektakh udmurtskogo yazyka» [Comments on the map «Implementation of variants of the phoneme *ы* and the use of the phoneme *s* in dialects of the Udmurt language»] // Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Ostavnova G. V. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii* [Dialect atlas of the Udmurt language]. Izhevsk: NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2009. Issue I. Pp. 60–68. In Russian.

Maksimov S. A. *Severnoudmurtsko-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. In Russian.

Nasibullin P. Sh. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [Zakamsky subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [diss. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1972. 202 + 339 p. In Russian.

Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Nizhnechepetskie govory severnoudmurtского narechiya* [The Lower Cheptsu subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. Pp. 156–196. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Zametki po verkhneizhskim udmurtskim govoram* [Notes on the Upper-Izh Udmurt subdialects] // *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija* [Questions of Udmurt Linguistics]. Izhevsk, 1973. Issue 2. Pp. 196–223. In Russian.

Itkonen E. *Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe in Tscheremissischen und in den permischen Sprachen* // FUF. Helsinki, 1954. Bd. 31, H. 3. S. 149–345. In German.

Kel'makov V. K. *Der bilabiale Sonant in den udmurtischen Dialekten* // *Laponica et Uralica: 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala: Vorträge am Jubiläumssymposium, 20–23. April 1994*. Uppsala, 1996. S. 211–224. In German.

Uotila T. E. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65). In German.

Received 29.05.2023

Karpova Ludmila Leonidovna

Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, 426067, Russia
E-mail: karpovalud@rambler.ru

С. Купп-Сазонов

О МЕТАФОРИЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья является продолжением публикации «Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (О переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа)» [Купп-Сазонов 2020]. В данном исследовании в сопоставительном аспекте рассматриваются случаи метафорического употребления местоимений и глагольных форм 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и эстонском языках. Из анализа исключены случаи, когда местоимения и соответствующие глагольные формы выражают обобщенно-личное или неопределенно-личное значения. В случае форм 1-го лица мн. ч. было выявлено, что в русском языке эта форма может в определенных контекстах «заменить» любые другие личные местоимения и соответствующие глагольные формы. В эстонском языке в этом отношении наблюдаются некоторые ограничения. Переносное употребление остальных форм 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. также имеет некоторые различия в рассматриваемых языках. Так, в некоторых случаях метафорическое употребление конкретной формы, допустимое в одном языке, вообще не встречается в другом, иногда ограничения в употреблении возникают из-за контекста. Для не носителя языка подобные случаи могут создавать сложности в понимании собеседника, поэтому эти различия и ограничения следует учитывать при изучении языка, а также при переводе.

Ключевые слова: местоимения, лицо, число, переносное употребление, перевод, русский язык, эстонский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-474-487

1. Введение

«Личные местоимения¹ характеризуют лица и предметы по их роли, которую они выполняют в речевом акте» [Шелякин 1986, 12]. Соответственно, местоимение 1-го лица ед. ч. указывает на говорящего² (1а/б), местоимения 2-го лица – на адресата (2а/б) или нескольких адресатов (3а/б), и местоимения 3-го лица – на не участников коммуникативного акта (4а/б; 5а/б).

(1а) – *Дай-ка я тебя поцелую, – нежно сказала девица, и у самых его глаз оказались сияющие глаза.* (М. Булгаков)

(1б) „Lase **ma suudlen** sind,“ ütles näitsik hellalt ning tema silmad lõid särava otse Varenuhha silmade ees.

(2а) – *Что ты говоришь, Азазелло?* – обратился он к молчащему Азазелло. (М. Булгаков)

(2б) „Mida sa ütlesid, **Azazello?**“ pöördus ta vaikiva Azazello poole.

(3а) – **Вы – писатели?** – в свою очередь, спросила гражданка.

(М. Булгаков)

(3б) „Kas **te olete kirjanikud?**“ päris naine omakorda.

(4а) *Через минуту она спала, и никаких снов в то утро она не видела.*

(М. Булгаков)

(4б) *Hetk hiljem ta juba **magas** ega näinud sel hommikul ühtki unenägu.*

(5а) *Вот группа Брокенских гуляк. Они всегда приезжают последними.* (М. Булгаков)

(5б) *Sealt tulebki see **kamp Brockeni päevavargaid. Nad tulevad alati viimastena.***

¹ О происхождении личных местоимений см. [Бабаев 2009].

² Э. Бенвенист дает следующее определение: «Я значит человек, который производит данный речевой акт, содержащий я» [Бенвенист 2002, 286]. Во мн. ч. местоимение 2-го лица указывает на нескольких лиц, включая говорящего.

Однако следует отметить, что личные местоимения выполняют эти роли только тогда, когда мы имеем дело с прямым (абсолютным) употреблением этих форм. При переносном употреблении³ картина становится намного сложнее и интереснее. Следует иметь в виду, что возможность (переносного) употребления конкретной формы лица зависит также от функционального стиля. Несомненно, научный или официально-деловой стили имеют более строгие правила, и наиболее «свободно» формы употребляются в художественной речи (более подробно об этом см. [Голуб 2002]), поэтому большинство примеров, анализируемых в статье, взяты из художественной литературы.

Цель нашей статьи – попытка сопоставить метафорическое употребление местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и эстонском языках. Уточним, что, например, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев делят случаи переносного употребления на две разновидности. С одной стороны, они выделяют транспозицию – это «использование форм 1-го и 2-го лица не в соответствии с прямым назначением и указание на участников коммуникации не при помощи прямых обозначений (т. е. местоимений 1-го и 2-го лица)». Сюда исследователи относят некоторые случаи переносного употребления форм лица в общении с маленькими детьми, например, говорящий говорит в 3-м лице о себе: *Мама сейчас занята, малыши* или об адресате: *Алешенька хочет яблочко?* К этому типу употребления Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев также относят т. н. «материнское мы» и «авторское мы». С другой стороны, они говорят о конвенциональном употреблении личных форм. Под этим понимается использование форм 2-го лица мн. ч. при выражении обобщенно-личного и неопределенно-личного значений, а также при вежливом обращении, в котором существительное или полное прилагательное требует формы ед. ч., а глагол или краткое прилагательное – мн. ч. (ср. *Вы – моя лучшая подруга* и *Вы были правы*) [Булыгина, Шмелев 1997, 328–330]. Сразу отметим, что в исследовании мы не будем рассматривать вышеуказанные случаи раздельно. Кроме того, в материал для анализа не включены примеры, в которых выражается обобщенно-личное⁴ (афоризмы, пословицы и поговорки) и неопределенно-личное значения⁵, мы полагаем, что их нельзя считать классическими случаями переносного употребления личных местоимений и соответствующих форм глагола. В обобщенно-личном значении могут употребляться все формы лица, однако ограничимся некоторыми примерами:

(6а) *Чье кушаю, того и слушаю.*

(6б) *Kelle leiba ma söön, selle laulu ma laulan.*

(7а) *Тише едешь, дальше будешь.*

(7б) *Tasa sõuad, kaugele jõuad.*

(8а) *Мы редко думаем о том, что имеем, но всегда беспокоимся о том, чего у нас нет.*

(А. Шопенгауэр)

(8б) *Me mõtleme harva selle üle, mis meil on, kuid oleme peaaegu alati mures selle pärast, mida meil pole.* (А. Schopenhauer)

Хотя все эти высказывания могут относиться к любому человеку, все же это обобщенное лицо подразумевает и того, кого маркируют определенной формой местоимения. Иначе говоря, слова *тише едешь, дальше будешь* могут быть адресованы кому угодно, в том числе и конкретному лицу, на что указывают формы 2-го лица ед. ч. в примерах (7а/б), т. е. можно и конкретному собеседнику сказать: *тише едешь, дальше будешь*. А в случае форм 1-го лица мн. ч. в примерах (8а/б) можно оправданно утверждать, что *мы* включает в себя и самого говорящего. В. В. Виноградов пишет: «В обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек» [Виноградов 2001, 378]. Ср., например, переносное употребление формы 1-го лица мн. ч. в вопросе врача (т. н. «докторское мы»): *Как мы себя сегодня чувствуем?* Или т. н. «материнское мы»: *В 2 ме-*

³ Напомним, что под этим явлением имеется в виду ситуация, когда одна форма встречается в контексте, типичном для другой формы, при этом не отменяется ее грамматическое значение. Форму, употребляемую переносно, можно заменить другой формой в прямом употреблении [Бондарко 1971, 173].

⁴ Об обобщенности лица см. подробнее [Лаврентьев 2009, 35–40; Кирвесмяки 2010; Золотова и др. 2004, 119–121].

⁵ Обобщенно-личное значение и неопределенно-личное значение местоимений рассматривается разными авторами по-разному, например, М. А. Шелякин [1986, 22] называет это «нейтрализованным употреблением местоимений», Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [1997, 321] говорят о «нулевых вариантах местоимений».

сяца стали переворачиваться, в 5 месяцев **имеем 2 зуба** (Babyblog.ru). В обоих предложениях *мы* не обозначает говорящего + еще кого-либо, поскольку врача интересует не его личное самочувствие, а самочувствие пациента. И взрослый человек вряд ли будет хвастаться тем, что умеет переворачиваться и имеет два зуба. К тому же в этих случаях существует возможность выразить ту же мысль без переносного употребления грамматических форм, так доктор может спросить у пациента: *Как ты / вы себя чувствуешь / чувствуете?*, а мать может, рассказывая о своем ребенке, использовать форму 3-го лица ед. ч. – *В 2 месяца он / она стал / стала переворачиваться, в 5 месяцев **имеет 2 зуба***.

Так как в нашей предыдущей статье уже приводился обзор исследований как эстонских, так и зарубежных лингвистов [Купп-Сазонов 2020, 34], посвященных личным местоимениям и их употреблению, мы не будем здесь повторять эту информацию и перейдем сразу к анализу примеров. Необходимо отметить, что в анализируемом материале встречаются и примеры без личных местоимений. В некоторых случаях говорящий может вставить их в предложение, см. примеры 12а, 13а, хотя необходимости в этом нет, так как значение обобщенности и повторяемости действия выражается и без них. В других же случаях переносного употребления личные местоимения в контексте не допускаются (см. примеры 28а, 29а). Если в эти предложения вставить местоимение 3-го лица ед. ч., то переносное употребление грамматических форм исчезает, местоимения 3-го лица ед. ч. приобретают свое первичное значение, указывая на принадлежность действия не участнику коммуникативного акта.

2. Переносное употребление форм 1-го лица единственного числа

В отличие от других форм лица, 1-е лицо ед. ч., как правило, не употребляется переносно. Нам удалось найти лишь один случай (его выделил М. А. Шелякин [2001, 112]), который условно можно отнести к метафорическому употреблению этой грамматической формы. Здесь мы имеем дело с особым случаем, так как требуется определенная конструкция:

в рус. яз. **я + тебе/те** или **вам + глагол СВ буд-наст. вр. 1-го лица ед. ч.**

в эст. яз. **ma + sul** или **teil** (адессив) + глагол наст. вр. 1-го лица ед. ч.

Существенно то, что в подобных предложениях употребление местоимений является обязательным. Цель таких высказываний – выразить угрозу и запрет совершить какое-то действие. См. примеры (9а/б), (10а/б).

Немногочисленные примеры доказывают, что вместо формы *тебе* в высказывании может быть употреблено также *вам*, см. пример (11). Так как официального эстонского перевода нет (роман М. Бубеннова «Белая береза» переведен на эстонский язык не целиком), нельзя с полной уверенностью сказать, какую форму выбрал бы переводчик, однако языковое чутье носителя языка допускает дословный перевод русской конструкции: *Я вам поболтаю!* – *Ma teil lobisen!*

Более частотными являются все же предложения с местоимением *тебе*, может быть, оно просто лучше «сочетается» со значением угрозы и категорического запрета.

(9а) **Я тебе подумаю**, прибавил он тоненьким голосом, принимаясь стегать правую пристяжную. (И. Тургенев)

(9б) “**Ma sul mõtlen**” *lisas ta peene häälega, andes parempoolsele külghobusele piitsa.*

(10а) Они сели на ступеньках. Дверь из комнаты тихо скрипнула.

– Васька! Засеку! **Я тебе подслушаю!**

Дверь быстро закрылась. (Н. Островский)

(10б) *Nad istusid trepiastmetele. Toauks kriuksatas tasa.*

“*Vaska! Annan naha peale! Küll **ma sul siin kuulatan!**”*

Uks sulgus ruttu.

(11) *Задыхаясь, как пес на поводке, Чернявкин выбежал к дороге, с криком и руганью разогнал женщин по своим местам:*

– **Я вам поболтаю!** Я вам, твари, покажу!

Женщины больше не собирались толпой, но Чернявкин вскоре заметил: они и не работали как следует. (М. Бубеннов)

Для того, чтобы выразить ту же мысль без переносного употребления, недостаточно просто заменить форму лица глагола, как это обычно бывает в случае метафорического употребления. Например, вопрос официанта: *Что будем заказывать?* несложно переделать в предложение: *Что вы будете заказывать?* Однако вышеприведенные примеры нуждаются в более сложном изменении конструкции – кроме собственно форм лица нужно заменить наклонение (вместо изъявительного необходимо использовать повелительное), а во избежание значения предостережения – еще и видовую форму глагола, например:

Я тебе подслушаю! → *Не подслушивай!*

Ma sul kuulau pealt! → *Ära kuula pealt!*

Такое переносное употребление формы 1-го лица ед. ч. встречается и в эстонских оригинальных текстах, хотя в Национальном корпусе эстонского языка 2019 [EKÜK 2019] поиск дает результаты только из публицистических текстов. Например, предложение “*Ma sul tukastan!*” (*Я тебе подремлю!*) взято из газетной статьи, посвященной трагедии в Курксе (при преодолении залива Курксе утонуло или умерло от гипотермии 14 эстонских солдат). В статье выживший рассказывает, как один солдат от усталости и холода сказал ему: “*Ma natuke tukastan!*” (*Я немного подремлю!*). И на это он ответил “*Ma sul tukastan!*” (*Я тебе подремлю!*) и даже ударил своего товарища, чтобы тот не заснул, и, к счастью, они выжили [Suviste 2007].

3. Переносное употребление формы 2-го лица единственного числа

3.1. 2-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Форма 2-го лица ед. ч. употребляется вместо 1-го лица ед. ч. при описании повторяющихся действий, при этом происходит обобщение собственного опыта говорящего. Это наблюдается также в предложениях, выражающих возможность или необходимость наступления действия [Шахматов 1925, 73]. Следует отметить, что по поводу такого употребления 2-го лица ед. ч. среди лингвистов нет единогласия. Например, А. А. Шахматов относит его также к числу неопределенно-личных значений формы, обосновывая это тем, что «говорящий повествует о настолько обычных и повторяемых явлениях, что не исключает возможности того, что их переживали и другие» [Шахматов 1925, 57]. С другой стороны, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [1997, 333], а также В. В. Химик [1990, 55] видят здесь обыкновенный случай транспозиции, т. е. переносное употребление формы. Любопытную точку зрения выражает Ю. П. Князев, который различает две разновидности на основе повторяемости / единичности описываемых событий. Во-первых, он выделяет обобщенно-личное значение формы 2-го лица ед. ч., хотя признает, что описываемые повторяющиеся события «могут происходить только с одним человеком; в данном случае – говорящим» [Князев 2014, 331]. Другая (до него не выделявшаяся) разновидность также приписывает все действия говорящему, однако они происходят однократно, т. е. нет повторяемости [Князев 2014, 333]. С точки зрения нашего исследования, такое деление не является существенным, так как главный момент – *ты* заменяет *я* – имеет место в обоих случаях.

Предложено несколько интерпретаций замены 1-го лица формами 2-го лица ед. ч. В частности, А. А. Шахматов говорит о том, что таким образом представляется внутренняя речь говорящего с самим собой и «картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу» [Шахматов 1925, 73; 463]. Е. В. Падучева утверждает, что «в семантику этого употребления входит компонент ‘я хочу, чтобы ты поставил себя на мое место и представил себе, что все, что я говорю про себя, происходит как бы с тобой самим’» [Падучева 1996, 213].

(12а) *От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили.*

(А. Чехов)

(12б) *Hommikust õhtuni ikka jalul, ilmaski pole mul rahu, öösel aga lebad teki all ja kardad, et sind haige juurde võidakse viia.*

(13а) *Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица...* (И. Тургенев)

(136) *Lähed mööda metsaserva, vaatad koerale järele, aga vahepeal meenuvad armsad kujud ja näod...*

(14a) *Вспоминается мне урожайный год. /.../ На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, **распахнешь**, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и **не утерпишь** – **велишь** поскорее заседлывать лошадь, а сам **побежишь** умыться на пруд.* (И. Бунин)

(146) *Mulle meenub selline saagirohke aasta. /.../ Koidikul, kui alles kirevad kuked ja valgustamata akendega tarede korstnatest tõuseb suitsu, **avad** akna jahedasse, lillaka uduga täidetud aeda, kus läbi udu kohati särab heledasti hommikune päike; ei kärsi kauem toas püsida – **käsid** kähku hobuse saduldada, ise aga **jooksed** tiigi äärde pesema.*

В то же время бывает, что эстонский переводчик не сохраняет переносное употребление формы лица и повествование продолжается от 1-го лица, см. пример (15б). Такое переводческое решение непросто объяснить. Причина может заключаться в том, что в конце предыдущего предложения четко выражена форма 1-го лица, переход ко 2-му лицу представляется переводчику слишком резким, и он опасается, что читатель не поймет, о ком идет речь.

(15a) *Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда **стоишь** на горе, так **тебя** и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела.* (А. Островский)

(15б) *Tead, mõnikord **mulle** tundub, et **ma olen** lind. Kui **seisan** mäe otsas, kohe nagu kisub lendu. **Mõiten**, et kui pistaks jooksmata, tõstaks käed üles ja tõuseks õhku.*

3.2. 2-е лицо ед. ч. заменяет 2-е лицо мн. ч.

Замена 2-го лица мн. ч. 2-м лицом ед. ч. в формах повелительного наклонения встречается в контекстах, в которых группе лиц дается приказ, В. В. Химик определяет это как «ситуацию побуждения» [Химик 1990, 57]. В зависимости от конкретных обстоятельств команда может иметь более мягкий или более строгий характер. А. А. Потебня утверждает, что употребление формы 2-го лица ед. ч. вместо формы 2-го лица мн. ч. «увеличивает силу повелительного наклонения» [Потебня 1977, 218]. По мнению лингвистов, это метафорическое употребление формы 2-го лица ед. ч. обладает некоторыми характеристиками, в частности, ограничивается разговорной речью и просторечием [Гвоздев 1958, 307] и имеет «фамильярно-грубоватую окраску» [Грамматика... 1960, 499]. В. В. Виноградов определяет его даже как «фамильярное огрубление» [Виноградов 2001, 481]. С последним утверждением сложно полностью согласиться, по крайней мере, с точки зрения эстонского языка, где вышеупомянутое переносное употребление встречается также в общении с маленькими детьми.

На основе анализа материала можно выделить три основных контекста для такого переносного употребления формы 2-го лица ед. ч.

Во-первых, в армии (или в похожей обстановке, когда кто-то, имея более высокий статус, дает приказы остальным) – допускается в обоих языках, однако в русском языке является более частотным. Кроме того, в эстонском языке существует определенное ограничение – подобная замена невозможна, если в предложении имеется прямое обращение к адресату с помощью существительного или местоимения множественного числа (см. примеры (18б) и (19б)).

(16a) *Размахивая говорною трубою и срывая голос, он закричал пушечной прислуге и всем обращенным к нему загоревшим юным веселым лицам: – **Слушай** мою команду!* (Ю. Герман)

(16б) *Kõnetoruga vehkides ja häält ära karjudes hüüdis ta suurtükimeeskonnale ja kõigile tema poole pööratud nooruslikele päevitanud ja lõbusatele nägudele: „**Kuula** minu käsklust!“*

(17a) – ***Посторони-и-и-ись!** – орут грузчики, тараня шевелящуюся толпу громоздкими тележками...* (Г. Яхина)

(17б) *“**Hoia eemale!**” karjusid laadijad, ajades liikuvale rahvahulgale otsa raskeid kärusid...*

(18a) – *Сторонись, сторонись, земляки, генерал идет!* (В. Гаршин)

(18б) “*Astuge kõrvale, astuge kõrvale, poisid, kindral tuleb!*”

(19a) – *Нечего делать, ломай дверь, ребята.* (Н. Чернышевский)

(19б) *Pole midagi parata, murdke uks lahti, poisid!*“

Во-вторых, в спорте, в частности на групповых тренировках, когда тренер приказывает нескольким людям выполнять какое-либо упражнение⁶. Создается впечатление, что такое переносное употребление допускается только в эстонском языке, в русском языке (например, на видеотренировках на Youtube) тренеры предпочитают формы 2-го лица мн. ч. в повелительном наклонении либо формы 1-го лица мн. ч. в изъявительном наклонении.

(20a) *Tõsta käed üles ja jätkka marssimist.*

(Букв. *Поднимай руки и продолжай маршировать.*)

(20б) *Поднимайте руки и продолжайте маршировать.*

(20в) *Поднимаем руки и продолжаем маршировать.*

В-третьих, с (маленькими) детьми. Здесь такая же асимметричная ситуация как в вышеупомянутом случае, а именно – переносное употребление допускается в эстонском языке и не используется в русском. Например, в детском саду можно наблюдать ситуацию, когда дети окружают воспитательницу, та старается объяснить правила игры, но дети разговаривают между собой и не обращают на ее слова никакого внимания, и тогда воспитательница может сказать: *Tule lähemale ja kuula, mis ma räägin!* (*Подойди ближе и послушай, что я говорю!*), имея при этом в виду не одного ребенка, а сразу целую группу детей.

4. Переносное употребление формы 3-го лица единственного числа

4.1. 3-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Для этого метафорического употребления характерно отсутствие местоимения в высказывании, вместо него говорящий использует существительное и глагольные формы 3-го лица.

Наблюдается несколько контекстов, где подобная замена допустима.

Во-первых, 3-е лицо употребляется вместо 1-го лица в общении с детьми, когда взрослый (мать, отец, бабушка и др.) разговаривая с ребенком, говорит о себе в 3-м лице. В следующих примерах говорящий таким образом описывает свое действие ребенку.

(21a) *Подожди, сыночек, мама завяжет тебе шнурки.*

(21б) *Oota, poja, emme seob sul kingapaelad kinni.*

(22a) *Папа сейчас нальет тебе молочка и даст печенье.*

(22б) *Issi kallab sulle kohe piima ja annab küpsist.*

Помимо этого, сами дети часто говорят о себе в 3-м лице⁷, это скорее всего, связано с тем обстоятельством, что взрослые нередко обращаются к ребенку в 3-м лице (см. об этом подробнее в разделе 4.2.).

Во-вторых, в научном стиле формы 3-го лица могут заменять формы 1-го лица. Если в научных трудах на русском языке преобладает т. н. «авторское мы», то в эстонском языке частотным приемом для прибавления большей объективности является употребление 3-го лица вместо 1-го. Например: *Selle artikli/raamatu/magistritöö autor arvab/eeldab/analüüsib/järeldeb...* (*Автор этой статьи/книги/магистерской работы считает/полагает/анализирует/приходит к выводу...*).

4.2. 3-е лицо ед. ч. заменяет 2-е лицо ед. ч.

Употребление форм 3-го лица вместо форм 2-го лица может иметь очень разные цели, которые зависят от ситуации и, прежде всего, от отношения говорящего к адресату. При этом могут выражаться совершенно противоположные чувства.

С одной стороны, таким образом говорящий может проявлять недовольство и пренебрежение к собеседнику.

⁶ На самом деле, обращение на *ты* наблюдается также тогда, когда тренер проводит тренировку в телепередаче и телезрители могут участвовать в ней, находясь у себя дома.

⁷ «Говорить о себе в первом лице ребенок, как правило, начинает после кризиса трех лет. Именно к этому возрасту малыш впервые понимает, что он – это именно он, и начинает избавляться от форм 3-го лица» [Дахалаева 2013].

(23a) – Ну, хоть подними же, что уронил, а он еще **стоит** да **любуется!** (И. Гончаров)

(23b) “Noh, võta vähemalt üles, mis sa maha pillasid; **ta** veel **seisab** ja **vaatab!**”

(24a) – Слышал, шлёндра? – яростно кашлял отец на Сережку. – Ей-богу, возьму да выдеру кнутом. Немцы в городе, а он **шлендрает** где ни попало. (А. Фадеев)

(24b) “Kuulsid, logard!” pöördus isa raevukalt kõhides Serjožka poole.

“Jumala eest, võtan kätte ja soen su niudiga läbi! Sakslased on linnas, aga **tema hulgub ringi.**”

С другой стороны, говорящий может прибегать к такому переносному употреблению форм лица для выражения глубокого уважения [Erelt 1990, 38]. В таких высказываниях вместо местоимений употребляются существительные (часто это обращение: *peremees* / хозяин, *härра* / господин, барин, *proia* / госпожа, *poortees* / молодой человек, *peiu* / девушка и пр.).

(25a) *Aidamees kõndis koju. Väravas ootas teda juba uus kratt, käpp kõrva juures nagu soldatil, tühjadest munakoortest tehtud silmad punnis “Mida peremees **käisib?**” uuris ta. “Too hakatuseks mulle kott kulda!” käskis aidamees ja haigutas.* (А. Кивиряхк)

(25b) *Амбарицк пошел домой. В воротах его уже поджидал новый домовик – лапа, как у солдата, под козырек, глаза из пустых яичных скорлупок, выпучены.*

– Что хозяину угодно приказать? – осведомился он.

– Для начала принеси-ка мне мешок золота! – приказал амбарицк и зевнул.

(26a) *Isa ütles: „Härral ei ole maakeel vist päris selge. Härra **tahtis** ütelda, et **tahab** võtta minu tütre omale litsiks. Aga selleks isa nõusolekut ei küsita.”*

„Eeei!” hüüdis härra Bock... (Я. Кросс)

(26b) *Отец сказал: – Господин, наверно, не совсем хорошо **знает** эстонский язык. Господин хотел сказать, что **желает** взять мою дочь, чтобы сделать ее своей б... На это согласия у отца не спрашивают.*

– Да нет же, нет! – воскликнул господин Бок...

(27) *Шептульский отшатнулся, чтобы не выдать себя, и едва не столкнул развязную девицу, гулявшую по тому же коридору в самом развращенном виде.*

– **Не желает ли барин Шато Лафиту?** – поинтересовалась она.

– Ступай, ступай, – тихонько пробормотал филер, опасаясь лишнего внимания. (И. Лебедев)

Помимо этого, в обоих языках наблюдается использование формы 3-го лица ед. ч. при обращении к маленьким детям: *Сейчас Петя покушает и потом пойдет баиньки / Peeter sööb nüüd ja siis läheb tuttu.* По мнению американского лингвиста Р. Лангакера, это делается для того, чтобы не возникло непонимания со стороны ребенка, и он знал бы точно, к кому обращаются и о ком идет речь [Langacker 1985, 127–128].

4.3. 3-е лицо ед. ч. заменяет 1-е лицо мн. ч.

Формы 3-го лица ед. ч. могут употребляться вместо форм 1-го лица мн. ч. только в эстонском языке. Этот прием используется тогда, когда не совсем ясно, кто именно должен совершить определенные действия, о которых стороны между собой договариваются или говорящий почему-то не хочет называть это лицо [Lindström 2009, 107]. В подобных высказываниях нет местоимений, представлены только глагольные формы, указывающее на 3-е лицо ед. ч.

(28a) *Võtab (=võtame) siis järgmisel nädalal ühendust.*

(286) *Тогда свяжется (=свяжемся) на следующей неделе.

(29a) *Oleme kokku leppinud, teeb (=teeme) siis nii.*

(29b) *Договорились, поступит (=поступим) тогда так.

Хотя, считается, что чаще всего в таких случаях форма 3-го лица заменяет форму 1-го л. мн. ч., однако думается, что возможны и некоторые другие варианты. Например, говорящий может иметь в виду, что он сам свяжется с собеседником на следующей неделе (т. е. подразумевается 1-е лицо ед. ч.), или адресату намекают, что действие ожидается от него (т. е. форма 2-го лица ед. или мн. ч.).

5. Переносное употребление формы 2-го лица множественного числа

Кажется, что «самый известный» случай переносного употребления формы 2-го лица мн. ч. – это форма вежливости, которая очень часто встречается в обоих языках, как в письменной, так и в устной речи. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев утверждают даже, что «вежливое вы» – это особое местоимение в местоименной системе русского языка, так как оно обладает «особыми синтаксическими свойствами, отличными от «обычного», «множественного» вы. Поэтому его нельзя рассматривать просто как результат транспозиции «обычного» вы [Булыгина, Шмелев 1997, 331–332].

(30a) – *A простите... это ты... это вы... – он сбился, не зная, как обращаться к кому, на «ты» или на «вы», – вы – тот самый кот, что садились в трамвай?* (М. Булгаков)

(30b) „*Andestage, olid see...olite see...“ Tema jutt läks segi, sest ta ei teadnud, kuidas kassi poole pöörduda. „Kas olite teie see kass, kes tahtis trammiga sõita?“*

Более подробно о роли местоимений *vy/teie* в выражении вежливости см. [Štšadneva, Velman-Omelina 2016] и о различиях в употреблении вежливой формы в речи эстонцев и русских см. [Pajusalu и др. 2010].

В разговорной речи можно услышать еще одно метафорическое употребление формы 3-го лица мн. ч., в случае которого иногда бывает трудно определить, какая именно форма заменяется. Говорящий может обращаться к взрослому с маленьким ребенком словами: – *ого, как вы выросли!* / *какие вы хорошенькие!* и т. п., имея при этом в виду ребенка. Изменить переносное употребление на абсолютное можно двумя способами. Во-первых, говорящий может обратиться непосредственно к ребенку и сказать: – *ого, как ты вырос/ла!* / *какой/ая ты хорошенький/ая!* Во-вторых, слова говорящего могут быть адресованы взрослому, и тогда он употребит формы 3-го лица ед. ч.: – *ого, как он/она вырос/ла!* / *какой/ая он/она хорошенький/ая!*

Это переносное употребление встречается также в эстонском языке („*oi, kui suureks te olete kasvanud!* / *kui armsakesed te olete!*“), однако, думается, что намного реже чем в русском, как и в случае «материнского мы» [см. Купп-Сазонов 2020, 39–40].

6. Переносное употребление формы 3-го лица множественного числа

6.1. 3-е лицо мн. ч. заменяет 1-е лицо ед. ч.

Форма 3-го лица мн. ч. употребляется вместо формы 1-го лица ед. ч. для выражения авторитетности. В эстонском языке такое употребление не допускается и вместо этого используется специальная форма неопределенно-личного залога (имперсонала)⁸.

(31a) *Только одно плохо, – на него кричать нельзя. Мать попробовала как-то свое начать:*

– *Что тебе говорят, Иван! Раз я тебе сказала, ты должен исполнить немедленно...* (М. Пришвин)

(31b) *Ainult üks asi on halb – tema peale ei tohi häält tõsta. Ema proovib kord oma tavalisel moel: “Mis sulle räägitakse, Ivan! Ma ju ütlesin sulle, et käsud tuleb täita viivitamata...”*

(32a) – *А вы знаете, что вам за это будет? – Зыбин молчал. – Опустите штаны. Вот сейчас отсюда в карцер пойдете. /.../ Опустите штаны, вам говорят!* (Ю. Домбровский)

⁸ По-эстонски *umbisikuline tegumood* – «обозначает такое действие, субъект которого не назван в предложении, остается неопределенным, но он обязательно есть, как бы подразумевается» [Кюльмоя и др. 2003, 92].

(326) “*Kas te ka teate, mis teiega selle eest tehakse?*” (Zõbin vaikis.) “*Laske oma püksisäär alla. Lähete siit otseteed kartsa.*” /.../ „*Laske püksisäär alla, öeldakse teile!*”

6.2. 3-е лицо мн. ч. заменяет 3-е лицо ед. ч.

Употребление 3-го лица мн. ч. вместо 3-го лица ед. ч. выражает подобострастие, чрезмерное уважение в речи дореволюционной прислуги, чиновников и др. М. А. Шелякин отмечает, что в современном русском языке такое переносное употребление форм 3-го лица мн. ч. имеет иронический или шуточный характер (Шелякин 1986, 17).

(33а) ...*Феня спросила барыню:*

– *Что ж, барыня, разве они ночевать останутся?*

Да, постели ему на диване, – ответила Грушенька. (Ф. Достоевский)

(33б) ... *küsis Fenja perenaiselt:*

“*Kas nad jäävad siis ööseks siia, proua?*”

“*Jah, tee talle ase diivanile,*” vastas Grušenka.

(34а) – *Я их месяца три знала, – прибавила Лиза.*

– *Это ты про Васина говоришь их, Лиза? Надо сказать его, а не их. Извини, сестра, что я поправляю, но мне горько, что воспитанием твоим, кажется, совсем пренебрегли.* (Ф. Достоевский)

(34б) “*Tundsin neid umbes kolm kuud,*” lisas Liza.

“*Kas sa ütled Vassini kohta “neid”, Liza? Peab ütleva “teda”, aga mitte “neid”. Vabanda, et ma sind parandan, kuid nähtavasti on su kasvatus jäetud hooletusse.*”

Однако, анализируя разные примеры, можно заметить, что иногда говорящий прибегает к такому приему для выражения совершенно противоположных чувств – иронии, пренебрежения, даже презрения и т. п. См. пример (35а/б).

(35а) – *И свита эта требует места, – продолжал Воланд, – так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!*

– *Они, они!* – *козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, – вообще они в последнее время жутко свинчат...* (М. Булгаков)

(35б) “*Ja minu kaaskonnale on vaja ruumi,*” jätkas Woland, “*nii et keegi meist on siin korteris ülearune. Ja mulle näib, et ülearune olete just teie.*”

“*Nemad, nemad,*” mökitas kitsehäälel ruudulises pintsakus kõrend, rääkides Stjopast mitmusel. “*Ja üldse sigatsevad nad viimasel ajal jubedalt...*”

Следует подчеркнуть, что довольно часто в эстонских переводах это переносное употребление не сохраняется и употребляются формы 3-го лица ед. ч. (пример (36б)). Можно предположить, что переводчики боятся «запутать» своего читателя, хотя это явление встречается и в эстонских оригинальных текстах, см. пример (37).

(36а) – *Душенька, Маргарита Николаевна, – умоляюще заговорила Наташа и стала на колени, – упростите их, – она покосилась на Воланда, – чтобы меня ведьмой оставили... Мне господин Жак вчера на балу сделали предложение.* (М. Булгаков)

(36б) “*Kullakallis Margarita Nikolajevna,*” ütles Nataša ja heitis põlvili, “*paluge teda,*” ta piilus silmanurgast Wolandi poole, “*paluge teda, et mind nõiaaks jäetaks...Härra Jacques tegi mulle eile ballil ettepaneku*”.

(37) *Siis ilmus äkki Ludeke kohale, ta hingeldas ja ulatas väikese õllevaadi kummardades Melchiori poole. „Härrad tahtsid õllerüübet,” (= Господа захотели/пожелали пива) pomises ta.* (I. Hargla)

7. Выводы

На основе проведенного анализа можно прийти к следующим выводам. Во-первых, большинство случаев переносного употребления личных местоимений и соответствующих глагольных форм совпадают в эстонском и русском языках. При этом в обоих языках имеют место определенные ограничения, например, замена формы 2-го лица мн. ч. формой ед. ч. допускается в эстонском языке только тогда, когда в высказывании нет обращения во множественном числе, в русском языке оно не является препятствием. С другой стороны, в эстонском языке чаще наблюдаются ситуации, в которых это переносное употребление форм проявляется.

Во-вторых, существенные различия наблюдаются в двух случаях:

1) возможность замены формы 1-го лица мн. ч. формой 3-го лица ед. ч. существует только в эстонском языке;

2) соответствием переносного употребления русской формы 3-го лица мн. ч. вместо 1-го лица ед. ч. в эстонском языке является форма неопределенно-личного залога.

Любопытно, что несколько случаев переносного употребления форм лица встречается в общении с маленькими детьми. К похожему выводу пришла еще в 1977 г. американский лингвист Д. Уиллс [Wills 1977], которая выделила целых 11 случаев особого употребления форм лица глагола и местоимений, которые встречаются в речи взрослого с ребенком.

Перечень случаев метафорического употребления местоимений и глагольных форм, рассматриваемых в рамках нашей статьи, нельзя считать исчерпывающим, но мы стремились показать, что каждое личное местоимение допускает переносное употребление в обоих языках. Результаты нашего анализа представлены в таблице.

Переносное употребление форм лица в русском и эстонском языках

Форма	Употребление вместо формы	Русский язык	Эстонский язык
1-е л. ед. ч.	2-го л. ед. ч. или мн. ч.	+	+
2-е л. ед. ч.	1-го л. ед. ч.	+	+
	2-го л. мн. ч.	+	+
3-е л. ед. ч.	1-го л. ед. ч.	+	+
	2-го л. ед. ч. (значение недовольства)	+	+
	2-го л. ед. или мн. ч. (значение уважения)	+	+
	1-го л. мн. ч.	–	+
2-е л. мн. ч.	2-го л. ед. ч.	+	+
	2-го или 3-го л. ед. ч.	+	+
3-е л. мн. ч.	1-го л. ед. ч.	+	– (имперсонал)
	3-го л. ед. ч.	+	+

Поскольку различия в переносном употреблении форм лица в русском и эстонском языках могут вызывать некоторые трудности при изучении языка, а также в процессе перевода, эти особенности следует учитывать в переводческой деятельности, также в практике преподавания русского и эстонского языков как неродных.

ИСТОЧНИКИ

Бубеннов М. С. Белая береза. М.: Гослитиздат, 1951. 324 с.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Рассказы. М., 1980. 480 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М.: Правда, 1956. 456 с.

Гаршин В. М. Сочинения. М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 447 с.

Гончаров И. А. Обломов. М.: Гослитиздат, 1958. 504 с.

Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. 715 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 798 с.

- Достоевский Ф. М.* Подросток. Берлин: Ладыжников, 1921. 740 с.
- Кивиряхк А.* Ноябрь, или Гуменщик. Tallinn: Aleksandra, 2008. 183 с.
- Кросс Я.* Императорский безумец. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. 351 с.
- Лебедев И.* Метод римской комнаты. М.: Эксмо, 2019. 317 с.
- Национальный корпус русского языка.* 2003–2021. ruscorgora.ru (дата обращения: 27.11.2021)
- Островский Н. А.* Избранные пьесы. М.: Художественная литература, 1969. 462 с.
- Островский Н. А.* Как закалялась сталь; Рожденные бурей. М.: Московский рабочий, 1955. 580 с.
- Пришвин М. М.* Кашеева цепь. М.: Гослитиздат, 1960. 527 с.
- Тургенев И. С.* Записки охотника. М.: Правда, 1955. 384 с.
- Тургенев И. С.* Рудин. М.: Гослитиздат, 1948. 128 с.
- Фадеев А. А.* Молодая гвардия. М.: Художественная литература, 1966. 600 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. XI. М.: Художественная литература, 1939. 744 с.
- Чехов А. П.* Пьесы. М.: Детская литература, 1969. 222 с.
- Яхина Г.* Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2015. 508 с.
- Babyblog.ru.* URL: <https://www.babyblog.ru/user/nesterovavalentina02/117041> (дата обращения: 27.11.2021)
- Bulgakov M.* Meister ja Margarita. Tallinn, 1995. 335 с.
- Bunin I.* Isand San Franciscost. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964. 172 с.
- Dombrovski J.* Tarbetu tarkuse teaduskond. Tallinn: Kupar, 1995. 456 с.
- Dostojevski F.* Nooruk. Tallinn: Eesti Raamat, 2021. 662 с.
- Dostojevski F.* Vennad Karamazovid. II osa. Tallinn: Varrak, 2016. 565 с.
- EKÜK 2019 = Eesti keele ühendkorpus 2019.* URL: <https://doi.org/10.15155/3-00-0000-0000-0000-08565L> (дата обращения: 27.11.2021)
- Fadejev A.* Noor kaardivägi. Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 615 с.
- Garštin V.* Jutustused. Tallinn: Eesti Raamat, 1966. 283 с.
- Gontšarov I.* Oblomov. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 495 с.
- Hargla I.* Apteeker Melchior ja Pilaatuse evangeelium. Pärnamäe: Raudhammas, 2019. 467 с.
- Jahhina G.* Zuleihha avab silmad. Tänapäev, 2017. 440 с.
- Kivirähk A.* Rehepapp ehk November. Varrak, 2000. 200 с.
- Kross J.* Keisri hull. Tallinn: Eesti Raamat, 1978. 350 с.
- Ostrovski N.* Tormi sünnitadud. Tallinn: Eesti Raamat, 1968. 224 с.
- Ostrovski N.* Äike. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 83 с.
- Prišvin M.* Kaštšei kütked. Tallinn: Eesti Raamat, 1986. 460 с.
- Suviste M.* Pääsenud sõdur: spordimehed läksid, nalja- ja napsumehed jäid // SL Õhtuleht. URL: <https://elu.ohtuleht.ee/245363/ol-arhiiv-24-aastat-kurkse-tragoodiast-paasunud-sodur-spordimehed-laksid-nalja-ja-napsumehed-jaid> (дата обращения: 27.11.2021)
- Tšehhov A.* Näidendid. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. 285 с.
- Tšernõševski N.* Mida teha? Jutustusi uutest inimestest. Tallinn: Eesti Raamat, 1979. 415 с.
- Turgenev I.* Küti kirjad. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1959. 155 с.
- Turgenev I.* Rudin. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. 140 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаев К. В.* О происхождении личных местоимений в языках мира // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 119–138.
- Бенвенист Э.* Природа местоимений // Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 285–291.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 238 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки рус. культуры, 1997. 576 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология М., 1958. 407 с.
- Голуб И. Б.* Стилистика русского языка: Учебное пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 2002. 448 с.
- Грамматика русского языка.* В 2-х томах. Ред. В. В. Виноградов и др. М., 1960. 719 с.

Дахалаева Е. Ч. Лингвистический статус 3-го лица в рамках категории лица // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (дата обращения: 27.11.2021)

Золотова и др. = Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 541 с.

Кирвесмяки А. Выражение обобщенно-личного значения в русском языке // Slavica Helsingensia. Vol. 38. Helsinki: University Print, 2010. 337 с.

Князев Ю. П. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 10. Ч. 3. Ред. С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб.: Наука, 2014. С. 324–340.

Купп-Сазонов С. Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (о переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. №. 1. С. 34–44.

Кюльмоя и др. = Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 140 с.

Лаврентьев В. А. Значение обобщенности лица // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2009. № 3. С. 35–40.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. Глагол. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Акад. наук СССР, 1925–1927. 441 с.

Шелякин М. А. Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление): материалы по спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту: Тартуский государственный университет, 1986. 90 с.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. 180 с.

Erelt M. Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles // Keel ja Kirjandus. 1990. Vol. 1. Lk. 35–39.

Langacker R. Observations and speculations on subjectivity // Iconicity in syntax. John Haiman (Ed.). Typological Studies in Language. Vol. 6. Stanford: John Benjamin publishing Comp., 1985. P. 109–150.

Lindström L. Kõnelejale ja kuulajale viitamise vältimise strateegiad eesti keeles // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2009. Vol. 55. Lk. 88–118.

Pajusalu u dr. = Pajusalu R., Vihman V., Klaas B., Pajusalu K. Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel // Eesti rakenduslingvistika ühingu aastaraamat, 6. Tallinn: Eesti keele sihtasutus. 2010. Lk. 207–224.

Štšadneva V., Velman-Omelina J. Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides // Lähivõrdlusi. Lähivertailuja. 2016. Vol. 26. Lk. 481–500.

Wills D. D. Participant deixis in English and baby talk // Talking to Children. Cambridge: Univ. press, 1977. P. 271–298.

Поступила в редакцию 08.02.2023

Сире Купп-Сазонов
доктор философии (PhD), лектор
Институт иностранных языков и культур
Тартуский университет
51003, Эстония, г. Тарту, ул. Лосси, 3
E-mail: sirje.kupp-sazonov@ut.ee

S. Kupp-Sazonov

ON THE METAPHORICAL USE OF PERSONAL PRONOUNS AND VERB FORMS
IN ESTONIAN AND RUSSIAN

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-474-487

The article is devoted to the metaphorical use of personal pronouns and their respective verb forms in Russian and Estonian. In Russian and Estonian the systems of personal pronouns are quite similar, however their metaphorical use is not identical in these languages. While most cases of the metaphorical use of personal pronouns and related verb forms are nonetheless the same in Estonian and Russian, one can still point out some minor dissimilarities.

Significant differences appear in two cases:

- 1) the possibility of replacing the 1st person plural form with the 3rd person singular form exists only in Estonian;
- 2) the use of the 3rd person plural form instead of the 1st person singular form in Russian requires a completely different grammatical choice in Estonian: a form of impersonal voice.

It is curious that several cases of the metaphorical use of personal pronouns and verb forms appear in communication with young children. The list of cases of the metaphorical use of pronouns and verb forms analysed in this paper cannot be considered exhaustive, however it should demonstrate that every personal pronoun can be used metaphorically in Russian and Estonian.

Nevertheless, it is important to keep all these differences between languages in mind when teaching or translating.

Keywords: pronouns, person, number, metaphorical use, translation, Russian, Estonian.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 474–487. In Russian.

REFERENCES

- Babaev K. V.** O proiskhozhdenii lichnykh mestoimenii v yazykakh mira [On the origin of personal pronouns in world's languages]. *Voprosy yazykoznaniiya*. [Topics in the study of language nature of pronouns]. 2009, no 4, pp. 119–138. In Russian.
- Benvenist E.** Priroda mestoimenii [The nature of pronouns]. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, pp. 285–291. In Russian.
- Bondarko A. V.** *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of Russian verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 238 p. In Russian.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D.** *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world. (Based on Russian grammar)]. Moscow, Yazyki rus. kul'tury Publ., 1997. 576 p. In Russian.
- Dakhalaeva E. Ch.** Lingvisticheskiy status 3-go litsa v ramkakh kategorii litsa. [Linguistic Status of the 3rd Person in the Category of Grammatical Person]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. [Modern Problems of Science and Education]. 2013, vol. 1. In Russian. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (accessed 27 November 2021).
- Erelt M.** Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles — *Keel ja Kirjandus*, 1990 vol. 1, pp. 35–39. In Estonian.
- Gvozdev A. N.** *Sovremenniy russkii literaturny yazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologiya*. [Modern Russian Literary Language. Part I. Phonetics and Morphology]. Moscow, 1958. 407 p. In Russian.
- Golub I. B.** *Stilistika russkogo yazyka: Uchebnoe posobie*. [Russian Stylistics: Study Guide]. Moscow, Rol'f; Airis-press Publ., 2002. 448 p. In Russian.
- Grammatika russkogo yazyka. V 2-kh tomakh*. [Russian grammar. In 2 volumes]. Ed. V. V. Vinogradov. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 719 p. In Russian.
- Khimik V. V.** *Kategoriya sub"ektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke* [The Category of Subjectivity and its Expression in the Russian Language]. Leningrad, Leningrad University Print, 1990, 180 p. In Russian.
- Kirvesmyaki A.** *Vyrazhenie obobshchenno-lichnogo znacheniya v russkom yazyke. Slavica Helsingensia 38* [Expressing generalized-personal meaning in Russian. Slavica Helsingensia 38]. Helsinki University Print, 2010. 337 p. In Russian.
- Knyazev Yu. P.** Obobshchenno-lichnye upotrebleniya form 2-go litsa v russkom yazyke. [The generic use of the second person forms in Russian]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. X. Ch. 3*. [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies.]. Ed. S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. St. Petersburg, Nauka publ., 2014, vol. X, part 3, pp. 324–340. In Russian.

Kupp-Sazonov S. Kto takie zagadochnye my v russkom i estonskom yazykakh? (o perenosnom upotreblenii form 1-go litsa mnozhestvennogo chisla) [Who is that mysterious we in Russian and Estonian? (On the metaphorical use of 1st person plural forms)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no 1, pp. 34–44. In Russian.

Kyul'moya I., Vaigla E., Soll' M. *Kratkii spravochnik po kontrastivnoi grammatike estonskogo i russkogo yazykov* [Quick Reference Guide to Contrastive Grammar of Estonian and Russian]. Tartu, Tartu University Press, 2003. 140 p. In Russian.

Langacker R. Observations and speculations on subjectivity — *Iconicity in syntax*. John Haiman (Ed.), 1985, pp. 109–150. In English.

Lavrent'ev V. A. Znachenie obobshchennosti litsa [Meaning of generalization of person]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. Series: Russkaya filologiya. 2009, no 3, pp. 35–40. In Russian.

Lindström L. Kõnelejale ja kuulajale viitamise vältimise strateegiad eesti keeles — *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 2009, vol. 55, pp. 88–118. In Estonian.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. [Semantic Research: Semantics of Tense and Aspect; Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. In Russian.

Pajusalu R., Vihman V., Klaas B., Pajusalu K. Eestlaste ja venelaste suhtluskäitumine: sina, teie ja keegi veel — *Eesti rakenduslingvistika ühingu aastaraamat*, 6. Tallinn, Eesti keele sihtasutus, pp. 207–224. 2010. In Estonian.

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. T. IV. Glagol* [From notes on Russian grammar. Part IV. The verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 406 p. In Russian.

Štšadneva V., Velman-Omelina J. Viisakusevormidest eesti- ja venekeelsetes ametlikes paralleeltekstides — *Lähivõrdlusi. Lähivertailuja*, 2016, vol. 26, pp. 481–500. In Estonian.

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1925–1927. 441 p. In Russian.

Shelyakin M. A. *Russkie mestoimeniya (znachenie, grammaticheskie formy, upotreblenie): materialy po spetskursu 'Funktional'naya grammatika russkogo yazyka'* [Russian pronouns (meaning, grammatical forms, usage): materials on the special course 'Functional grammar of the Russian language']. Tartu, Tartu University Press, 1986. 90 p. In Russian.

Shelyakin M. A. *Funktional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 288 p. In Russian.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The communicative grammar of Russian]. Moscow, 2004. 541 p. In Russian.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian language: grammatical theory of the word. Study guide]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p. In Russian.

Wills D. D. Participant deixis in English and baby talk — *Talking to Children*. 1977, pp. 271–298. In English.

Received 08.02.2023

Sirje Kupp-Sazonov

PhD, lecturer

Department of Translation and Interpretation Studies

Institute of Foreign Languages and Cultures

University of Tartu

3, Lossi st., Tartu, 51003, Estonia

E-mail: sirje.kupp-sazonov@ut.ee

*И. П. Новак, М. В. Кундозерова***«ЕДУЧИ В КАРБАСУ»: РУССКО-КАРЕЛЬСКИЕ
ЗАПИСИ СИМЕОНА ГАВРИЛОВА**

Статья посвящена графо-фонетическому и лингвистическому анализу языка карельской части словника, обнаруженного в рукописи «IV Родословия» исследователя-старообрядца Симеона Гаврилова. Рукопись была составлена по результатам обширной поездки 1896 года, в рамках которой инок Симеон побывал на озере Топозере, территории проживания кестеньгских карелов, в деревнях и окрестностях существовавшего там ранее большого старообрядческого Топозерского монастыря. Со слов местного карела, Н. П. Карвариндина, им был составлен карельско-русский словник, содержащий перевод одиннадцати фраз, 27 имен существительных и глаголов, а также 29 числительных. Дополнительно приведен перевод 6 слов (имен и глаголов), записанных на Соловках. Текст выявленного словника вводится в научный оборот впервые. Графо-фонетический и лингвистический анализы карельских материалов из записей Симеона Гаврилова подтверждают отнесение языка памятника (по месту фиксации и по происхождению Н. П. Карвариндина) к севернокарельскому диалекту собственно карельского наречия карельского языка. Скучность материала не позволяет сделать каких-либо определенных выводов о морфологической системе говора-источника. Однако такие редкие зацепки как окончание эссива -на или показатель формы 2 лица множественного числа презенса индикатива *-nta / -nta* также говорят о ее собственно карельских корнях. Результаты сравнения лексических материалов памятника с современными говорами карельского языка Северной Карелии, демонстрирующие их практически полную идентичность, позволяют сделать вывод об относительной устойчивости карельской диалектной речи анализируемого региона за прошедший с момента записи период времени (почти 130 лет), что подкрепляется ярко выраженной однородностью всей севернокарельской группы говоров карельского языка, отличающей ее от всех остальных.

Ключевые слова: памятник письменности, рукопись, словник, карельский язык, графо-фонетический анализ, лингвистический анализ, фонетика, вокализм, консонантизм, фонология, морфология, диалектология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-488-497

Уникальным источником для изучения истории любого языка являются старописьменные памятники. К сожалению, карельский язык не может похвастаться их обилием. В связи с этим особая роль отводится сейчас как более детальному анализу текстов ранее описанных памятников [Мызников 2010; Муллонен, Панченко 2013; Тверские переводные... 2019], так и изучению источников, до настоящего момента оставшихся без должного внимания [Новак 2019; Новак, Нагурная 2022]. Не перестают радовать новыми находками и архивные собрания [Савельева, Муллонен, Федюнова 2021].

Очередной русско-карельский словник был обнаружен в рукописи «IV Родословия»¹, составленной северодвинским исследователем-старообрядцем Симеоном Гавриловым по результатам его длительного путешествия 1896 г. Симеон Гаврилов (в миру – Иван Гаврилович Квашнин) известен как крупнейший историограф староверия рубежа XIX–XX веков. Перу инок Симеона принадлежит около трех десятков рукописей, до сих пор не изданных и хранящихся в архивах [Щипин 2010, 3–4; Савельев 1994]. Целью упомянутой поездки было изучение происхождения старообрядчества. Исследователь собирал «показания» (интервью) старообрядцев по заранее составленному опроснику [Першина 2011] и обследовал местность в археографическом ключе: выяснял наличие старопечатных книг, писем духовных наставников. В рамках поездки Симеон побывал в Архангельском уезде, на Пинеге, Выгу, Каргополье, в Соловецком монастыре, Анбурской, Кородской и других пустынях, а также на севере Беломорской Карелии – на озере Топозере, территории проживания кестеньгских карелов, в деревнях и окрестностях существовавшего там ранее большого старообрядческого Топозерского монастыря. О своем пребывании на земле карелов автор составил подробный путевой дневник [Кундозерова 2022; Kundozeroва 2022], который поместил в «IV Родословие».

В завершающей части своей поездки по Топозерскому краю инок Симеон познакомился с Николаем Потаповичем Карвариндиным, карелом из дер. Большеозерская (предположительно, дер.

¹ Рукопись хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук в г. Санкт-Петербурге, собр. Дружинина, № 510 (полуустав и скоропись, 290 л.).

Южное Большое Озеро). Симеон пишет в своем путевом дневнике: «Потомъ попросилъ ѿ николаа потаповича, едучи вкарбасу поозерамъ, говорю по скажи мнѣ сколько нибуть вашего корельскаго разговора, мнѣ хочется сколько нибуть оузнать, потому что ѿ сколько дней пробыль вваши^x вкорельски^x деревнахъ, анепональ неодного слова. Тогда онъ ка^k хорошии вѣжливой члкъ. какъ хорошо ичисто знаетъ ипоруски говорить, то ипорасказалъ мнѣ, а ѿ записывалъ егw переводъ» («IV Родословие», л. 175 об.). После этих слов в рукописи на листах 175 об. и 176 черными чернилами поморским полууставом приводится текст словника. На листе 176 об. содержится перевод шести слов, записанный автором во время пребывания в Соловецком монастыре от «одного короляка».

Целью настоящего исследования является обнаружение текста вновь обнаруженного словника и проведение графо-фонетического и лингвистического анализов языка карельской части записи для подтверждения ее севернокарельской принадлежности и возможного выявления архаичных и инновационных черт карельской диалектной речи севера Карелии. Изучение источника проведено методом сравнительно-сопоставительного анализа.

Расшифровка словника

На листе 175 об.:

Поруски: А покорельски сиче:
 Живите здорово: Тервегена елатта
 Какъ поживаете: Куйнь войтта
 Прощайте: Ъка тервѣгекши
 Поди здорово: Мане тервѣгекши
 Поди сюда: Тула таннѣ
 Пустьите начевать: Лашкека юкши
 Недашь: етъана
 Недамъ: енанна

На листе 176:

пить: юва
 дай хлѣба: анна лейпа
 говорить: пайса
 незнаешли: едкотіа
 незнаю: ентіа
 человекъ: имегнини
 люди: рагвашь
 голова: пѣ
 волосы: тукать
 глаза: шильмать
 брови: нуалать
 носъ: нѣна
 ноздри: нѣнахуокоме^т
 оуши: карватъ
 борода: парда
 лицо: наке
 зубы: амьбалать
 языкъ: кѣли
 ротъ: шуу
 лобъ: отца
 затылокъ: такарайво
 шея: какла
 плеча: гадеть
 рука: каси
 персть: шорметъ
 локоть: кюнашпа
 брюхо: ватса
 спина: шелька
 ноги: ѣлатъ
 колѣни: полветъ

Числò покорѣльски:

1. юкси
2. кáкши
3. кóлми
4. нѣльла
5. вѣйси
6. кúуши
7. шѣйчимень
8. кáйкшинь
9. югекшинь
10. кюменень
11. юкси тóйста
12. кáкши тóйста
13. кóльми тóйста
14. нѣльла тóйста
15. вѣйси тóйста
16. кúуши тóйста
17. шѣйчимень тóйста
18. кáгекшань тóйста
19. югекшань тóйста
20. кáкши кюмента
30. кóлми кюмента
40. нѣльла кюмента
50. вѣйси кюмента
60. кúуши кюмента
70. шѣйчимень кюмента
80. кáгекшань кюмента
90. югекшань кюмента
100. шáта
1000. тугáть

На листе 176 об.:

Покорельски:

wстригй: кѣрите

топóръ: кѣрвашь

wрубíть: лѣйгать

ношъ: вѣйнець

wрѣшъ: лѣйко

wпилíть: пилипáта

Лингвистический анализ языка словарика

Карельский языковой материал приведен в источнике на трех листах.

Основной словарь представлен переводом одиннадцати фраз, 27 имен существительных и глаголов, а также 29 числительных. Дополнительно приведен перевод 6 слов (имен и глаголов), записанный на Соловках. Вся лексика встречается в современных севернокарельских говорах Карелии.

Графо-фонетическая система словарика представлена следующими 11 гласными (приводятся в порядке убывания частоты встречаемости):

– графемой **а** обозначается заднерядный нелабиализованный гласный нижнего подъема *a*. В ударном слоге над графемой поставлен знак акута $\acute{\text{}}$: *кáкла* ‘шея’, *рагвáшь* ‘люди’, *пáрда* ‘борода’. В абсолютном начале слова и в составе восходящего дифтонга используется знак придыхания $\text{'}^{\text{}}$: *áнна* ‘дай’, *нуáлатъм* ‘щеки’, *амьбалáть* ‘зубы’;

– графемой **е** (é в ударном слоге, ê в начале слова) передается переднерядный нелабиализованный гласный среднего подъема *e*: *нѣна* ‘нос’, *нѣльла* ‘четыре’, *Тервегѣна елатáта* ‘живите здорово’, *кюменень* ‘десять’;

– графема **и** (í в ударном слоге, î в начале слова) выражает переднерядный нелабиализованный гласный верхнего подъема *i*: *шильмáть* ‘глаза’, *кóлми* ‘три’, *имегнини* ‘человек’;

– юс малый **а** (с акутом в ударном слоге **á**, с грависом в слогах со второстепенным ударением **à**) используется для передачи переднерядного нелабиализованного гласного нижнего подъема *ä*: *та́ннġ* ‘сюда’, *ка́си* ‘рука’, *е́ла́тġта* ‘живете’, *ле́йпа* ‘хлеб’, *не́на* ‘нос’. Этой же графемой в ряде случаев обозначается рефлекс прибалтийско-финского праязыкового **ä*: *па́* ‘голова’, *Ба́ка* ‘оставайтесь’. Юс малый в ряде случаев употребляется для указания на палатализованный характер согласного в словах заднерядного вокалического оформления: *о́тца* ‘лоб’, *па́йса* ‘говорить’, *ва́тса* ‘живот’;

– графема **й** используется в качестве второго компонента нисходящих дифтонгов: *Ку́йнь* *во́йтġта* ‘как поживаете’, *ше́йчиме́нь* ‘семь’, *то́йста* ‘второго десятка’, *ле́йгатġ* ‘режешь’;

– графема **о** (**ó** – в ударном слоге, **õ** – в начале слова или в составе восходящего дифтонга) используется для обозначения заднерядного лабиализованного гласного среднего подъема *o*: *по́лветġ* ‘колени’, *ко́лми* ‘три’, *не́наху́о́коме^m* ‘ноздри’, *о́тца* ‘лоб’;

– графема **ю** (**ý** в абсолютном начале слова) передает переднерядный ударный лабиализованный гласный верхнего подъема *y*: *кю́нашпа* ‘локоть’, *ю́кси* ‘один’, *кю́мене́нь* ‘десять’. В одном примере графемой **ю** в абсолютном начале слова передана пара звуков *ju*: *ю́ва* ‘пить’. В лексеме *ю́кши* ‘на ночь’ выражает дифтонг *yö*.

– графема **у** (в ударном слоге **ú**) передает заднерядный лабиализованный гласный верхнего подъема *u*: *ту́катġ* ‘волосы’, *шу́у* ‘рот’, *ку́уши* ‘шесть’, *Ку́йнь* ‘как’, *туга́тġ* ‘тысяча’;

– графема **ѣ** передает переднерядный нелабиализованный гласный среднего подъема *e* и указывает на палатализованный характер впереди стоящего согласного: *те́рвьгэ́кши* ‘на здоровье’, *та́ннġ* ‘сюда’. В абсолютном начале слова графема передает сочетание *jiä*: *Ба́ка* ‘оставайтесь’;

– графема **ї** / **í** (в ударном слоге) используется в качестве первого компонента восходящих дифтонгов, передает переднерядный нелабиализованный гласный верхнего подъема *i*: *е́нтġла* ‘я не знаю’, *кíе́ли* ‘язык’;

– аз-йотированный представлен в одном слове *я́латġ* ‘ноги’, выражает сочетание *ja*.

Специальный символ для обозначения переднерядного лабиализованного гласного среднего подъема *ö* отсутствует. Для выражения соответствующего звука в одной лексеме использована графема *e*: *на́ке* ‘лицо’.

В тексте источника использованы следующие 14 графем для обозначения **согласных звуков** карельской речи:

– графема **т** обозначает переднеязычный взрывной *t*: *ту́катġ* ‘волосы’, *туга́тġ* ‘тысяча’, *то́йста* ‘второго десятка’;

– графемой **к** выражается заднеязычный смычный *k*: *ка́кла* ‘шея’, *ка́кши* ‘два’, *Ла́шкэ́ка* *ю́кши* ‘пустите на ночь’;

– графема **н** употребляется для обозначения переднеязычного смычного *n*: *не́на* ‘нос’, *е́на́нна* ‘я не дам’, *кю́мене́нь* ‘десять’;

– графема **ъ** самостоятельного звука не обозначает, используется на конце слов после согласных: *ка́рва́тġ* ‘уши’, *по́лветġ* ‘колени’, *ке́рваши́* ‘топор’, или между согласными в двух словах: *а́мьба́латġ* ‘зубы’, *ко́лми* ‘три’. При этом в остальных сочетаниях согласных твердость их первых компонентов не обозначена, что указывает на нерегулярность употребления символа. Подтверждением тому является вариант написания числительного *ко́лми*;

– графемой **ш** выражается небно-зубной щелевой *š*: *ши́льма́тġ* ‘глаза’, *ша́та* ‘сто’, *Ла́шкэ́ка* *ю́кши* ‘пустите на ночь’, *ра́гва́ши́* ‘люди’, *ке́рваши́* ‘топор’;

– графема **л** используется для передачи переднеязычного щелевого согласного *l*: *ле́йко* ‘режь’, *я́латġ* ‘ноги’, *не́льла* ‘четыре’;

– графема **м** передает билабиальный сонорный согласный *m*: *Ма́не* ‘иди’, *ше́йчиме́нь* *кю́менġта* ‘семьдесят’, *шо́рме́тġ* ‘пальцы’;

– графема **с** выражает зубной щелевой *s*: *па́йса* ‘говорить’, *ка́си* ‘рука’, *ве́йси* *то́йста* ‘пятнадцать’;

– графема **в** передает губно-зубной щелевой *v*: *ва́тса* ‘живот’, *ве́йне́ць* ‘нож’, *ю́ва* ‘пить’, *по́лветġ* ‘колени’;

– графема **г** выражает гортанный щелевой *h*: *га́детġ* ‘плечи’, *те́рвьгэ́кши* ‘на здоровье’, *ра́гва́ши́* ‘люди’, *туга́тġ* ‘тысяча’;

– графемой **р** выражается переднеязычный дрожащий *r*: *ра́гва́ши́* ‘люди’, *те́рвьгэ́кши* ‘на здоровье’, *па́рда* ‘борода’, *ке́рите* ‘стриги’;

– графемой **п** передается билабиальный смычный *p*: *па́йса* ‘говорить’, *па́* ‘голова’, *ле́йпа* ‘хлеб’;

– графема **ь** не выражает самостоятельного звука, употребляется в составе сочетаний согласных для обозначения мягкости их первого компонента: *ши́льматъ* ‘глаза’, *ше́лька* ‘спина’, *не́льла* ‘четыре’;

– графема **д** передает звонкий переднеязычный смычный *d*: *па́рда* ‘борода’, *га́детъ* ‘плечи’, *е́дкотіа* ‘не знаешь ли ты’;

– графема **ц** употребляется для передачи зубной аффрикаты *c* в слове *о́тца* ‘лоб’;

– графемой **ч** передается небно-зубная аффриката *č* в слове *ше́йчимень* ‘семь’;

– графема **б** используется для передачи звонкого билабиального смычного *b* в слове *а́мьбалатъ* ‘зубы’;

– графема **х** встречается в качестве начального согласного второго компонента сложного слова *не́нахуо́коме^m* ‘ноздри’, выражает гортанный щелевой *h*.

В целом, представленные в источнике фонетические черты характерны для современных северных собственно карельских говоров карельского языка [Novak, Penttonen, Ruuskanen, Siilin 2022, 43–102].

Вокализм языка источника характеризуется наличием гласных верхнего (*i, u, y*), среднего (*e, o*) и нижнего (*a, ä*) подъема; переднерядных (*i, e, ä, y*) и заднерядных (*a, o, u*) гласных; гласных лабиализованных (*o, u, y*) и нелабиализованных (*i, e, a, ä*).

Обозначение долгих гласных, представленных во всех современных карельских диалектах в словнике непоследовательно. Есть два примера употребления долгого *uu*: *ку́уши* ‘шесть’, *шу́у* ‘рот’. На месте типичного для севернокарельских говоров долгого *ii* в числительном *viisi* встречаем нисходящий дифтонг: *ве́йси* ‘пять’. В остальных случаях исторические долгие гласные верхнего подъема переданы одиночными *y, i*: *ю́ва* ‘пить’, *кю́нашпа* ‘локоть’, *е́нтіа* ‘я не знаю’ (ср. с.к. *juuva, kuunäspiä, en tiijä*).

Обильная дифтонгизация, характерная для карельского языка в целом, представлена и в материалах анализируемого словаря. Наиболее частотны нисходящие дифтонги со вторым компонентом *i*: *Куйнъ во́йтта* ‘как поживаете’, *ле́йпа* ‘хлеб’, *па́йса* ‘говорить’, *то́йста* ‘второго десятка’, *ле́йко* ‘режь’. Восходящие дифтонги представлены довольно скромно: *ну́алатъ* ‘щеки’, *не́нахуо́коме^m* ‘ноздри’, *кё́ли* ‘язык’. В остальных случаях на месте ожидаемых дифтонгов использованы одиночные гласные: *га́детъ* ‘плечи’, *Лашке́ка ю́киши* ‘пустите на ночь’, *Бка* ‘оставайтесь’, *па́* ‘голова’ (ср. с.к.: *hardiet, laškekkua / laškekkoa yöksi, jäkiä / jeäkeä, piä / peä*). Отображение восходящих дифтонгов одиночными гласными представлено и в других памятниках карельской письменности, в том числе более ранних [Муллонен, Панченко 2013; Савельева, Муллонен, Федюнева 2021], что укладывается в правила их интеграции в русский язык.

Явление сингармонизма (одновременно в слове выступают гласные переднего или заднего ряда, гласные *i, e* нейтральны) в тексте источника прослеживается довольно последовательно: *Терве́гена сла́тта* ‘будьте здоровы’, *ши́льматъ* ‘глаза’, *Лашке́ка* ‘пустите’, *а́мьбалатъ* ‘зубы’.

Система согласных словаря также в целом совпадает с современным консонантизмом севернокарельских говоров собственно карельского наречия. В позиции начала слова в источнике представлены согласные *t, k, n, š, l, m, v, g, x, p*. В абсолютном конце слова встречаются три согласных графемы: *тъ, нь, шъ*.

Для севернокарельских говоров карельского языка характерно отсутствие звонких парных согласных, что демонстрируют материалы словаря: *Бка* ‘оставайтесь’, *не́нахуо́коме^m* ‘ноздри’, *на́ке* ‘лицо’, *такара́йво* ‘затылок’, *ша́та* ‘сто’, *ле́йпа* ‘хлеб’, *ка́кла* ‘шея’, *ше́лька* ‘спина’, *кю́мента* ‘десяти’, *ка́си* ‘рука’, *ве́йси* ‘пять’, *ку́уши* ‘шесть’. Однако наряду с глухими встречаются также редкие следы использования звонких смычно-взрывных согласных: *па́рда* ‘борода’, *а́мьбалатъ* ‘зубы’, *га́детъ* ‘плечи’, что может подтверждать предположение о древнекарельских корнях оппозиции смычно-взрывных по глухости / звонкости, постепенно сошедшей на нет в говорах Северной Карелии в результате позднего влияния со стороны финского языка [см. Новак 2022].

В отличие от маркера глухости / звонкости дистрибуция переднеязычных щелевых передана в источнике довольно последовательно. Шипящий согласный представлен в позиции начала слова: *шо́рметъ* ‘пальцы’, *ши́льматъ* ‘глаза’, *ше́лька* ‘спина’, *ше́йчимень* ‘семь’; в словах заднерядного вокалического оформления (кроме позиций до или после *i*): *Лашке́ка* ‘пустите’; в окончании транслатива: *терве́гёкиши* ‘на здоровье’, *ю́киши* ‘на ночь’; на конце слова (не после гласного *i*): *рагва́шь* ‘люди’, *ке́рвашь* ‘топор’, в первом компоненте сложного слова *кю́нашпа* ‘локоть’. В позиции после гласного *i* используется свистящий: *па́йса* ‘говорить’, *то́йста* ‘второго десятка’. В позиции перед гласным *i* в словах заднерядного вокалического оформления представлен шипящий: *ку́уши* ‘шесть’, *ка́киши* ‘два’, а

переднерядного – свистящий: *к'аси* 'рука', *ю'кси* 'один', *в'эйси* 'пять'. Данная система полностью укладывается в представленное П. Виртаранта описание дистрибуции переднеязычных щелевых севернокарельских говоров собственно карельского наречия [Virtaranta 1946, 5–35].

Графическая система памятника позволяет сделать вывод о слабой степени палатализации согласных. На это указывает использование двух графем для выражения переднерядного нелабиализованного гласного среднего ряда *е* и *ь*, второй из которых, используемый крайне редко, очевидно, указывает на более сильную степень смягчения впереди стоящего согласного: *Тервөгёна* 'здоровыми', *кюменень* 'десять', *лэйна* 'хлеб', *нёна* 'нос'; *тервөгёкши* 'на здоровье', *таннь* 'сюда'. Впереди стоящие согласные смягчают все переднерядные гласные, но сделать вывод о степени этого смягчения нет возможности. На сильную степень палатализации указывает использование графемы *ь* в позиции между согласными в словах *шильмать* 'глаза', *шелька* 'спина', *нелъла* 'четыре'.

Геминаты (удвоенные согласные) представлены в тексте словника в следующих примерах: *элатта* 'вы живете', *вóйтта* 'вы можете', *таннь* 'сюда', *анна* 'дай', *нелъла* 'четыре'. Ряд примеров обнаруживает отсутствие фиксации геминат, характерных для современных карельских говоров: *Лашкека* 'пустите', *пáйса* 'говорить', *лэйко* 'режь' (ср. с.к. *laškekkuu* / *laškekkoa*, *paissa*, *leikkua*). На отсутствие последовательности при обозначении геминированных согласных указывают также стоящие рядом переводы *этъана* 'ты не дашь' и *енанна* 'я не дам'.

Представленная во всех современных карельских говорах удвоенная аффриката *щ'*, возводимая феннистами к древнекарельскому периоду функционирования языка [Kalima 1934], в тексте источника приведена дважды в «цокающем» виде: *отца* 'лоб', *ватса* 'живот', при этом одиночный *щ'*, в лексеме *шейчимень* 'семь' передан графемой *ч*. Данное несоответствие, обнаруженное и в других более ранних памятниках, может или быть спровоцировано присущим севернорусскому наречию неразличением *ц* и *ч*, или все же указывать особенность карельского звукового облика геминаты в прошлом.

Система согласных словника изобилует двучленными сочетаниями согласных: *тервөгёкши* 'на здоровье', *рагвáшь* 'люди', *шильмать* 'глаза', *карвáть* 'уши', *пáрда* 'борода', *кáкла* 'шея', *шóрметь* 'пальцы', *шелька* 'спина', *пóлветь* 'колени'.

Материал небольшого памятника со словарной спецификой позволил обнаружить лишь несколько примеров наличия альтернации согласных, как количественной: *тукать* 'волосы' (ср. с.к. *tukka* : *tukat*), так и качественной: *энтíа* 'я не знаю', *ялать* 'ноги', *анна* 'дай' (ср. с.к. *tietyä* : *en tiijä*, *jalka* : *jalat*, *antua* : *anna*). При этом важно отметить, что использование одиночного согласного слабой ступени при чередовании сочетания *lk* является севернокарельским диалектным маркером [Murreh].

Специфика и объем источника предоставляют довольно скудный материал для анализа его морфологической системы. Некоторое количество словосочетаний и предложений содержит информацию об образовании нескольких грамматических форм.

Система именного словоизменения представлена, главным образом, формами номинатива единственного числа. Обращает внимание собственно карельская огласовка имен с основой на гласные *a*, *ä* [Leskinen 1998, 380]: *лэйна* 'хлеб', *пáрда* 'борода', *отца* 'лоб', *кáкла* 'шея', *шелька* 'спина'; а также конечный *i* в именах со словообразовательным суффиксом **ise-*: *имегнини* 'человек'.

Множественное число номинатива образуется при помощи окончания *-ть*: *тукать* 'волосы', *шильмать* 'глаза', *нуáлать* 'щеки', *карвáть* 'уши', *гáдеть* 'плечи', *шóрметь* 'пальцы'.

В тексте встречаются редкие формы эссива: *Тервөгёна элатта* 'будьте здоровы' и транслатива: *Мане тервөгёкши* 'иди здоровым', *Лашкека юкши* 'пустите на ночь'.

Из форм глагольного словоизменения отражены:

– формы 2 лица множественного числа презенса индикатива с собственно карельской огласовкой показателя: *элатта* 'вы живете', *вóйтта* 'вы можете';

– отрицательные формы 1 и 2 лица единственного числа презенса индикатива, образуемые с помощью отрицательного глагола *еi* 'нет', имеющего те же лично-числовые окончания, что и утвердительные формы презенса, и гласной основы глагола: *энтíа* 'я не знаю', *енанна* 'я не дам', *этъана* 'ты не дашь', *эдкотíа* 'не знаешь ли ты'. В последнем примере также использована вопросительная частица *-ко*;

– формы 2 лица единственного числа императива, совпадающие со слабой гласной основой глагола: *мане* 'иди', *тула* 'приди', *анна* 'дай', *кэрите* 'стриги', *лэйко* 'режь';

– формы 2 лица множественного числа императива с показателями *-ка*, *-ка*: *Бка* 'оставайтесь', *Лашкека* 'пустите';

– формы I инфинитива с показателями *-ва*, *-са*: *юва* 'пить', *пáйса* 'говорить'.

На севернокарельское происхождение языкового материала указывают и сами лексические данные словника. Например, использование лексемы *имегнини* для обозначения понятия «человек», характерно лишь для севернокарельских и тверских говоров карельского языка. Лексема *наке* в значении «лицо» встречается исключительно в севернокарельских говорах (рис. 1, левая). Аналогичным образом представлена и лексема *нуулатъ*, очевидно, ошибочно приведенная в значении «брови». В севернокарельских говорах она используется в значении «лицо» (рис. 1., левая) или «щеки» (рис. 1., правая).

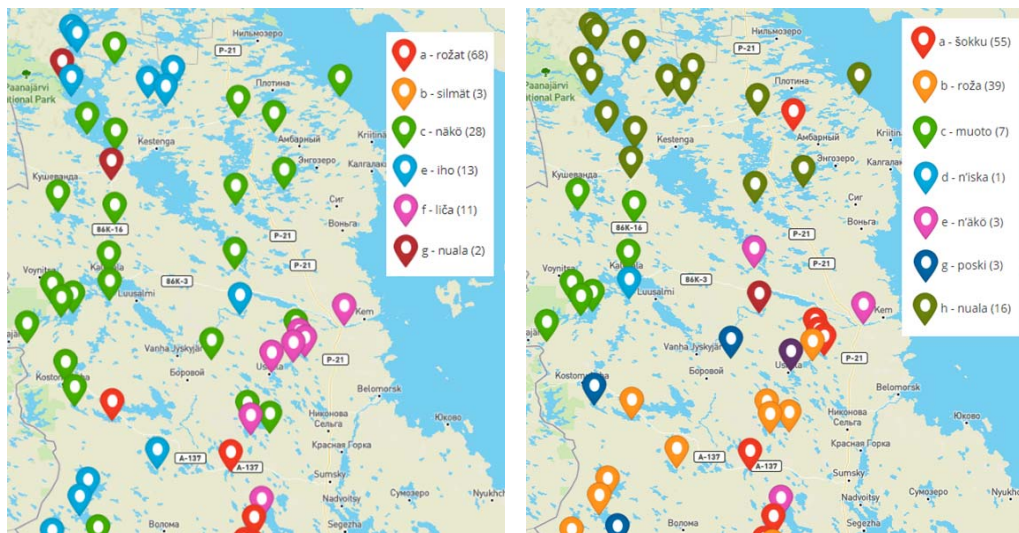

Рис. 1. Распределение лексем, обозначающих понятия «лицо» (левая карта) и «щеки» (правая карта) в собственно карельских говорах Карелии.

Заключение

Графо-фонетический и лингвистический анализы карельских материалов из записей Симеона Гаврилова подтверждают отнесение языка памятника (по месту фиксации и по происхождению Н. П. Карвариндина) к севернокарельскому диалекту собственно карельского наречия карельского языка. Скучность материала не позволяет сделать каких-либо определенных выводов о морфологической системе говора-источника. Однако такие редкие зацепки, как окончание эссива *-на* или показатель формы 2 лица множественного числа презенса индикатива *-mä / -mä* также говорят о ее собственно карельских корнях.

Результаты сравнения лексических материалов памятника с современными говорами карельского языка Северной Карелии, демонстрирующие их практически полную идентичность, позволяют сделать вывод об относительной устойчивости карельской диалектной речи анализируемого региона за прошедший с момента записи период времени (почти 130 лет), что подкрепляется ярко выраженной однородностью всей севернокарельской группы говоров карельского языка, отличающей ее от всех остальных.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках плановых тем НИР Карельского научного центра РАН (рег. № 121070800089-0, № 121070700122-5).

ЛИТЕРАТУРА

- Кундозерова М. В. Хождение в корéлахъ: путевые заметки Симеона Гаврилова о Топозерском крае 1896 г. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. Ч. 2. С. 258–270.
- Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 117 с.
- Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. Москва: Индрик, 2010. С. 286–310.
- Новак И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 90–95.
- Новак И. П. «Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 7. С. 54–63.

Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 1. С. 20–32.

Першина М. В. О методах сбора информации Симеоном Гавриловым для Родословия 1896 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 70–73.

Савельев Ю. В. Северодвинский старообрядец Симеон Гаврилов и его рукописное наследие // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тезисы докладов междунар. науч. конф. (13-17 сентября 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 86–89.

Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // *Linguistica uralica*. 2021. № 4. С. 250–276.

Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.

Щипин В. И. Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского // Житие Герасима Вошикова. Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и коммент. В. И. Щипина. М.: Третий Рим, 2010. С. 3–21.

Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // *Virittäjä*. 1934. № 38. S. 254–256.

Kundozerova M. Vaellus Karjalassa: Simeon Gavrilovin matkakirjamerkintöjä Tuoppajärven seudulla vuonna 1896 // *Polku. Kulttuuria ja historiaa Vienan reitin varrella*. Libris Media, 2022. S. 207–216.

Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.

Murreh = Вопрос № 449 // Диалектная база карельского языка Murreh. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/331/map> (дата обращения 05.03.2023).

Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karelian in grammars. A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.

Virtaranta P. Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki: SKS, 1946. 29 s.

Поступила в редакцию 08.03.2023

Новак Ирина Петровна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Институт языка,
литературы и истории КарНЦ РАН,
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: bel.irina@rambler.ru

Кундозерова Мария Владимировна

кандидат филологических наук
научный сотрудник, Институт языка,
литературы и истории КарНЦ РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: maria.vlasova@mail.ru

I. P. Novak, M. V. Kundozerova

“GOING BY KARBAS”: RUSSIAN-KARELIAN NOTES BY SIMEON GAVRILOV

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-488-497

The article is devoted to the grapho-phonetic and linguistic analysis of the language of the Karelian part of the vocabulary found in the manuscript of the "IV Genealogy" of the Old Believer researcher Simeon Gavrilov. The manuscript was compiled based on the results of an extensive trip in 1896, during which Monk Simeon visited Lake Topozero, the territory of residence of the Kestenga Karelians, in the villages and environs of the large Old Believer Topozero monastery that previously existed there. According to the words of the local Karelian, N. P. Karvarindin, he compiled a Karelian-Russian vocabulary. It contains translations of eleven phrases, 27 nouns and verbs, and 29 numerals. Additionally, it provides a translation of 6 words (names and verbs) recorded in the Solovetsky Islands. The text of the identified vocabulary is introduced into scientific circulation for the first time. Grapho-phonetic and linguistic analyses of Karelian materials from the records of Simeon Gavrilov confirm the attribution of the language of the monument (according to the fixation and origin of N.P. Karvarindin) to the North Karelian dialect of the Karelian proper supradialect of the Karelian language. The paucity of the material does not allow drawing any conclusions about the morphological system of the source dialect. However, such rare features as the ending of the essive -НА or the Form 2 indicator of the plural of

the present indicative -*r̄ta* / -*r̄tA* also speak of its proper Karelian roots. The results of comparing the lexical materials of the monument with the modern subdialects of the Karelian language of North Karelia, demonstrating their almost complete identity, allow us to conclude that the Karelian dialect speech of the analyzed region is relatively stable over the period of time (almost 130 years) that has passed since the moment of recording, which is supported by the pronounced homogeneity of the entire North Karelian group of subdialects of the Karelian language that distinguishes it from all others.

Keywords: Written monument, manuscript, vocabulary, Karelian language, grapho-phonetic analysis, linguistic analysis, phonetics, vocalism, consonantism, phonology, morphology, dialectology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 488–497. In Russian.

REFERENCES

Kundozerova M. V. Khozhdenie v korélakh: putevye zametki Simeona Gavrilova o Topozerskom krae 1896 g. [Walking in Korela. Simeon Gavrilov's travel notes about the Topozero region in 1896]. Vestnik RGGU [RGGU Bulletin], 2022, no. 4, part 2, pp. 258–270. In Russian.

Mullonen I. I., Panchenko O. V. Pervyi karel'sko-russkii slovar' i ego avtor afonskii arkhimandrit Feofan [The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan of Athos]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2013. 117 p. In Russian.

Myznikov S. A. Karel'sko-vepsskie zagovory Olonetskogo sbornika [Karelian-Vepsian incantations of the Olonets collection]. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian incantations from handwritten sources of the 17th - first half of the 19th century]. Moscow, Indrik Publ., pp. 286–310. In Russian.

Novak I. P. Bogoslužebnyi tekst kak istochnik issledovaniya dialektnoi spetsifiki karel'skogo yazyka [Liturgical text as a source of research into the dialect specifics of the Karelian language]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 7 (184), pp. 90–95. In Russian.

Novak I. P. «Glukhoi» i «zvonkii» karel'skii: dialektnye markery na klasternykh kartakh [“Voiceless” and “voiced” Karelian language: dialectal markers on cluster maps]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022; vol. 44, no. 7, pp. 54–63. In Russian.

Novak I. P., Nagurnaya S. V. Opredelenie dialektnoi prinadlezhnosti karel'skogo yazykovogo materiala «Provodnika i perevodchika po otdalenneishim okrainam Rossii» A. V. Starchevskogo [Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 20–32. In Russian.

Pershina M. V. O metodakh sbora informatsii Simeonom Gavrilovym dlya Rodosloviya 1896 g. [On the methods of collecting information by Simeon Gavrilov for Genealogy 1896]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2011, no. 3, pp. 70–73. In Russian.

Savel'ev Yu. V. Severodvinskii staroobryadets Simeon Gavrilov i ego rukopisnoe nasledie [Severodvinsk Old Believer Simeon Gavrilov and his manuscript legacy]. *Vygovskaia pomorskaia pustyn' i ee znachenie v istorii russkoi kul'tury: Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf. (13-17 sentiabria 1994 goda)* [Vygovskaya Pomor Shrine and Its Significance in the History of Russian Culture: Abstracts of the Intern. scientific conf. (September 13-17, 1994)]. Petrozavodsk, 1994, pp. 86–89. In Russian.

Savel'eva N., Mullonen I., Fedjuneva G. Karelo-russkii i komi-zyriansko-russkii slovni-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 goda [Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a handwritten volume dated 1668]. *Linguistica uralica*, 2022, no. 4, pp. 250–276. In Russian.

Tverskie perevodnye pamyatniki karel'skoi pis'mennosti nachala XIX v. [Tver translated monuments of Karelian writing in the early 19th century]. Petrozavodsk, KarNC RAN Publ., 2020. 295 p. In Russian.

Shchipin V. I. Zhizn' i trudy startsa Simeona Severodvinskogo [The Life and Works of Elder Simeon Severodvinsky]. *Zhitie Gerasima Voshchikova. Sochinenie startsa Simeona Gavrilova* [Life of Gerasim Voshchikov. The composition of the elder Simeon Gavrilov]. Moscow, Tretii Rim Publ., 2010, pp. 3–21. In Russian.

Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. *Virittäjä*. 1934. № 38. S. 254–256.

Kundozerova M. Vaellus Karjalassa: Simeon Gavrilovin matkakirjamerkintöjä Tuoppajärven seudulla vuonna 1896. *Polku. Kulttuuria ja historiaa Vienan reitin varrella*. Libris Media, 2022. S. 207–216.

Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.

Murreh = Вопрос № 449 // Дialeктная база карельского языка Murreh. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/331/map> (accessed 05.03.2023).

Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karelian in grammars. A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.

Virtaranta P. Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki: SKS, 1946. 29 s.

Received 08.03.2023

Novak Irina Petrovna

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: novak@krc.karelia.ru

Kundozerova Maria Vladimirovna

Candidate of Philological Sciences, Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: maria.vlasova@mail.ru

О. А. Сергеев

**СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ
В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕМИССКАГО» втор. пол. XVIII века**

В настоящей статье рассматривается морфологический способ образования слов на основе изучения одного из корпусов неопубликованного лексикографического произведения втор. пол. XVIII столетия. Цель работы – проследить участие тех или иных суффиксов в образовании слов разных частей речи, а именно имен существительных, имен прилагательных и глаголов. Эмпирической базой послужил рукописный «русско-черемисский словарь», который сохранился в единичном экземпляре. Из суффиксов имен существительных самыми высокопродуктивными и производительными являются *-маш* и *-лык*. Незначительное количество слов образовано с помощью суффиксов *-чык*, *-тыш*. В образовании имен прилагательных своей частотностью отличаются суффиксы *-ан* и *-дыме* (*-дымо*, *-дымѵ*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымѵ*). Активностью отличается заимствованный из чувашского языка показатель *-сыр*. Из глаголообразовательных суффиксов самым продуктивным является *-л*. В ходе анализа материала использованы приемы таких исследовательских методов, как описательно-аналитический, сопоставительный, сравнительно-исторический.

Ключевые слова: заимствованный суффикс, лексикографическое произведение, луговой диалект, малопродуктивный суффикс, морфологический способ, ранние письменные памятники, словообразование, составитель словаря.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-498-506

Статья посвящена анализу отдельных знаменательных частей речи (имени существительного, имени прилагательного, глагола) марийского языка, образованных суффиксальным способом. Фактической базой послужил двуязычный рукописный словарь 240-летней давности. Основная цель исследования – проследить активность тех или иных показателей в образовании слов; выявить продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные суффиксы. Все примеры, приведенные в работе в качестве иллюстративного материала, даются в соответствии с оригиналом памятника. При необходимости лексические единицы даны в современном написании.

«Словарь Языка Черемисскаго» (Эрм. собр. № 216) является крупным рукописным лексикографическим памятником XVIII столетия. Входным языком выступает русский. К этому же периоду относятся и такие объёмистые словари марийского языка, как «Краткой черемиской словарь съ російскимъ переводомъ...» (Эрм. собр. № 197/1; более 5000 слов и словосочетаний) и «Словарь черемисскаго языка съ російскимъ переводомъ по алфавиту російскому расположенный» (Ф. 2013, оп. 602-а, д. № 186; около 6000 слов и сочетаний слов)¹. Оба произведения составлены в 1785 году. К сожалению, они остались неопубликованными. По структуре первый памятник является марийско-русским, второй – русско-марийским. Если составителями первого национально-русского словаря считаются священнослужители вятской земли Кукарской слободы (ныне г. Советск Кировской области. – О. С.) Троицкого собора Василий Крекнин и Спасской церкви Иоанн Платунов, то второй, большой двуязычный словарь, был подготовлен «въ Нижегородской Семинаріи отъ знающихъ оныя языки священниковъ и Семинаристовъ подъ присмотромъ Преосвященнаго Дамаскина Епископа Нижегородскаго и Алаторскаго» [Эрм. собр. № 218, л. 5], или, как утверждает С. К. Булич, возник «при Нижегородской епархии по почину или под надзором Дамаскина» [Булич 1904, 433]. В истории отечественной лексикографии он известен как «словарь Дамаскина» [более подробно об этих памятниках см.: 2021, 168–198, 198–237].

Анонимный русско-марийский словарь включает около 3000 лексических единиц (примерно по 21 слову на страницу)². Специалисты по памятникам письменности отмечают его большую ценность для истории [Хайду 1985, 70], как первого письменного источника марийского языка. По замечанию известного российского лингвиста и этнографа С. К. Булича (1859–1921), рукопись «принадлежит к той же серии одинаковых по внешнему виду инородческих словарей и, вероятно, должен был служить

¹ Беловой (санкт-петербургский) вариант словаря хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Эрм. собр. № 218).

² По подсчетам профессора Н. И. Исанбаева – 2869 слов, из них 34 словосочетания [Исанбаев 2014, 7].

материалом для сравнительного словаря Екатерины II³ ... и поступил в качестве материала для сравнительного словаря Екатерины II к Бакмейстеру⁴ или П.-С. Палласу. Впоследствии рукопись досталась Ф. П. Аделунгу⁵ [Булич 1904, 447]. «Словарь Языка Черемисского» является копией рукописи, хранящейся в «Материалах Аделунга» Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 7. Аделунг Ф. П. № 124. № 33. Материалы Аделунга. Черемисский язык) и, по-видимому, вместе с другими материалами был особо переписан для «Высочайшего пользования при работах Императрицы Екатерины II над ее сравнительным словарем» [Булич 1904, 432]. То, что «Словарь Языка Черемисского» (Эрм. собр. № 216) представляет собой копию «Словаря языка черемисского» (№ 33. Материалы Аделунга. Черемисский язык), видно и из того, что в нем преобладают искажения, возникшие из-за неверного чтения, а также непонимания смысла используемых транскрипционных обозначений; кроме того, встречаются типичные ошибки в написании, обусловленные непониманием писца некоторых особенностей почерка оригинала, ср.: *апп* 'вина', *випеш* 'насилно', *випешлык* 'насилство' вм. *аип* (из-за схожести каллиграфии графем *и* и *п* произошла ошибка), *виъши*, *виъшилык* (в оригинале графема *ъ* начерчена как *η*, поэтому переписчик принял ее как буквосочетание *пе*) и другие. В то же время лексикон словаря № 216 расположен в том же порядке, что и словарный материал в деле Ф. П. Аделунга.

В основе «Словаря Языка Черемисского» лежат языковые особенности лугового наречия марийского языка, причем, как совершенно правильно отмечает И. Г. Иванов, очень близкого к современным литературным нормам [Иванов 1975, 36]. Тщательный анализ рукописи позволяет утверждать также, что в памятнике наличествуют лексические единицы и восточного наречия, ср., например: *манда* 'мачеха', *элталамъ* 'обнимаю', *запсыръ* 'очень', *чатрыкъ* 'парус', *мендерь* 'подушка', *палласемъ* 'спознаюсь' и некоторые другие. По мнению известного марийского диалектолога Н. И. Исанбаева, словарь составлен на материале чокающего говора лугового наречия, по-видимому, уржумского [Исанбаев 2014, 7]. Известно, что уржумский говор охватывает небольшую часть современного Мари-Турекского района Республики Марий Эл и территорию Уржумского района Кировской области [Иванов 1981, 50–51]. По данным Н. Т. Пенгитова, он объединяет территории Лебяжского (районный центр – п. Лебяжье), Малмыжского (г. Малмыж), Нолинского (г. Нолинск), Уржумского (г. Уржум) районов и шурминскую сторону (с. Шурма Уржумского района) современной Кировской области, также восточные селения Мари-Турекского района [Пенгитов 1960, 184].

Для уржумского говора, как замечает И. Г. Иванов, из фонетических особенностей характерно широкое употребление переднерядной фонемы *и* [i], щелевых дорсальных согласных *с* [s], *з* [z] вместо редуцированной *ы* [ɨ, шумных [s], [z] в других наречиях [Иванов 1981, 50–51]. В анализированном раннем памятнике 2-й пол. XVIII в. четко прослеживается только частотность гласного *ы* вместо *и*, например: *нылле* 'сорок', *никтамъ* 'луплю', *чыгылтымашь* 'щекотание', *чызе* 'титька', *чыкалтышь* 'затычка', *чыкемъ* 'втыкаю', *шыгыле* 'бородавка', *шыжыктемъ* 'брыжжу', *шыже* 'осень' и другие, лит. *нылле*, *ныктам*, *чыгылтымаш*, *чызе*, *чыкалтыш*, *чыкем*, *шыгыле*, *шыжыктем*, *шыже*. Употребление собственно послелого *леч* вместо литературного *деч* 'от' также характерно для уржумского говора. В словаре он дан отдельной словарной статьей, ср.: *леч* 'от', лит. *деч*.

Из других фонетических особенностей памятника можно отметить следующие видоизменения в области гласных и согласных, например, *ы* [ɨ] ~ э [e]: *элыжемъ* 'воскресаю', *елжеше* 'вспылчивый', *элыштамъ* 'воскрешаю', *ерамъ* 'греюсь', *эректемъ* 'обогреваю', лит. *ылыжам*, *ылыжше*, *ылыжтем*, *ырем*, *ырыктем*; *н* [n] ~ л [l]: *номашь* 'жердь', *люлте* 'ольха', *олталемъ* 'обманываю', *олталше* 'льстец', *олталмашъ* 'обман', лит. *ломаш*, *нӧлпӧ*, *ондалем*, *ондальше*, *ондальмаш*; вместо какуминальной дрожащей фонемы *р* [r] часто выступает её мягкий вариант *р'* [r']: *тюрьбюнчышь* 'чихание', *тюрь* 'край', *тюрьбунчемъ* 'чихаю', *тюрьлемъ* 'вышиваю', *тюрьлемашъ* 'вышивка и шитье', *тюрьленъ* 'всячески', лит. *тӱрвынчыш*, *тӱр*, *тӱрвынчам*, *тӱрлем*, *тӱрлымаш*, *тӱрлын*. Отметим, что чередование *н* [n] ~ л [l] главным образом характерно волжскому и моркинско-сернурскому говорам лугового наречия [Грузов 1965, 222–223]. Палатализованный *р'* бытует в уфимском и в кильмезском диалектах восточного наречия, также он обнаружен в речи жителей Липшинского административно-территориального куста со-

³ Речь идет о «Сравнительных словарях всех языков и наречий...» (СПб., 1787; 1789), редактором которых был известный немецкий естествоиспытатель, путешественник, академик Петербургской АН П.-С. Паллас (1741–1811).

⁴ Бакмейстер Г. Л. Х. (Логгин Иванович) (1730–1806) – русский библиограф, переводчик, редактор.

⁵ Аделунг Ф. П. (1768–1843) – русско-немецкий историк, лингвист, философ, библиограф, действительный статский советник, член-корреспондент и почётный член Санкт-Петербургской Академии наук.

временного Звениговского района Республики Марий Эл. По происхождению фонема *p'* является вторичным [Грузов 1965, 210–211]. По исследованиям И. Г. Иванова, фонема *p'* встречается также в помарском подговоре лугового наречия. Её место нахождения – инлаут слова [Иванов 1981, 46].

Сохранившиеся лексические единицы в рукописном памятнике составляют основной (ядерный) фонд современного марийского языка. В нём фиксировано множество слов, которые образованы морфологическим способом. Они относятся к разным частям речи. Остановимся на именах существительных, образованных суффиксальным способом. Самым высокопродуктивным и производительным является суффикс *-маш* (CVC). Имена существительные при помощи этого показателя образуются от всех глагольных основ без исключения и имеют значения отвлеченного действия или состояния, например: *абызлымашь* ‘отведывание’, *авырмашь* ‘окружение’, *ашнымашь* ‘воспитание’, *ванмашь* ‘бдение’, *вожолтомашь* ‘безсудство’, *волгыжмашь* ‘рассвет’, *жаплымашь* ‘почитание’, *јобратемашь* ‘любовь’, *каргымашь* ‘проклятие’, *касармашь* ‘прощение’, *кумалмашь* ‘поклонение’, *кюртнюльмашь* ‘кование’, *кырмашь* ‘наказание’, *юкюнемашь* ‘покаяние’, *таныклемашь* ‘свидетельство’ – совр. мар. *авызлымаш*, *авырымаш*, *ашнымаш*, *вангымаш*, *вожылдымаш*, *волгыжмаш*, *жаплымаш*, *јобратымаш*, *каргымаш*, *касарымаш*, *кумалмаш*, *күртньылымаш*, *кырымаш*, *о́кынымаш*, *таныклымаш*; *тютремашь* ‘курение’ (ср.: *түтырымаш*, от глагола *түтыраш* II спр., Г. *тйтёрйш* ‘1) окуривать, окурить (дымом), обдавать, обдать (клубами дыма); кадить (ладаном); 2) клубить; поднимать, поднять, вздымать (пыль, снег) 3) *перен. разг.* дымить, курить; пускать (выпускать) дым при курении’) [СМЯ 2002, 373–374], *ултомашь* ‘мольбище’ (ср.: *улдымаш* ‘моление, чтение молитвы’ [СМЯ 2003, 58], см. также: *удылмаш*, Г. *ыдылмаш* ‘моление’ [Там же, с. 19]) и многие другие.

Из других суффиксов можно выделить:

– суффикс *-лык* (CVC). В абсолютном большинстве случаев он присоединяется к конкретным именам существительным, например: *азалыкь* ‘младенчество’, *аярлыкь* ‘лихость’, *важыклыкь* ‘косо́сть’, *куллыкь* ‘рабство’, *курумлыкь* ‘вечность’, *шинчалыкь* ‘очки’, *шиналыкь* ‘полог’, *эреклыкь* ‘вольность’, *урбезылыкь* ‘младость’, *юдюрлыкь* ‘девство’ – совр. мар. *азалык*, *аярлык*, *важыклык*, *куллык*, *курумлык*, *шинчалык*, *шыналык*, *эрылык*, *рвезылык*, *удырылык* и другие. Суффикс *-лык* присоединяется и к именам прилагательным, например: *јорлыкь* ‘скудость’, *кансырлыкь* ‘безпокойство’, *усталыкь* ‘мастерство’, *вйашылыкь* ‘справедливость’, *изылыкь* ‘малость’, *шегырлыкь* ‘теснота’ – совр. мар. *йорлылык*, *каньысырлык*, *усталык*, *вйашылык*, *изылык*, *шыгырлык* и некоторые другие. В нескольких примерах суффикс обнаружен при отрицательных причастиях, ср.: *иняндомылыкь* ‘неверность’, *люттомомылыкь* ‘безопасность’ – совр. мар. *иняныдымылык*, *луддымылык*. В современном марийском языке суффикс *-лык* является высокопроизводительным;

– суффикс *-зе* (*-зо*, *-зö*, *-ызе*, *-ызо*, *-ызö*) (CV): *карузе* ‘вздорщик, грубый, прекословник’⁶, *кокласе* ‘ябедник’, *колозе* ‘рыбак’, *кутюзе* ‘пастух’, *локтозе* ‘колдун, колдунья’, *мончазе* ‘банщик’, *мускаразе* ‘шут’, *пакчазе* ‘огородник’, *ужгазе* ‘шубник’, *ургузе* ‘портной’, *шоязе* ‘сказочник’ – совр. мар. *карузо*, *коклазе*, *колызо*, *күтүзö* (*күтүчö*), *локтызо*, *мончазе*, *мыскаразе*, *пакчазе*, *ужгазе*, *ургызо*, *шоязе* (*шояче*) и некоторые другие. Суффикс присоединяется как к именам существительным, так и основам глагола. В современном марийском литературном языке суффикс относят к малопродуктивному типу [СМЯМ 1961, 87; Галкин 1966, 51]. Однако материалы публицистических и художественных произведений последних лет показывают, что активность суффикса намного повысилась [подробнее см.: Сергеев 2021, 190–192];

– суффикс *-ыш* (VC), образующий имена существительные, выражающие результат действия или само действие, от глагольных основ: *јодышь* ‘запрос’, *юушь* ‘пир’, *сирлагышь* ‘милость’, *шулушь* ‘пепел’, *шошкалтышь* ‘свисток’, *шюрюшь* ‘мазилка’, *шошкюшь* ‘дудка’ – совр. мар. *йодыш*, *йуыш*, *серлагыш*, *шулыш*, *шюшкалтыш*, *шүрыш*, *шюшкыш* и другие. Суффикс малопродуктивный;

– суффикс *-тыш* (CVC): *пурылтышь* ‘кусок’, *тодылтышь* ‘отломок’, *тошкалчышь* ‘лестница’, *шулдушь* ‘ломоть’, *шокалтышь* ‘задвижка’ – совр. мар. *пурылтыш*, *пултыш* ‘огрызок’, *тодылтыш*, *тошкалтыш*, *шултыш*, *шюкалтыш* и другие. Данный суффикс образует имена существительные в основном от глагольных основ на сонорные согласные *л* и *р*, по значению синонимичен с суффиксом *-ыш*. Малопродуктивный;

– суффикс *-ер* (VC). При помощи этого непродуктивного суффикса образуются слова данного же грамматического разряда с собирательным значением, которые выражают места, где сосредоточены объекты природы (такие понятия как рощи, леса, состоящие из одинаковых пород деревьев или кустарников), названных производящими основами. Отметим, что после данного показателя часто выступает

⁶ См.: *прекословие*, ср.: без прекословия (устар.) – то же, что беспрекословно [Ожегов 2001, 583].

формообразующий суффикс *-ла* (CV). Он, как и суффикс *-ер*, имеет собирательное значение, например: *шертнерь* ‘ивняк’, *куэрла* ‘березник’, *пистерла* ‘липняк’, *пюньчерла* ‘сосняк’, *тумерла* ‘дубрава’, ср. также: *воштерла* ‘тростник’ (от *воштыр* ‘прут, лоза’), *тюшкерла* ‘кустарник’ (от *түшка* ‘группа, гурьба, толпа; групповой, общий’ – совр. мар. *шертнер*, *куэрла*, *пистерла*, *пүнчерла*, *тумерла*, *воштерла*, *түшкерла*). В анализированном примере формообразовательный суффикс *-ла* утратил своё значение и стал словообразовательным формантом, ср.: *кожла* ‘ельник’ (от *кож* ‘ель’).

С некоторыми словообразовательными суффиксами фиксировано весьма малое количество лексических единиц. Такими показателями являются, например, суффиксы *-ешке* (VCCV) и *-чык* (CVC), оба – непродуктивные: *имнешке* ‘конница’ (от *имне* ‘лошадь, конь’), *йолешке* ‘пеший’ (от *йол* ‘нога’) – совр. мар. *имнешке*, *йолешке*; *аптранчык* ‘помеха’ (совр. *аптыранчык*) (от *аптыранаиш* ‘стесняться, постесняться кого-чего-л. или с *неопр.* робеть, оробеть; приходиться (прийти) в замешательство; теряться, растеряться’) [МРС 1991, 21]. Две лексемы со словообразовательным суффиксом *-ешке* нами обнаружены в рукописном памятнике «Словарь черемисского языка съ російскимъ переводомъ» Д. Дамаскина: *иктешке* ‘во первых’, *сапешкеше* ‘извощик’ [Сергеев 2003, 90, 187]. В современном марийском языке, по подсчетам Н. И. Исанбаева, лексических единиц с показателем *-ешке* зафиксировано всего 15 образований. В основном они характерны западным диалектам [подробнее см.: Исанбаев 1960, 65–71]. В последнее время с усилиями отдельных творческих личностей из мари создавалось также слово *талешке*, используемое со значением ‘герой’. Главным образом оно употребляется в составе сочетания, которое связано с названием праздника, ср.: *Марий талешке кече* ‘День национального героя’.

В «Словаре Языка Черемисского» сохранилась единственная лексическая единица, которая образована при помощи заимствованного из татарского языка суффикса *-лар* (CVC): *энгежларь* ‘малинник’, совр. мар. *энгыжвондер* ‘малинник’. Аналогичных образований с показателем *-лар* в марийском языке не существует.

В образовании имен прилагательных своей частотностью отличаются суффиксы *-ан* (VC) и *-дыме* (*-дымо*, *-дымө*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымө*) (CVCV). Суффикс *-ан* присоединяется ко всем именам существительным и образует имена прилагательные со значением обладания тем, что обозначает корневое слово: *ватань* ‘женатый муж’, *купань* ‘болотистый’, *курукань* ‘гористый’, *людмашань* ‘ужасный’, *мюш-куруань* ‘беременный’, *пуракань* ‘пыльный’, *пурань* ‘пивной’, *пурсань* ‘гороховый’, *тылзань* ‘месячный’, *шикшань* ‘дымный’, *шомакань* ‘словесный’, *шонань* ‘пенистый’, *шунань* ‘глинистый’, *языкань* ‘грешник и грешный’, *юпань* ‘волосатый’ – совр. мар. *ватан*, *купан*, *курукан*, *лүдмашан*, *мүшкыран*, *пуракан*, *пуран* (ср.: *пура* ‘пиво, квас’), *пурсан*, *тылзан*, *шикшан*, *шомакан*, *шонан*, *шунан*, *языкан*, *үпан* и другие. В отдельных словах суффикс хорошо сохранился в исчезнувших (редких) глоссариях, ср.: *вельшань* ‘бористый’ (см. синонимы: *оборчатый*, *пышный*, *сборчатый*, *складчатый*) (от слова *вельш*⁷), *люмань* ‘клеистый’ (от *лүмө* ‘клей’).

Суффикс *-дыме* (*-дымо*, *-дымө*, *-ыдыме*, *-ыдымо*, *-ыдымө*) образует от всех основ существительных имена прилагательные, обозначающие признак предмета по отсутствию того, что обозначено корневым словом. Например: *аиптомо* ‘невинный’, *ватедомо* ‘безженный’, *вурьтомо* ‘безкровный’, *ентомото* ‘безлюдный’, *жаптомо* ‘безвременный’, *карудомо* ‘безспорный’, *кудувечедомо* ‘бездомный’, *кур-гудомо* ‘безкормица’, *мучаитомо* ‘безконечный’, *нергедомо* ‘безпорядочный’, *пондаитомо* ‘безбородый’, *юптомо* ‘безволосый’, *чонтомо* ‘бездушный’, *шюлюшотомо* ‘бездыханный’, *юмудомо* ‘безбожный’, *языктомо* ‘безгрешный’, *урлуктомо* ‘неплодный’ – совр. мар. *айыпдыме* (от *айып* ‘вина, ошибка’), *ватыдыме*, *вүрдымө*, *ендыме*, *жапдыме*, *карудымо*, *кудывечыдыме*, *кургыдымо*, *мучаидыме*, *нергедыме*, *пондаидыме*, *үпдымө*, *чондымо*, *шүлышдымө*, *юмыдымо*, *языкдыме*, *урлыкдымо* и другие.

В корпусе лексикографического памятника XVIII в. нашло место немало имен прилагательных, образованных суффиксом *-се* (*-со*, *-сө*, *-ысе*, *-ысо*, *-ысө*) (CV) и, выражающие признаки, основанные на отношении предмета к месту и ко времени. Они образованы:

- а) от основ имен существительных, например: *кудусе* ‘домовой’, *помошсе* ‘пазушный’, *шижесе* ‘осенний’ – совр. мар. *кудысо*, *помышысо*, *шыжысе* (*шыжымсе*) и другие;
- б) от основ наречий *пырлясе* ‘общий’, *эрласе* ‘завтрешний’ и некоторые другие;
- в) от основы имени числительного: *шымлусе* ‘семдесятый’ – совр. мар. *шымлымсе*;

⁷ В «Словаре марийского языка» данная лексическая единица отсутствует. Составителями этого издания дано слово *вельж* ‘клин, вставка в одежде’ [СМЯ 1990, 209].

г) от основ имени прилагательного: *юлюсе* ‘исподний’ [үл- (-ыл, -нӧ, -кӧ)] ‘нижний’, см.: *исподний* (прост.) ‘1) надеваемый подо что-л. другое (об одежде); нижний; 2) нательное белье (обычно мужское)’⁸.

Суффикс продуктивный.

В диахроническом срезе показатель *-се* можно выделить в слове *юмасае* ‘летошний’ (ср.: *үма* + *-се* ‘прошлогодний’, *үма* + *-ште* ‘в прошлом году’; *летошний*, *летошня*, *летошнее* (прост., обл.) ‘прошлогодний’⁹.

Своей активностью отличается заимствованный суффикс из чувашского языка *-сыр* (CVC). В неопубликованном памятнике слов с показателем *-сыр* встречается около десяти, например: *ушсырь* ‘безумно’, *аипсырь* ‘невинно’, *анишырь* ‘узкий’, *вюдсырь* ‘безводный’, *запсырь* ‘очень’, *чапсырь* ‘безславно’ – совр. мар. *ушсыр*, *аипсыр*, *анысыр*, *вӱдсыр*, *жапсыр*, *чапсыр*. В других лексикографических произведениях XVIII в. суффикс *-сыр* также продуктивен в образовании слов. Например, в неопубликованном словаре В. Крекнина и И. Платунова он участвует в образовании 13 слов. А в рукописном «Словаре черемисско-русском» (2-я пол. XIX в.) учителя Казанского духовного училища Флавиана Земляницкого – в 11 новообразованиях. В последнем источнике аффиксу *-сыр* посвящена даже отдельная словарная статья: *сырь* ‘не, частица отрицательная, прибавляемая к концу слова’, (г. *сирь*) [более подробно см: Сергеев 2017, 21–22].

Из глаголообразовательных суффиксов самым продуктивным является *-л* (C). В анализированном памятнике ранней письменности он главным образом присоединен к основам существительных, например: *кюртнюлемь* ‘кую’, *пурумлемь* ‘одолжаю деньги’, *пачашлемь* ‘удваиваю’, *шиилемь* ‘серебрю’, *шӱбӱртнелемь* ‘золочу’ – совр. мар. *кӱртньӱлем*, *парымлем* (*парымеш пуэм*), *пачашлем*, *шийлем*, *шӱртньӱлем*. Единичные примеры обнаружены с суффиксом *-т* (-д), ср.: *пышкемдемь* ‘завязка’. Однако неизвестным составителем словаря глагол II спряжения неправильно переведен в форме существительного, ср.: *пышкемдаш* ‘делать (сделать) узел, завязывать (завязать) узлом’, а *завязка* ‘пышкем; кылдыш, пидыш’. Суффикс не продуктивен.

Малое количество единиц обнаружено с суффиксом *-тар* (-дар) (CVC): *таныктаремь* ‘свидетельствую’, *таныштаремь* ‘равняю’ (ср.: *тангастарем* ‘сравниваю, сопоставляю, сверю, сличаю’, также см.: *тангасаи*). Слово *таныктаремь* (инф. *таныктараиш* II спр.) не нашло место в современном многотомном словаре толкового типа. Однако составителями лексикографического произведения в качестве словарной статьи приведена лексическая единица *таныклаиш* ‘свидетельствовать что-л., о чем-л.; засвидетельствовать что-л.’; ср. также: *танык* ‘свидетель; человек, который лично присутствовал (или будет присутствовать) при каком-л. событии’ [СМЯ 2002, 39, 38]. Отметим, что устаревающее слово *танык* активно использовалось в речи марийцев в XVIII–XIX столетиях. Оно зафиксировано почти во всех рукописных памятниках 250–150-летней давности, начиная со словарей В. Крекнина и И. Платунова, Дамаскина, кончая неизданными словарями XIX в. А. Канцеровского и А. Смирнова. Лексическая единица *танык* использована в значении ‘свидетель, друг, третьей’¹⁰. Ценными для современной марийской лексикологии являются также лексемы *таныктарымаиш* и *таныктыиш*, семантика которых ‘свидетельство’. Они сохранились во многих памятниках письменности марийского языка, производящей основой их является глоссария *танык*. В настоящее время отдельные общественные деятели, не владея забытым марийским словом *таныктыиш*, для лексической единицы русского языка *свидетельство* неправильно используют лексему *танык*. В то же время вместо архаического слова наличествует новообразование *таныккагаз* ‘свидетельство’ [МОМ 2011, 274; РМС 2019, II, 327], досл. *танык* ‘свидетель’, *кагаз* ‘бумага’.

Малопродуктивный глаголообразовательный суффикс *-лан* (CVC) участвует в образовании некоторых слов, ср., например: *мюньдюрланемь* ‘отдаляю’, *мюшкюрланемь* ‘чреватю’ (см.: *чреватый*. ‘1) устар. беременный (беременная), в состоянии беременности; 2) + твор. п. способный стать причиной чего-либо, могущий породить, произвести, вызвать что-либо, как правило, неприятное, нежелательное’¹¹. Ознакомившись с семантикой слова *чреватый*, лексема марийского языка *мюшкюрланемь*

⁸ <https://yandex.ru/search/?text=исподний&lr=41&clid=9403>.

⁹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/849742>.

¹⁰ См.: *третейский* – относящийся к разбору спора, конфликта третьей, незаинтересованной стороной. *Т. суд. Т. судья*; ср. также: *третий* – незаинтересованный в конфликте между сторонами, беспристрастный... *Третьи лица* (спец.) – в гражданском юридическом процессе: лица, заинтересованные в исходе спора между истцом и ответчиком [Ожегов 2001, 810].

¹¹ <https://yandex.ru/search/?lr=41&clid=9403&oprnd=5155063106&text=чреватю>.

(*мўшкырланем* ‘находиться в состоянии беременности’, инф. *мўшкырланаиш* II спр. ‘быть беременной’) использована в первом значении. К сожалению, как и слово *мюньдюрьяланемь* (*мўндырланем* ‘отдаляюсь’, инф. *мўндырланаиш* II спр. ‘отдаляться’), она не нашла место в лингвистических словарях марийского языка последних лет. Тщательное ознакомление с современными лексикографическими произведениями также свидетельствует о том, что большинство зафиксированных слов в корпусе рукописного памятника, в особенности архаическая лексика, остались вне поле зрения составителей словарей.

Заключение

По структуре «Словарь Языка Черемисского» является русско-марийским, относится словарям филологического типа. Он считается копией другого двуязычного памятника марийского языка. Оригинал, как и переписанный вариант, был подготовлен во втор. пол. XVIII века. Основу словаря составляет луговое наречие, по некоторым фонетическим и грамматическим особенностям приближается к уржумскому говору.

В корпусе двуязычного словаря главным образом фигурирует основная лексика языка. В лексикографическом памятнике кроме производящих слов широко отражены и лексические единицы, образованные морфологическим способом. В марийском языке под морфологическим способом понимается образование новых слов при помощи суффиксов. Из знаменательных частей речи по частотности доминирующее место занимают имена существительные. В образовании существительных самыми активными являются суффиксы *-маиш* и *-лык*. Констатируем, многие слова составлены авторами на основе живого народного языка с помощью информантов. Ценность памятника заключается в том, что в нём почти не присутствуют искусственно созданные слова. Нельзя не отметить и то, что отдельные суффиксы хорошо сохранились в устаревших и устаревающих словах или совершенно исчезнувших из лексики слов. Анализируемая рукопись представляет интерес не только с точки зрения богатства лексического состава, но и является памятником своего времени. Он считается одним из словарей, который положил начало марийской переводной лексикографии.

СОКРАЩЕНИЯ

Г., г. – горное наречие марийского языка, инф. – инфинитивная форма, лит. – литературный, мар. – марийский язык, неопр. – неопределенная форма, обл. – областное слово, прост. – просторечное слово, см. – смотри, совр. – современный, спец. – специальное, спр. – спряжение, ср. – сравни, твор. п. – творительный падеж, устар. – устаревшая лексика, Эрм. собр. – Эрмитажное собрание, С – consonant, V – vocal.

ЛИТЕРАТУРА

- Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. – 1825 г.). С приложением, вместо вступления, «Введения в изучении языка» Б. Дельбрюка. СПб., 1904. 1248 с.
- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. 168 с.
- Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1965. 244 с.
- Иванов И. Г. Возникновение и развитие марийского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1975. 384 с.
- Иванов И. Г. Марий диалектологий. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1981. 98 с.
- Исанбаев Н. И. К вопросу о происхождении суффикса *-ешке* в марийском языке // Труды МарНИИ. Сектор языка. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960. С. 65–71.
- Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2014. 97 с.
- МОН 2011 – Марий орфографий мутер / Йылмым, литературым да историйым научнын шымлыше В. М. Васильев лумеш марий институт. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.
- МРС 1991 – Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 512 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 2001. 944 с.
- Пенгитов Н. Т. Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 года // Труды МарНИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960. С. 177–188.
- РМС 2019 – Русско-марийский словарь: [в 2-х томах]. Т. 2. П–Я / авт.-сост.: Л. И. Барцева, В. Г. Гаврилова, М. Т. Ипакова и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 500 с.

Сергеев О. А. Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 536 с.

Сергеев О. А. Имена прилагательные в кукарском рукописном памятнике марийского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 18–26.

Сергеев О. А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.: ил., портр.

СМЯМ 1961 – Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. 324 с.

СМЯ 1990 – Словарь марийского языка. Т. 1: А–З / Авторы: А. А. Абрамова, И. С. Галкин, А. С. Ефремов и др. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990. 484 с.

СМЯ 2002 – Словарь марийского языка. Т. 7: Т / Сост.: В. И. Вершинин, В. Н. Максимов, С. С. Сибатрова, Е. А. Черашова. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

СМЯ 2003 – Словарь марийского языка. Т. 8: У, Ё, Ф, Х, Ц / Сост.: А. А. Абрамова, Л. И. Барцева, В. И. Вершинин и др. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 511 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание)

Краткой черемисской словарь съ российскимъ переводомъ собранный Кукарской слободы Троицкого собора Протоіереемъ Василиемъ Крекнинымъ и Спаской церкви Діакономъ Иоанномъ Платуновымъ, 1785 года. Эрм. собр. № 197/Г.

Словарь черемисскаго языка съ российскимъ переводомъ. Эрм. собр. № 218.

Словарь Языка Черемисскаго. Эрм. собр. № 216.

Ф. 7. Аделунг Ф. П. № 124. № 33. Матеріалы Аделунга. Черемисскій языкъ.

Государственный архив Нижегородской области

Словарь черемисскаго языка съ российскимъ переводомъ по алфавиту российскому расположенный. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. № 186.

Поступила в редакцию 20.07.2023

Сергеев Олег Арсентьевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Марийский научно-исследовательский институт языка

литературы и истории им. В. М. Васильева

424039, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44

E-mail: olsemar@rambler.ru

O. A. Sergeev

SUFFIXAL WAY OF FORMING WORDS IN THE «DICTIONARY OF THE CHEREMIS LANGUAGE» OF THE 2ND HALF OF THE XVIII CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-488-497

In this article, the morphological method of word formation based on the study of one of the corpora of an unpublished lexicographic work of the 2nd half of the XVIII century is discussed. To trace the participation of certain suffixes in the formation of words of different parts of speech, namely nouns, adjectives and verbs is the purpose of the work. The handwritten «Russian-Cheremis Dictionary», which has been preserved in a single copy, served as an empirical base. Among the noun suffixes, *-mash* and *-lyk* are the most highly productive and productive. A small number of words are formed with the help of suffixes *-chyk*, *-tysh*. In the formation of adjective names, the suffixes *-an* and *-dyme* (*-dymo*, *-dymö*, *-ydyme*, *-ydyto*, *-ydymö*) are most often used. An indicator borrowed from the Chuvash language, *-cyr*, is distinguished by activity. Among the verb-forming suffixes, *-l* is the most productive. The techniques of such research methods as descriptive-analytical, comparative, comparative-historical were used during the analysis of the material.

Keywords: borrowed suffix, lexicographic work, meadow Mari dialect, unproductive suffix, morphological method, early written monuments, word formation, dictionary compiler.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 498–506. In Russian.

REFERENCES

- Bulich S. K.** Oчерk istorii yazykoznanija v Rossii. T. 1 (XVIII v. – 1825 g.). S prilozheniem, vmesto vstupleniya, «Vvedeniya v izuchenii yazyka» B. Del'bryuka [An essay on the history of linguistics in Russia. Vol. 1 (XVIII century – 1825). With an attachment, instead of an introduction, «Introduction to the study of language» by B. Delbruck]. SPb., 1904. 1248 p. In Russian.
- Galkin I. S.** Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya. Ch. II [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 168 p. In Russian.
- Gruzov L. P.** Fonetika dialektov mariiskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [Phonetics of dialects of the Mari language in historical coverage]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965. 244 p. In Russian.
- Ivanov I. G.** Vozniknovenie i razvitie mariiskogo literaturnogo yazyka: Dis. doct. filol. nauk [The origin and development of the Mari literary language. Doct. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 1975. 384 p. In Russian.
- Ivanov I. G.** Marii dialektologii [Mari Dialectology]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1981. 98 p. In Mari.
- Isanbaev N. I.** K voprosu o proishozhdenii suffiksa -eshke v mariiskom yazyke [On the origin of the suffix -eshke in the Mari language] // Trudy MarNII. Sektor yazyka. V. XIII [Works of MarNII. Language sector. XIII]. Yoshkar-Ola Publ., 1960, pp. 65–71. In Russian.
- Isanbaev N. I.** Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dooktyabr'skogo perioda v mariiskom yazyke: slovar'-spravochnik [Russian lexical borrowings of the pre-October period in the Mari language: reference dictionary]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2014. 97 p. In Russian.
- MOM 2011 – Marii orfografii muter* [Spelling Dictionary of the Mari language] / *Yylmym, literaturym da istoriiym nauchnym shymlsye V. M. Vasil'ev lümesh marii institut* [Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev]. Yoshkar-Ola Publ., 2011. 368 p. In Mari.
- MRS 1991 – Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V. Mariisko-russkii slovar'. 2-e izdanie, s izmeneniyami* [Mari-Russian Dictionary: 2nd edition, with changes]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 512 p. In Mari, Russian.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya Akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., expanded]. M.: Azbukovnik Publ., 2001. 944 p. In Russian.
- Pengitov N. T.** Itogi mariiskoi dialektologicheskoi ehkspeditsii MarNII 1957 goda [The results of the Mari dialectological expedition of MarNII of 1957] // Trudy MarNII. Vypusk XIII [Proceedings of MarNII. Issue XIII]. Yoshkar-Ola Publ., 1960., pp. 177–188. In Russian.
- RMS 2019 – Russko-mariiskii slovar': [v 2-h tomah]. Tom II. P–Ja* [Russian-Mari dictionary: [in 2 volumes]. Volume II. P–Ya] / avt.-sost.: L. I. Bartceva, V. G. Gavrilova, M. T. Ipakova i dr. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI Publ., 2019. 500 p. In Russian, Mari.
- Sergeev O. A.** Iz istorii otechestvennoi leksikografii. Slovar' cheremisskogo yazyka s rossiiskim perevodom [From the history of Russian lexicography. Dictionary of the Cheremis language with Russian translation]. Yoshkar-Ola: Mar. gos. un-t Publ., 2003. 536 p. In Russian, Mari.
- Sergeev O. A.** Imena prilagatel'nye v kukarskom rukopisnom pamiatnike mariiskogo yazyka XVIII veka [Adjectives in the Kukarskij memorial manuscript of the Mari language of the XVIII century] // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy. T. 11. V. 2 [Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2], pp. 18–26. In Russian.
- Sergeev O. A.** Yazyk pamyatnikov pis'mennosti mariiskogo yazyka (konets XVII – XVIII vv.) [The language of written monuments of the Mari language (late XVII–XVIII centuries)]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2021. 422 p.: il., portr. In Russian.
- SMYAM 1961 – Sovremennyyi mariiskii yazyk: Morfologiya* [Modern Mari language: Morphology]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1961. 324 p. In Russian.
- SMYA 1990 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom I: A–Z* [Dictionary of the Mari language. Volume I: A–Z] / Avtory: A. A. Abramova, I. S. Galkin, A. S. Efremov i dr. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 484 p. In Mari, Russian.
- SMYA 2002 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom VII: T* [Dictionary of the Mari language. Volume VII: T] / Sost.: V. I. Vershinin, V. N. Maksimov, S. S. Sibatrova, E. A. Cherashova. Yoshkar-Ola: MarNII, 2002. 432 p. In Mari, Russian.
- SMYA 2003 – Slovar' mariiskogo yazyka. Tom VIII: U, Ü, F, H, TS, CH* [Dictionary of the Mari language. Volume VIII: U, Ü, F, H, TS, CH] / Sost.: A. A. Abramova, L. I. Bartseva, V. I. Vershinin. Yoshkar-Ola: MarNII, 2003. 511 p. In Mari, Russian.
- Khaidu P.** Ural'skie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. M.: Progress Publ., 1985. 429 p. In Russian.

Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Ehrmitazhnoe sobranie) [Department of Manuscripts of the Russian National Library (Hermitage Collection)]:

Kratkoi cheremisskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobrannyi Kukarskoi slobody Troickogo sobora Protoiereem Vasiliem Krekninym i Spaskoi tcer'kvi Diakonom Joannom Platunovym, 1785 goda [A short Cheremis dictionary with Russian translation, collected by Archpriest Vasily Kreknin of the Kukarskaya Sloboda of the Trinity Cathedral and Deacon John Platunov of the Church of the Savior. 1785]. Ehrm. sobr. № 197/I.

Slovar' cheremisskago yazyka s rossiiskim perevodom [Dictionary of the Cheremis language with Russian translation]. Ehrm. sobr. № 218.

Slovar' Yazyka Cheremisskago [Dictionary of the Cheremiss Language]. Ehrm. sobr. № 216.

F. 7. Adelung F. P. № 124. № 33. Materialy Adelunga. Cheremisskii yazyk [F. 7. Adelung F. P. № 124. № 33. Adelung materials. Cheremissky language].

Gosudarstvennyi arhiv Nizhegorodskoi oblasti [State Archive of the Nizhny Novgorod Region]:

Slovar' cheremisskago yazyka s rossiiskim perevodom po alfavitu rossiiskomu raspolozhennyi [Dictionary of the Cheremis language with Russian translation in the Russian alphabet located]. F. 2013. Op. 602-a. D. № 186.

Received 20.07.2023

Sergeev Oleg Arsenyevich

Candidate of Science (Philology), Senior Research Associate
Mari Research Institute of Language, Literature and History

named after V. M. Vasilyev

44, Krasnoarmeyskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia

E-mail: olsemar@rambler.ru

Фольклористика

УДК 398.2 (=511.132)(045)

А. Н. Рассыхаев

КОМИ ПРЕДАНИЯ ОБ ОСВОЕНИИ ВИШЕРСКОГО КРАЯ

В статье на основе преимущественно полевых экспедиционных материалов начала XXI в. впервые проанализированы коми предания об освоении и заселении Вишерского края (бассейн р. Вишера, Корткеросский район Республики Коми). Выделены разностадиальные фольклорные произведения, образованные в разное время и циркулирующие в традиции, создающие целостный народный образ исторического освоения Вишерского края и сохраняющие коллективную память этнолокальной группы. Первый период на основе фольклорных текстов можно обозначить как «чуждской». Основным персонажем преданий становится аборигенное население – мифологическая чуждь, исчезнувшая с данной территории, но оставившая наиболее значимые гидронимы Вишерского края. Вторым периодом предания связывают с коми населением, прибывшим на начальном этапе с верховьев р. Вымь. В устной прозе героями, обживающими тайгу, становятся охотники-рыболовы и землепашцы, заселившие основные населенные пункты по рекам Вишера и Нившера и дающие названия селам и деревням. Наиболее частыми мотивами становятся такие общераспространенные, как освоение пространства одним человеком, двумя или тремя родными (реже – шестью) братьями, выбор удобного для земледелия холма, расселение у богатого дичью и пушными зверями реки, случайное открытие нового прямого пути между населенными пунктами. Некоторые названия деревень отражают имена первых жителей, видов птиц, особенностей местности. Особенностью устной прозы вишерских коми является функционирование преданий, объясняющих как топоним на коми, так и русском языках. Двужычные топонимы увеличивают сюжетно-мотивный фонд преданий.

Ключевые слова: коми, фольклор, локальная фольклорная традиция, вишерские коми, устная народная проза, предания, устные рассказы, устная история.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-507-519

В исследованиях локальных фольклорных традиций изучению устной народной прозы отводится отдельное место. Особое внимание при этом в классической фольклористике придается преданиям, как наиболее репрезентативному материалу, отражающему исторические события и характеризующему «местную историю», которое оформилось в своего рода «устную хронику» региона [Криничная 1987, 10]. Тексты подобного рода сохраняют установку на достоверность, истинность и историзм, привязаны к определенной местности [Левинтон 1988, 332; Тихонова 2018, 71]. Указывая на локальный характер бытования преданий, В. К. Соколова называет аналогичные тексты «местными» [Соколова 1970, 5]. Е. Л. Тихонова дает следующее определение данному жанру: «предание – это устный рассказ локального значения, с установкой на историческую достоверность, повествующий о событиях далекого прошлого и обладающий определенными композиционно-стилистическими особенностями, основными из которых являются отсутствие строго канонической формы и как следствие этого – не очень явная выделенность из обыденной речевой деятельности» [Тихонова 2018, 71]. Предания выполняют свою основную функцию, которая заключается в трансляции во времени исторических знаний [Тихонова 2018, 7].

Весомое место среди преданий занимает цикл рассказов о заселении и освоении края [Криничная 1987, 30]. Изучавший устную сказочную прозу коми Ю. Г. Рочев не выделяет предания об освоении края, однако в его классификации есть предания топонимические, сюжеты которых повествуют об образовании того или иного топонима, а термин «локальные предания» охватывает фольклорные тексты о героях локальных традиций [Рочев 1985, 54].

С этой разновидностью преданий тесно соприкасаются топонимические предания (или предания с топонимическими мотивами), представляющие собой «устные прозаические рассказы, которые своей исторической основой (многие топонимические предания содержат в своей структуре исторические мотивы) связаны с событиями общественной жизни первых засельщиков края, а своей мифологической основой – с древнейшими представлениями и верованиями той социальной общности, к которой принадлежат носители преданий» [Тихонова 2018, 191]. Н. А. Криничная отмечает, что «мо-

тив происхождения географического названия также сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжетобразующую роль» [Криничная 1987, 70].

Между тем установкой на достоверность и историзм обладают также нарративы, которые не всегда можно классифицировать, ориентируясь на фольклорную жанровую систему – прежде всего, это воспоминания-мемораты, «тексты топонимического характера», устные рассказы, и т. д. [Каргополье 2009, 16]. Некоторые нарративы с трудом выделяются в потоке повседневной речи. Подобные внежанровые фольклорные тексты, записанные во время полевых исследований в бассейне Вишеры (Корткеросский район Республики Коми) в 2010-х гг. от коми населения, также используются в данной работе.

За бассейном р. Вишеры в коми традиции закрепился термин *Висервож* (Вишерский край), на территории которого располагаются три сельских поселения с тремя селами (Богородск, Большелуг, Нившера) и 10 деревнями (Лунь, Сюзяыб, Троицк; Алексеевка, Ивановка, Русановская; Выльыб, Зульб, Ивановская), где проживают вишерские коми (*висерсаяс*). Еще несколько населенных пунктов были официально ликвидированы в период закрытия «неперспективных деревень» (Лымва, Сывьюдор; Боровой, Одью, Потью – спецпоселения, все были в составе Нившерского с/с) или присоединены в качестве микрорайона к селам, сохранив при этом прежний топоним (к примеру, Тист, Боровск, Макарсикт). Практически все населенные пункты имеют два названия: на коми и русском языках. Так, Алексеевку на коми языке называют *Мельница Озын* (букв.: Мельничная пристань), Троицк – *Тупӧсикт* (Антиповка, букв.: село Антипа), Ивановскую – *Джиян* (букв.: Синица) и т. д. Данная традиция исторически сложилась по мере заселения территории и необходимости официального наименования населенных пунктов органами государственного управления. Двухязычные топонимы Вишерского края повлияли на формирование сюжетно-мотивного фонда топонимических преданий, т. к. информанты часто объясняют возможное происхождение топонима с опорой на разные языковые конструкции.

Наблюдения за полевыми экспедиционными записями преданий об освоении края позволяют понять, что мы имеем дело с разностадиальными текстами, которые в традиции информантами иногда также вычлняются, ориентируясь на хронологию представленных в преданиях событий. При обращении к событиям давнего прошлого используются как приблизительные даты (500 лет назад) и исторически значимые персонажи (Стефан Пермский), так и лексика с неопределенным временем *коркӧ* ('когда-то'), *важӧн* ('давно'), *зэв важен* ('очень давно'); и т. п. Первый период заселения Вишерского края в устный народной прозе связывается с докоми аборигенным населением, жившим в доисторическом (мифологическом) времени. Следующий за ним второй период освоения бассейна реки Вишера, связанный с собственно коми населением, условно охватывает события, известные с XV в. по исторически задокументированным источникам, однако профильтрованные фольклорным сознанием и воплощенные в преданиях.

По рассказам информантов, до появления в Вишерском крае постоянного коми населения здесь автохтонно жила чудь. Старожилы указывают места поблизости от своих населенных пунктов, где находятся чудские ямы (*чудь гу*). В Богородске это местечко *Кармыльк* (букв.: Городище на холме / бугре) на берегу р. Нившера, в Выльыбе – располагающееся в бору на противоположном берегу реки *Кӧсьтакерӧс* (букв.: возвышенность Константина); и др. Нынешним информантам чудь предстает как обитавшее до появления коми население (*важолысь, первоалысь*), похоронившие себя из-за неприятия другой веры. Со слов Б. А. Мишарина, в советские годы один из его родственников пытался раскопать чудские ямы и разбогатеть за счет нахождения драгоценностей (прежде всего, золота), однако в ямах ничего не нашли (ПМА. Инф.: Мишарин Борис Алексеевич, 1959 г. р. Зап. в дер. Выльыб в 2009 г.).¹

Кроме этого, по преданиям чудь оставляет после себя не только чудские ямы, но и искусственно создает на реке Вишера порог из привезенных камней в местечке *Ростагъя* – урочище, находящееся на волоке между дер. Ивановская и с. Сторожевск на р. Вычегда. При этом название ручья *Виччысянашор* (букв.: Ручей ожидания; нынешнее написание на картах *Видзчанашор*) якобы сохранилось с тех самых событий, когда там чудь ждала, чтобы дать отпор людям новой веры (ФФ ИЯЛИ А11185-19. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. дер. Ивановская. Зап. А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 17.06.2014 г. в с. Нившера).

¹ Здесь и далее в статье указывается только населенный пункт Корткеросского района Республики Коми. Цитируемые тексты даны в переводе с коми на русский язык автором работы.

Предание с аналогичным сюжетом было записано и ранее. Миссионером, несущим новую веру для язычников, становится Стефан Пермский, а на указанном месте стоял сторожевой пост чуди, которые должны были зажечь костер, чтобы известить своих соплеменников о приближении противника [Коми легенды и предания 1984, 20–21]. Согласно другому тексту, в тех местах произошла битва двух чудских племен [Вакуль].

Мотив самопогребения языческой чуди, не захотевшей принять новую веру – христианство, характерен и для преданий, локально привязанных к урочищу *Кармыльк*, располагающейся недалеко от с. Богородск. При этом противниками автохтонного чудского населения становятся христиане с черной книгой – Библией, пришлые люди со Скандинавского полуострова, именуящую свою страну Биармией. После битвы пришельцев с местной чюдью, вынужденной заживо захоронить себя, река заполнилась кровью (*вир сер*). По словам информанта, от окрашенной кровью реки (на коми языке – *Вир сер ю*) со временем образовалось коми название р. Вишера – «Висер», а возникшее в результате народной этимологии название гидронима (Вирсер > Висер) перешло затем населенному пункту (Богородск – русское название, закрепилось от построенной в селе Богородичной церкви) [Рассыхаев 2022, 31–32].

Заметим, что описанные в предании события и биармийский след в истории коми народа в 1990-х гг. были представлены в коми публицистике – газетных заметках и научно-популярных статьях исследователей и краеведов. В версиях преданий с этим сюжетом, объясняющим происхождение гидронима *Висер*, противниками становятся местное население Вишерского края и прибывшие с бассейна Выми миссионеры [Историческая память 2005, 53–54], а также враждующие чудские племена [Вакуль].

Зафиксировано также предание о том, что холм *Кармыльк* остался со времен Стефана Пермского: на месте самопогребения людей, не захотевших принять новую веру, раздается гул под ногами (ФФ ИЯЛИИ А11287-4. Зап. Лобанова Л. С. 20.06.2017 г. в с. Богородск. Инф.: Каллистратова Тамара Ефимовна, 1932 г.р.). Такие же сведения сообщили коми поэту В. А. Савину во время его поездки по вишерским селам в 1926 г.: «Прежде там жила, как говорят, чудь. “Кармыльк” – это и есть чудская могила; внутри пусто. Если наверх подняться и ногами потопать – гул послышится» [Савин 1926, № 9, 35].

Чудь, убегающая от крещения, способствовала появлению в Вишерском бассейне и другого микротопонима – *Ньыыкоськ*. Предание объясняет, что место, где проскользнула на речном пороге (*кось*) при переходе через реку и утонула убегающая от преследователей чудинка-девушка, стали называть *Ньыыкоськ*, что буквально можно перевести как ‘Девичий порог / пережат’ [Историческая память 2005, 16]. В варианте этого предания обыгрывается еще один гидроним – Нившера (но не его коми название *Ньывсер*) – левый приток р. Вишера. По словам рассказчика, якобы около этой реки умерла убегающая чудинка, а река получила название *Ньвшор* (букв.: Девичий ручей) [Рочев, 1984, 23–24].

Чаще всего местное население предлагает этимологию коми названия гидронима *Ньыысер* выводить из автоматического сложения двух коми слов: *ньыы* ‘пихта’ (*ньыы* – диалектное произношение с удлинением гласной вм. литературного «*ньыв*») и *сер* (‘узор, рисунок, орнамент’). Появление гидронима жители связывают с обилием в верховьях данной реки пихты (*ньыы*). В связи с этим старожилы, заставшие предвоенные голодные годы, часто вспоминают о том, как в верховьях реки драли пихтовую кору (*кач*) для размельчения и добавки в муку. Отметим также версию А. Попова², близкой к народноэтимологическим вариантам, но не зафиксированной в фольклорной традиции. По его мнению, название селения *Висьёр* образовано из двух коми слов: *висьём* ‘болезнь’ и *йёр* ‘огород, место ограждения’ и означает «здоровое, целебное». В семантике топонима автор видит духовно-религиозный смысл («больные душевно и телесно, приезжающие сюда для поклонения образу Божией Матери, с верою и усердием, получают здравие») [Попов 2010, 172].

Впрочем, в поздних записях преданий образ убегающей от крестителей чудинки отсутствует, что, видимо, связано с трансформационными механизмами народной традиции. Культурным героем, давшим названия природным объектам, становится основатель деревни Троицк (*Тупёсикт* – на коми языке) мужчина по имени Типэ (*Тупё* – народная форма мужского имени Антип). По преданию, по мере приближения к будущему селению он оставляет свои сапоги у ручья, которое стало называться

² По данным коми фольклориста Л. С. Лобановой, опубликованная в 1848 г. статья принадлежит штатному смотрителю Усть-Сысольского уездного училища Александру Федоровичу Попову (1806–?), а не священнику А. Е. Попову.

Сангаэль (букв.: Сапожный лесной ручей). На другом берегу р. Нившера в озеро забросил свое пальто, после чего озеро стали называть *Сисънасяты* (букв.: Озеро с гнилой шубой) [Рассыхаев 2022].

По анализируемым преданиям, непосредственного контакта чуди и коми населения в Вишерском крае не было. В народной традиции чудь рассматривается как население, жившее до коми в некое мифологическое время, в котором активно действовали религиозные миссионеры (Стефан Пермский, скандинавы-христиане из легендарной Биармии), стремившиеся насильно крестить язычников, не оказывающих, в принципе, никакого военного сопротивления.

Если предания о чуди стадийно можно отнести к первому этапу заселения Вишерского края, то второй период связан с первозасельщиками этих мест, давшими названия населенным пунктам.

Судя по историческим источникам, бассейн Вишеры начал заселяться с XVI в. жителями бассейна Выми [Жеребцов, Лашук 1958], хотя первые упоминания данных мест зафиксированы в XIV в. Заселение шло через верховья рек Вымь и Вишера по волоку, по которому еще в нач. XX в., судя по рассказам наших информантов, коми жители ездили за солью в Серегово. В первую очередь образовались Богородск (коми название – *Висер*), именуемый в прежних документах как «погост Вишера», и Большелуг (коми название – калькированное *Ыджыдвидз*), впервые упоминающиеся в 1608 г. [Жеребцов 2000, 19, 21].

В вишерской локальной культуре основными первозасельщиками нетронутых таежных мест становятся охотники и рыболовы, стремящиеся в богатые дичью и рыбой края. Иногда информанты подчеркивают, что будущим насельникам понравились также удобные для земледелия места и заливные луга вдоль равнинных рек. Практически о каждом селе или деревне записаны предания и иного типа нарративы, объясняющие происхождение или название населенного пункта или части селения. Иногда сюжеты преданий легко укладываются в короткие повествования, которые можно передать простой формулой: «пришел некто из других мест и поселился».

Несколько удивительно, что на фоне многочисленных преданий об основании деревень и сел Вишерского края сведения о заселении одного из самых старинных селений (Богородска) скупы. В одном из текстов сообщается, что в Богородск прибыли с Выми через речку *Енью* (букв.: Божественная / священная река); сначала обосновались в местечке *Пилюк*, а потом уже – в Богородске. Первозасельщикам были притягательны места, богатые рыбой и дичью, а также удобные для земледелия [Историческая память 2005, 53–54]. Заметно, что предание передает некоторые известные исторической науке факты (переселение с Выми через верховья реки). В то же время с основанием села, ставшего к XIX в. почитаемым религиозным и паломническим центром, где в церкви хранится явленная чудотворная Вишерская икона Божьей Матери [Попов 2010, 158, 172], связана легенда, обосновывающая появление населенного пункта божественным предопределением Богородицы. По сообщениям, на место будущего села с низовьев реки приплыла в дырявой лодке Пресвятая Богородица [Рассыхаев 2022]. В варианте этой легенды, зафиксированной в сер. XIX в., в плывущей против течения лодке, сопровождаемой старичком в белом (в исчезнувшем силуэте жители признали Святого Стефана Великопермского), находилась икона, которую перенесли в особое место, а потом построили деревянную церковь [Попов 2010, 172].

Выбор места для села или церкви Богородицей или иконой довольно распространенный мотив в нарративах на Европейском севере России [Криничная 1987, 52; Кузнецова 2012; Панченко 1998, 138]. Предполагаем, что доминирование легенд о Богородице повлияло на вытеснение на периферию фольклорной традиции преданий о заселении Богородска.

Происхождение деревни Троицк (коми название – *Тупӧсикт*) на р. Нившера (приток Вишеры) информанты устойчиво связывают с мужчиной по имени *Тупӧ*. По пути к будущему месту основания населенного пункта герой предания, подобно культурному герою-демиургу, успевает дать названия ручьям и озерам. Рассказчики выдвигают несколько версий о том, с какой стороны *Тупӧ* пришел в их деревню: со стороны с. Богородск, с. Нившеры и напрямую через леса со стороны с. Нёбдино, находящейся на р. Вычегда. Как часто бывает с первозасельщиками, первым жилищем для *Тупӧ* послужила землянка [Рассыхаев 2022: 33–34]. Также есть версия, что основателями деревни были два брата, один из которых переехал в другое место, а *Тупӧ* остался на прежней территории [Вакуль].

Молодой человек *Тупӧ* оказался причастен и к образованию других топонимов, относящихся к Богородскому кусту. По преданию, в том месте, где он перекрестился (*насъясис*), появилась деревня *Пасвомын*, образованное от сложения двух слов: *нас* ‘знак, отметка’ и *вомын* ‘плёс’. При этом, по словам рассказчиков, деревню по-русски называют *Пасвомын*, а по коми – *Паслэччӧм* (букв.: *нас* ‘знак, отметка’, *лэччӧм* ‘спуск’), хотя в основе обеих названий лексика коми языка [Рассыхаев 2022].

Впрочем, коми название деревни также объясняется активным действием одного человека, решившегося через тайгу сделать прямую просеку до Нёбдино, оставляя зарубки (*нас*). Финишную точку около села, где закончилась дорога, стали называть *Паспом* (букв.: *нас* ‘зарубка, отметка’, «лом» ‘конец’), а стартовую, с которого начал спускаться вниз по реке – *Паслэччём* [Рассыхаев 2022]. В вишерских преданиях часто обнаруживается, что неким культурным центром для только что заселенных мест является с. Нёбдино. К этому селу ведут охотничьи тропы, с этих мест отважные первопроходцы переселяются на новое место жительства.

Судя по преданиям, охотником также была случайно «открыта» прямая дорога от Богородска в Нившеру. По рассказам местных жителей, однажды охотник из Нившеры отправился в Богородск на празднование какого-то осеннего праздника вместе со своей собакой. На следующее утро охотник, не найдя своей собаки, возвратился домой. На его удивление, четвероногий друг самостоятельно вернулся домой, а охотник решил по свежим следам собаки по только что выпавшему снегу выследить ее путь и дошел через тайгу до Богородска. Вскоре через эту просеку сделали зимник, а потом и прямую дорогу, связавшую села, а дорогу назвали *Гильпастуй* – в честь собаки по кличке *Гиль* (ФФ ИЯЛИ А11185-20. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. в дер. Ивановская. Зап. А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 17.06.2014 г. в с. Нившера).

Скорее всего устные рассказы о Гильпастуй хронологически возникли позже на основе сведений о *Емвапас* (букв.: «*Емва*» ‘река Вымь’, «*нас*» ‘зарубка, отметка’), предания о которой менее известны местным жителям. Ученые подчеркивают, что по Емвапас – зимнику, соединяющему бассейн Выми с бассейном Вишеры, проходила дорога, которой активно пользовались в первые века после заселения Вишеры [Жеребцов, Лашук 1958, 86]. Предание же гласит, что Емвапас соединяет дорогой бассейн Выми с Ульяновским Троице-Стефановским монастырем, а деревня Лунь стоит на перекрестке путей. Якобы однажды вымский охотник приобрел у жителя Луни охотничью собаку, позже сбежавшую во время лесования по выпавшему снегу к прежнему хозяину. Вымчанин последовал по следам собаки, оставляя топором зарубки на деревьях, и вышел в Лунь, а затем обратно вернулся домой ни с чем. Просеку в свое время расширили и назвали дорогу Емвапас [Панюков 1999, 42].

Две деревни рядом с Богородском в своем названии имеют орнитонимы, что дает возможность информантам предполагать обилие данных видов птиц в здешних местах: *Лунь* ‘Лунь’, *Сюзьяб* ‘Со-ва’ + ‘возвышенность’. Кроме этого, есть и другие версии происхождения топонимов, зафиксированных в краеведческой литературе. Так, Лунь получила свое название из-за своего южного географического расположения по отношению к с. Богородск (Лунь < *лун* ‘юг; день’) [Панюков 1999, 42]. Краевед И. М. Панюков отмечает также, со ссылкой на рассказы жителей, что топоним был дан из-за белокурого как птица лунь старца [Панюков 1999, 42].

Одновременно с Богородском в вишерском бассейне был заселен Большелугский куст, в который входят с. Большелуг (коми название – *Ыджыдвидз*), деревни Выльыб, Зулэб (*Зулёб*) и Ивановская (*Джиян*). Связанные с Большелугом предания дополняют известные по публикациям краеведов и историков сведения о появлении этого села, в XVII в. располагавшегося на левой стороне р. Вишера [Панюков 1999, 53]. По рассказам, первоначально население Большелуга жило на другом берегу реки в местечке *Косьтакерёс* (букв.: Холм Константина), а после смены русла реки первоначально село стало затоплять во время половодья. Информанты, подчеркивая этот исторически реальный факт, сообщают, что на правый берег переселились именно братья, а не группа людей, не имеющих родства. Причем, основное название села перешло селению, где обосновалась их большая часть, а основанный еще одним из братьев чуть выше по течению населенный пункт стал называться *Выльыб* (букв.: Новый пригорок / холм). Судя по преданиям, имена братьев даны названиям вновь возникших частей села: *Йигёсикт* (Игнатовка; *Йигё* < Игнат), *Тимасикт* (Тимофеевка; *Тима* < Тимофей), *Макарсикт* (Макаровка; *Макар* < Макарий), *Фомасикт* (ФФ ИЯЛИ А11201-4. Инф.: Мишарина Ольга Ивановна, 1954 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 15.06.2015 г. в с. Большелуг). Топонимические предания объясняют, что свое название на коми и русском языке (*Ыджыдвидз* – Большелуг) село получило из-за особенности равнинного рельефа, обилия заливных лугов, образовавшихся после смены русла реки [Панюков 1999, 53].

Дополняют «народную историю» об освоении края семейные предания, объясняющие появление того или иного рода / фамилии в населенном пункте. По записанным нами рассказам, первым пришел в *Пашкосикт* (букв.: Павловка; *Пашко* < Павел) – часть с. Большелуг – житель Богородска *Трöш Степан Габов*, имевший несколько сыновей (Семен, Егор и Аверьян). С тех пор фамилия Габовых закрепилась в селе (ФФ ИЯЛИ А11202-3. Инф.: Габова Лидия Михайловна, 1927 г.р. Зап.

А. Н. Рассыхаев 16.06.2015 г. в с. Большелуг). В то же время Елизаровы, по семейным преданиям, обосновались в Макарсикте (ныне тоже часть села) (ФФ ИЯЛИ А11203-6. Инф.: Шевченко Мария Николаевна, 1937 г.р., урож. дер. Макарсикт. Зап. А. Н. Рассыхаев 16.06.2015 г. в с. Большелуг).

На протяжении последних десятилетий зафиксированы предания об образовании Ивановской деревни, которая на коми языке называется *Джиян*, что можно перевести как 'синица'. В речи современных жителей это слово уже не используется, но сохранилось на Выми, откуда пришли первые жители вишерского бассейна [ССКЗД 1961, 314]. Судя по исторической литературе, официально название на коми языке *Джиян* активно использовалось еще в сер. XIX века. [Попов 2010, 170].

По предположению одних информантов, первозасельщиками Ивановской якобы являются жители небольшой дер. Лымва, расположенной в верховьях одноименной реки. В качестве доказательства приводят наличие фамилии Попов в обеих селениях. По историческим же источникам, Лымва была основана жителями Ивановской [Жеребцов 2000, 215].

Судя по преданию, название *Джиян* деревня приобретает уже после заселения. По рассказам, при строительстве дома один человек начал падать со сруба и успел воткнуть топор в стену, схватиться за него и сохранить себе жизнь. За находчивость и ловкость его назвали «*джиян*» (синицей), что и послужило названием всего населенного пункта (ФФ ИЯЛИ А11207-5. Инф.: Павлов Ким Иванович, 1937 г. р. Зап. А. Н. Рассыхаев 17.06.2015 г. в дер. Ивановская). Ю. Г. Рочев приводит предание, в котором при строительстве дома участвуют первожители отец с двумя сыновьями, одного из них зовут Иваном. Именно он благополучно зацепился топором, и был удостоен отцом сравнения с птичкой *джиян*, а по названию птички и имени героя были даны коми и русское названия деревни – *Джиян* и *Ивановская* [Рочев 1985, 133].

Другие предания уточняют, что строителем дома был приезжий француз, также владеющий плотницкими способностями и проявивший чудеса изворотливости при падении со сруба: «Говорили, мол, что был какой-то мужчина. Он сруб рубил или что. Когда стал падать, топор воткнул, с тех пор – «*джиян*», «*джиян*» назвали. А так-то Ивановск теперь. (Р: А «*джиян*» – кто, птица?) Нет, человек какой-то – француз какой-то здесь был» (ФФ ИЯЛИ А11278-34. Инф.: Павлова Елизавета Трофимовна, 1934 г. р., урож. с. Большелуг. Зап. А. Н. Рассыхаев 22.06.2017 г. в дер. Ивановская).

Пытаясь найти объяснение появлению француза в далекой коми деревне, актуализируется Отечественная война 1812 г., когда в Коми край были высланы 100 военнопленных французской армии, обосновавшихся в пригороде Усть-Сысольска – ныне местечко Париж в Сыктывкаре [Мацук 2004, 381]. Имеются версии преданий, что коми название деревни *Джиян* восходит к имени французского военнопленного *Ян* (ФФ ИЯЛИ А11228-3. Инф.: Павлов Александр Григорьевич, 1931 г.р. Зап. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. 17.06.2015 г. в дер. Ивановская). Впрочем, среди населения нет единого мнения относительно имени французского военнопленного, этапированного в Усть-Сысольск.

Судя по историческим данным, позже всех начал заселяться нившерский куст с с. Нившера (коми название – *Одыб*) и ближайшими деревнями – Русановской (*Рочсикт*), Ивановкой (*Емель*), Тистом, Лымвой, Алексеевкой (*Мельнича Озын*) и Сывьюдором. Населенный пункт впервые упоминается в ревизской сказке 1747 г., хотя первопоселенцы, возможно, обжили эти места на несколько десятилетий раньше [Жеребцов, Лашук 1958, 90; Жеребцов 2000, 250].

Одним из первых поселенцев Нившеры предания называют Вавила. Это имя встречается как в исторических и краеведческих источниках, ориентированных на рассказы местных жителей [Жеребцов 2000, 250; Панюков 1999, 81], так и в народной традиции. Историки зафиксировали предание о том, что Вавил прибыл вместе с двумя сыновьями по реке и распахан поле, которое назвали его именем – *Вавилкерес*; два других поселенца – по прозвищу *Кеня* (букв.: Кукша) и *Джыдж* (букв.: Ласточка) – основали другие места центральной части села [Жеребцов 2000, 250].

В экспедиционных записях нач. XXI в. имя первопоселенца также сохраняется. Предания сообщают, что Вавил приплыл по реке на лодке: остановившись около устья ручья, поднялся по зарубкам на возвышенность и там заселился. Освоенное им место в память о первопоселенце стали называть *Вавилкерес* (букв.: холм Вавила) (ФФ ИЯЛИ А11135-18. Инф.: Михайлова Мария Семеновна, 1920 г. р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 06.06.2013 г. в с. Нившера). Устойчивым мотивом в преданиях о Вавиле является оставление пожилого старика в лесу для умирания. По сведениям одних информантов, в соответствии с давней традицией сын (вар.: крестный сын) оставляет немощного отца умирать; по другим данным – его убивают; третьи подчеркивают, что, сжалившись, сын обратно возвращает отца домой: «Среди первопоселенцев был Вавил, он жил около современного клуба, был знающим. Крестные дети обманом повели его в лес поймать медведя, убили и закопали в лесу. Это

место и ныне называют *Вавилкерос*) [Панюков 1999, 81]; «Вавила, старика, отвели на *Вавилкерес*. Сколько-то лет исполнится, и раньше было так, что отправляли, чтобы там умер. А его сын отправил его, а потом обратно вернул. Поэтому и назвали *Вавилмуререс*. Обратно возвратил, когда жалко стало» (ФФ ИЯЛИ А11179-24. Инф.: Подорова Марья Ивановна, 1931 г. р., урож. дер. Тист. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 07.05.2014 г. в с. Нившера).

Издавна основная часть села Нившера делится на две части – *Джыдж* ‘ласточка’ и *Кеня* ‘кукша’, разделяемые небольшим оврагом. Примечательно, что названия являются орнитонимами, часто встречающимися на территории Коми края для обозначения населенных пунктов. По семейным преданиям, в местечке Джыдж заселились Жижевы – фамилия является видоизмененным и адаптированным к русскому языку *Джыдж*. В Кене стали проживать Ларуковы (от сокращенного имени Илларион – *Лар* и уменьшительно-ласкательного суффикса *-ук*). По сообщениям, сначала заселен *Джыдж*, а первым в *Кене* поселился род *Педёрстав* (букв.: род Федора) (ФФ ИЯЛИ А11187-8. Инф.: Ларуков Василий Кузьмич, 1943 г. р., урож. с. Нившера. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев, С. А. Сажина 18.06.2014 г. в с. Нившера).

Разнообразны предания о заселении деревни Лымва, признанной в 1970-е гг. неперспективной. Все связанные с ныне запустевшим населенным пунктом устные рассказы тематически взаимодополняемы и, видимо, имеют историческую основу. По сообщениям уроженцев деревни, Лымва заселялась трижды. Вслед за историческими источниками, информанты приводят причину появления в глухой тайге на берегу одноименной реки Лымвы – обустройство места отдыха для путников и торговцев, проезжающих по зимнику с Ижмы (вар. – с Печоры) на Вычегду на известные ярмарки Коми края, проходившие в населенных пунктах по Вычегде – прежде всего, на Афанасьевскую в с. Нёбдино [Попов 2010, 174; Лейман 2019, 125–130]. Старожилы подчеркивают, что селение имеет выгодное месторасположение и находится почти на равном расстоянии от ближайших деревень и сел: до Большелуга, Аныба, Бадьельска и Ручи – по 40 км, до Троицка – 26, до Нившеры – 35.

Основание деревни информанты сводят к приказу российского царя открыть станцию для отдыха ижемцев на пути из Ижмы в Нёбдино, куда оленеводы приезжали на Афанасьевскую ярмарку. Первыми жителями была семья Поповых из дер. Ивановской, позже там же жили их сыновья с семьями (ФФ ИЯЛИ А11135-5. Инф.: Михайлова Мария Семеновна, 1920 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 06.06.2013 г. в с. Нившера).

По историческим источникам, Лымва действительно была основана Е. М. Поповым и его семьей из Ивановской в 1840-е гг. [Жеребцов 2000, 215]. Народная молва также гласит, что сначала поселились в Лымву две семьи из дер. Паркерос (деревня в составе с. Нёбдино), но они были вынуждены уйти, т.к. не было продолжателей рода. В последнюю очередь в Лымву переехали жить шесть братьев Поповых из дер. Ивановской (в составе с. Большелуг), которые и закрепились надолго.

Первожителей, переехавших в Лымву, предание наделяет богатырскими качествами. В одном из текстов, облюбовавший верховья реки житель Нившеры по прозвищу Лымва Иван заселяется на месте будущего населенного пункта в 1846 г. после женитьбы. Обладая богатырской силой, он на своих плечах переносит большой камень от мельницы до дома, преодолев без отдыха 3 км, и побеждает своего соперника из соседнего села [Uotila 1995, 60–62]. По словам же старожила деревни П. Г. Попова, в Лымву переехали жить два брата-богатыря по имени Артем и Елисей, в те времена у них еще не было пищалей. Однажды к ним со стороны Усть-Кулома прибыл богатырь по имени Агей: он воткнул пешню в пол и объявил себя хозяином тех мест. В то время в деревне были только жены Артема и Елисея, которые затопили баню и ожидали мужчин с охоты. Узнав о намерении Агея хозяйничать в тех местах, братья-богатыри пригласили пришлого человека в баню, рядом с которой лежал 18-типудовый камень. Перед баней братья невзначай предложили посостязаться в поднятии камня. Агей поднял камень до колена, Елисей – до груди, Артем перебросил камень через голову. Испугавшись сильных соперников, Агей убежал из тех мест навсегда (ФФ ИЯЛИ А11134-6. Инф.: Попов Петр Григорьевич, 1928 г.р., урож. дер. Лымва. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 05.06.2013 г. в с. Нившера).

Ю.Г. Рочев в своей работе, посвященной жанрам устной сказочной прозы коми, упоминает о трех версиях преданий обоснователей Лымвы: богатырь Пар Иван, два брата и три силача. Исследователь приводит объяснение происхождения названия дер. Лымва: «первопоселенец жил на горе (между прочим гора пологая и вершины до реки далековато), ему неохота было спускаться всякий раз за питьевой водой, он растапливал снег и пил ту воды. Отсюда, дескать, и деревня названа – Лымва» (букв.: снеговая вода) [Рочев 1985, 134]. Впрочем, количество семей и имена братьев, поселившихся в

Лымву, в преданиях разнятся, однако все информанты с уверенностью говорят, что лымвинские Поповы являются выходцами из Ивановской деревни. Г. И. Попов, видя сходство в фамильном составе и праздновании храмового праздника двух деревень, отмечает, что в Лымву поселились мужчины по прозвищу Большой Егор (*Бѣдзьѣд Ёгор*) и Маленький Егор (*Дзоля Ёгор*) (ФФ ИЯЛИ А11186-6. Инф.: Попов Геннадий Иванович, 1952 г. р., урож. дер. Ивановская. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев, С.А. Сажина 18.06.2014 г. в с. Нившера).

Таким образом, предания о небольшой и ныне не существующей деревне одни из самых разнообразных, хотя и тематически связаны. Фольклорные рассказы включают как реальные события, близкие к историческим, так и сугубо традиционные мотивы, распространенные в устной прозе (основание братьями, отцом с сыновьями, силачами).

Остальные деревни вокруг Нившеры появились немного позднее, в их коми и русских названиях отражаются имена первопоселенцев, что позволяет отнести их к топонимическим преданиям (или – к преданиям с топонимическим мотивом). Так, по рассказам нившерских информантов, первым жителем дер. Емель (русское название – Ивановка) стал *Емель* – народно-просторечное имя, образованное от мужского личного имени Емельян. Старожилы населенного пункта легко выстраивают собственное родословное древо от первопоселенца. Скажем, наш информант С. Е. Иванов сообщает, что сын Емельяна – Николай Иванович, получивший прозвище *Сярк* за издающую шарканье шубу, приходится ему прадедом (ФФ ИЯЛИ А11145-7. Инф.: Иванов Семён Елизарович, 1929 г.р. Зап. Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 07.06.2013 г. в дер. Ивановка).

Аналогичная ситуация и с деревней *Тист*, первопоселенцем которой по преданию является мужчина по имени *Тист*. Народно-просторечное имя *Тист* образовано от сокращенного мужского имени Феоктист, что подчеркивается и информантами. По рассказам, он построил дом на пригорке, но во время пурги крышу дома унесло в болото. В фольклорных текстах первопоселенец всегда прибывает издалека, этим подчеркивается сакральный статус первопродка, хотя и речь идет об относительно недавних временах.

Как и в случае с другими небольшими деревнями Коми края, старожилы Тиста указывают на свое родство с первозасельщиком. Скажем, Р. И. Ларукова из дер. Тист выстроила собственную родословную до первого жителя деревни: «Тист жил, девять сыновей у Тиста было. От него и название, деревню Тист построил. Он был первым жителем. Его сын – *Тист Кале* (Каллистрат Феоктистович), мы уже из рода Кале (*Кале чукар*). Я – *Тист Кале Опонь Васька Иван Роза*. Тист, отец [Кале] – пришлый человек, большой и сильный человек. Он построил на этом пригорке свой дом, а ураган до болота его дом опрокинул. Потом он посередине Тиста дерева срубил и построил [дом]» (ФФ ИЯЛИ А11305-8. Инф.: Ларукова Роза Ивановна, 1936 г. р. Зап. Л. С. Лобанова 08.06.2018 г. в с. Нившера). Для выстраивания родословной Р. И. Ларукова использует традиционный для коми порядок названия предков от дальнего (прапрадеда) до ближайшего (отца): *Тист Кале Опонь Васька Иван Роза*. На русский язык данную конструкцию можно было бы перевести так: Роза Ивановна – внучка Василия Афанасьевича, праправнучка Каллистрата Феоктистовича.

В названии деревни Русановская отражается этнический признак, закреплённый как в коми, так и русском топониме – «*Рочсикт*» (букв.: Русская деревня), Русановская. В преданиях о возникновении Русановской подчеркивается, что она основана пришлым русским человеком («*роч морт*»), заселившимся на пригорке для выращивания хлеба. Некоторые жители указывают, что мужчину звали Гавриилом (*Габѣ*), у которого было два сына – Сергей и Филипп. Первоначально до заселения Русановской он жил в 10 км от деревни в местечке *Важ Сидѳрѳин* (букв.: Старая Сидоровка), где в настоящее время находятся заливные луга. Из-за неурожая хлеба он нашел удобное для земледелия гористое место, где хлеб не замерзает, а также построил кузницу (ФФ ИЯЛИ А11148-3. Инф.: Михайлова Анна Ивановна, 1927 г.р. Зап. А. Н. Рассыхаев, Л. С. Лобанова 07.06.2013 г. в дер. Русановская). По другим сведениям, родоначальником Русановской может быть мужчина по имени Сергей, т. к. в деревне многие ведут род от Сергея.

Позже всех, на рубеже XIX–XX вв., в Нившерском кусте образовалась Алексеевка, название которой также дано по имени первого жителя. Сохранилась даже фотография основателя деревни. По преданиям, она названа по имени первопоселенца – Алексея Михайловича Габова (*Тикѳн Микайлѳ Олексей*) из дер. Тист, первым поселившимся на этом месте вместе с братом Андреем и построившего мельницу на р. *Вью* [Панюков 1999, 99]. Коми название деревни – *Мельничка Озын* (букв.: причал у

мельницы) также связан с деятельностью первозасельщика, содержавшего мельницу.³ Информанты сообщают, что он был дважды женат, бездетен. Как зажиточный крестьянин он был раскулачен, скрывался в лесу на р. *Ропча*, убит в лесной избушке (ФФ ИЯЛИ А11161-1. Инф.: Виноградова Евдокия Михайловна, 1929 г.р. Зап.: Л. С. Лобанова, А. Н. Рассыхаев 12.06.2013 г. в дер. Алексеевка). В то же время в некоторых преданиях уточняется, что в Алексеевке первым дом построил выходец соседней деревни Иван Васильевич (деревенское прозвище *Оньё Васька Иван*), но в своем доме раньше заселился А. М. Габов, чьим именем и названа была деревня.⁴

Таким образом, преданиях об освоении и заселении края основными героями, обживающими тайгу, становятся охотники, рыболовы и землепашцы. Наиболее частыми мотивами становятся такие распространенные, как освоение пространства одним человеком, двумя или тремя родными (реже – шестью) братьями, выбор удобного для земледелия холма, расселение у богатого дичью и пушными зверьями реки, случайное открытие нового прямого пути между населенными пунктами.

Разностадиальные фольклорные тексты, образованные в разное время и циркулирующие в традиции в начале XXI в., создают целостный народный образ исторического освоения Вишерского края. Они образуют цикл преданий об освоении и заселении края, который вместе с топонимическими преданиями сохраняют коллективную народную память о событиях этнолокальной группы.

Первый период на основе фольклорных текстов можно обозначить как «чудской». Основным персонажем преданий становится аборигенное население – мифологическая чужь, исчезнувшая с данной территории, но оставившая наиболее значимые гидронимы Вишерского края – реки Вишера (*Висер*) и Нившера (*Ньывсер*), ручьи *Сапöгаэль* и *Виччысянашор*, озеро *Сисьпасяты*. Нынешним информантам чужь предстает как обитавшее до появления коми население, похоронившие себя из-за неприятия другой веры. Чужь всегда безымянна, но иногда указывается гендерная характеристика (чудинка). Современное население, судя по записанным материалам, не считает себя потомками той самой чужди, от которых остались городища и чудские ямы – некие местные достопримечательности, но не сакральные почитаемые объекты. Между тем, некоторые коми поэты и писатели в поисках своих корней склонны были поэтизировать родство коми с чуждью (к примеру, стихи народного поэта Коми В. Г. Лодыгина).

Второй период заселения Вишерского бассейна предания связывают с коми населением, прибывшим на начальном этапе с верховьев Выми. В устной прозе они становятся основателями основных населенных пунктов по рекам Вишера и Нившера, давшими названия селам и деревням. Первопоселенцами становятся братья или группа людей (с. Большелуг, дер. Выльыб), братья-охотники (дер. Троицк, дер. Пасвомын), отец с сыновьями-землепашцами (с. Одыб, дер. Лымва), три брата-богатыря (дер. Лымва), пришлый мужчина (русские) (дер. Русановская) или француз-военнопленный, отправленный в местечко Париж под Сыктывкарком после Отечественной войны 1812 года. (дер. Ивановская). Некоторые деревни, образованные на рубеже XIX–XX веков в своем названии сохраняют имена первых жителей (деревни Емель, Тист, Алексеевка), а старожилы нередко легко выстраивают свое родословное древо к первопоселенцу.

Несколько населенных пунктов и частей села Вишерского края имеют орнитонимы, что дает возможность информантам выдвинуть версию об обилии данных видов птиц в здешних местах (*Лунь* ‘Лунь’, *Сюзяыб* ‘Сова’ + ‘возвышенность’, *Кеня* ‘Кукша’, *Джыддж* ‘Ласточка’). Исключением является коми название деревни Ивановской – *Джиян* ‘Синица’, т. к. слово вышло из повседневного оборота и не используется в местном говоре.

Устные предания об освоении и заселении края, как и топонимические предания, часто сохраняют историческую память о заселении тех или иных мест, населенных пунктов. Несмотря на то, что в преданиях есть установка на достоверность и историчность, часто основу таких текстов составляют

³ Отметим, что в дер. Алексеевке почитается икона Вознесения, перед которой в дни празднования Вознесения Христова сельчане до сих пор проводят домашние богослужения [Лобанова, Рассыхаев 2017, 44]. В научной литературе отмечено, что якобы А. М. Габов поставил крест перед своим домом на берегу ручья, где стояла мельница, и выносил икону Вознесения к этому кресту для проведения богослужения в дни обхода полей и на Вознесение [Панюков, Савельева 2006, 276]. Однако, проверка экспедиционных материалов 2000 г., а также полевые исследования 2012–2018 гг. не содержат никаких свидетельств того, что основатель деревни выносил икону на Вознесение.

⁴ Уточним, что в исторической литературе указана неправильная фамилия первозасельщика – Алексей Михайлов [Жеребцов 2000, 9].

воспроизводимые архаические сюжетобразующие мотивы, к которым относится основание сел одним первопоселенцем, двумя или тремя братьями, группой людей, не связанных родством.

Особенностью устной прозы вишерских коми является функционирование преданий, объясняющих топоним как на коми, так и русском языках. Двухязычные (коми и русские) топонимы повлияли на формирование сюжетно-мотивного фонда топонимических преданий, т.к. информанты часто объясняют возможное происхождение топонима с опорой на разные языки.

СОКРАЩЕНИЯ

ФФ ИЯЛИ: А – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, аудиозапись.

ЛИТЕРАТУРА

Вакуль. Край наследников жреца Пама и колдуна Тьювö [URL: va-kul.livejournal.com/3541.html] (дата обращения: 01.11.2022)

Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 448 с.

Жеребцов Л. Н., Лапук Л. П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник / Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 83–127.

Историческая память в устных преданиях коми: Материалы / Сост. и подгот. текстов М. А. Анкудиновой, В. В. Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 158 с.

Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; под общей редакцией А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. 616 с.

Коми легенды и предания / Сост., вступит ст., примеч. и перевод Ю. Г. Рочева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 176 с.

Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. 228 с.

Кузнецова В. С. Легенды о переплывающей реку Богородице в русской фольклорной Библии // Критика и семиотика. 2012. № 16. С. 163–185.

Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. С. 332–333.

Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.

Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Современная традиция почитания православных икон в с. Нившера Корткеросского района Республики Коми // Традиционная культура. 2017. № 1. С. 38–51.

Мацук М. А. Отечественная война 1812 года // История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2-х т. / Отв. ред. В. И. Чупров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 378–381.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 320 с.

Панюков И. М. Висервож да сэтчös олысьяс йылысь пасйödьяс. [Заметки о Вишерском крае и его жителях]. Корткерос: [б. и.], 1999. 107 с. (на коми яз.)

Панюков А. В., Савельева Г. С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае // *Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* XIV. Cambridge, Massachusetts. 2006. P. 262–286.

Попов А. Е. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2010. С. 158–174. (Оригинал: Попов А. Е. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 10–12).

Рассыхаев А. Н. Предания о селе Богородск // Известия Общества изучения Коми края. 2022. № 2 (23). С. 31–38.

Рочев Ю. Г. Жанры несказочной прозы. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 236.234 л.

Савин В. А. «Мусюр» сайын. Висервожд коми йöзкостсасыланкывьясчукöртöм [За водоразделом. Собрание коми народных песен по Вишере] // Коми му – Зырянский край. 1926. № 9. С. 33–41; № 10. С. 35–38; № 11. С. 35–43.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 462 с.

Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: Дисс. ... д.филол.н. Улан-Удэ, 2018. 540 л.

Uotila 1995 – Syrjänische Texte. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt / Gesammelt von T. E. Uotila. Helsinki, 1995. Bd. 4. 521 s.

Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Поступила в редакцию 15.09.2022

Рассыхаев Алексей Николаевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Института языка, литературы и истории

Федерального исследовательского центра

«Коми научный центр УрО РАН»

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: rassyhaev@mail.ru

A. N. Rassykhaev

KOMI LEGENDS ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE VIPHERA REGION

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-507-519

The article, based mainly on field expeditionary materials from the beginning of the 21st century, for the first time analyzes the Komi legends about the development and settlement of the VIPHERA region (VIPHERA River basin, Kortkeros district of the Komi Republic). Diverse folklore works, formed at different times and circulating in traditions, are distinguished. They create a holistic folk image of the historical development of the VIPHERA region and preserve the collective memory of the ethnolocal group. The first period based on folklore texts can be designated as “chud period”. The main character of legends is the indigenous population – the mythological chud, which disappeared from this territory, but left the most significant hydronyms of the VIPHERA region. The second period of legends is associated with the Komi population, who arrived at the initial stage from the upper reaches of the Vym River. In oral prose, the heroes who inhabit the taiga are fishing hunters and farmers who founded settlements along the VIPHERA and Nivshera rivers and gave names to villages. The most common motifs are such common ones as the development of space by one person, two or three (less often – six) blood brothers, the choice of a hill convenient for agriculture, the settlement near a river rich in game and fur animals, and the accidental discovery of a new direct path between settlements. Some village names reflect the names of the first inhabitants, bird species, and features of the area. A peculiarity of the oral prose of the Visher Komi is the functioning of legends explaining a toponym both in Komi and Russian. Bilingual place names increase the plot-motif fund of legends.

Keywords: Komi, folklore, local folklore tradition, VIPHERA’s Komi, oralfolk prose, legends, oral story, oral history.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 507–519. In Russian.

REFERENCES

Vakul'. *Krai naslednikov zhretsa Pama i kolduna Tyuvö* [The land of the heirs of the priest Pama and the sorcerer Tyuwe]. [URL: <http://va-kul.livejournal.com/3541.html>] (accessed: 01.11.2022) In Russian.

Zherebtsov I. L. *Gde ty zhivesh': Naseleennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskij spravochnik* [Where you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and Demographic Directory]. Syktывkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2000. 448 p. In Russian.

Zherebtsov L. N., Lashuk L. P. *Staraya VIPHERA* [Old VIPHERA]. *Istoriko-filologicheskii sbornik / Komi filial AN SSSR* [Historical and philological collection / Komi branch of the Academy of Sciences of USSR]. Syktывkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1958, vol. 4, pp. 83–127. In Russian.

Istoricheskaya pamyat' v ustnykh predaniyakh komi: Materialy / Sost. ipodgot. tekstov M. A. Ankudinovoi, V. V. Filippovoi [Historical memory in the Oral Traditions of the Komi Republic: Materials. Compiled by M. A. Ankudinova, V. V. Filippova]. Syktывkar, 2005. 158 p. In Komi, Russian.

Kargopol'e: Fol'klornyi putevoditel' (predaniya, legendy, rasskazy, pesniiprislov'ya) / Sost. M. D. Alekseevskij, V. A. Komarova, E. A. Litvin, A. B. Moroz, N. V. Petrov [Kargopol: Folklore guidebook (traditions, legends, stories, songs and words) / Comp. M. D. Alekseevsky, V. A. Komarova, E. A. Litvin, A. B. Moroz, N. V. Petrov]. Moscow, 2009. 616 p. In Russian.

Komi legendy i predaniya. Sost., vstupitst., primech. I perevod Ju. G. Rochev [Komi legends and stories. Compiled by Yu. G. Rochev]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1984. 176 p. In Komi, Russian.

Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza. Voprosy genezisa i struktury* [Russian folk historical prose. Questions of genesis and structure]. Lenindrad, Nauka Publ., 1987. 228 p. In Russian.

Kuznetsova V. S. Legendy o pereplyvajushhei reku Bogoroditse v russkoi fol'klornoj Biblii [Legends about the Mother of God crossing the river in the Russian folklore Bible]. *Kritika isemiotika* [Criticism and semiotics], 2012, no 16, pp. 163–185. In Russian.

Levinton G. A. Predaniya i mify [Traditions and myths]. *Mify narodov mira: enciklopediya v 2-kh t. 2-e izd.* [Myths of the peoples of the world: an encyclopedia in 2 volumes. 2nd edition]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1988, B. 2, K – Ya, pp. 332–333. In Russian.

Leiman I. I. *Yarmarki na Evropejskom Severe Rossii v XIX – nachale XX veka* [Fairs in the European North of Russia in the XIX – early XX centuries]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History Publ., 2019. 232 p. In Russian.

Lobanova L. S., Rassyhaev A. N. Sovremennaya traditsiya pochitaniya pravoslavnykh ikon v s. Nivshera Kortkerosskogo rajona Respubliki Komi [Modern tradition of veneration of Orthodox icons in the village of Nivshera, Kortkerossky district of the Komi Republic]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2017, vol. 1, pp. 38–51. In Russian.

Macuk M. A. Otechestvennaya vojna 1812 goda [Patriotic War of 1812]. *Istoriya Komi s drevnejshikh vremen do kontsa XX veka: v 2-kh t.* [The history of Komi from ancient times to the end of the 20th century: in 2 volumes]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2004, B. 1, pp. 378–381. In Russian.

Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Studies in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St. Petersburg, “Al-etejja” Publ., 1998. 320 p. In Russian.

Panyukov I. M. *Viservozh da sietchös olys'yas iylys' pasiöd'yas* [Notes on the Vishera District and its Residents]. Kortkeros, 1999. 107 p. In Komi.

Panyukov A. V., Savel'eva G. S. Khramovye i zavetnye prazdniki v Komi krae [Temple and cherished holidays in the Komi Region]. *Paleoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* XIV. Cambridge, Massachusetts, 2006, pp. 262–286. In Russian.

Popov A. E. Putevye zametki ot Ust'-Sysol'ska k Visherskomu seleniyu [Travel notes from Ust-Sysolsk to Vishera village]. *Zyrjane i zyrjanskii kraj v literaturnykh dokumentakh XIX veka* / Sost., vstup. st. V. A. Limerovoj [Zyryan and Zyryan region in literary documents of the XIX century / Comp., Entry. St. V. A. Limerova]. Syktyvkar, “Kola” Publ., 2010, pp. 158–174. In Russian.

Rassyhaev A. N. Predaniya o sele Bogorodsk [Legends about the village of Bogorodsk]. *Izvestiya Obshhestva izuchenija Komi kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Komi Territory], 2022, no 2 (23), pp. 31–38. In Russian.

Rochev Ju. G. *Zhanry neskazochnoj prozy komi fol'klora* [Genres of untold prose of Komi folklore]. Syktyvkar, 1985. 234 p. [Nauchnyi arkhiv Komi NC [Scientific Archive of the Komi Scientific Center]: F. 5. I. 2. C. 236]. In Russian.

Savin V. A. «Musyur» sajyn. Viservozhöd komi jözkostsa s'ylinkyvyas chukörtöm [Beyond the watershed. Collecting Komi folk songs on Vishera]. *Komi mu – Zyrjanskii kraj* [Komi land –Zyryansky Territory], 1926, no 9, pp. 33–41; no 10, pp. 35–38; no 11, pp. 35–43. In Komi.

Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical story]. Moscow, Nauka, 1970. 289 p. In Russian.

SSKZD – Sravnitel'ny jslovar' komi-zyrjanskikh dialektov / Sost. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova i dr. [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects / Comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova and others]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1961. 462 p. In Russian.

Tihonova E. L. *Semantika i pragmatika fol'klorno-istoricheskoi prozy russkikh starozhilov Baikalskogo regiona*: Diss. Doctor filol. Nauk [Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region. Doctor filol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2018. 540 p. In Russian.

Uotila T. E. *Syrjänische Texte.* Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. Helsinki: Suomal.-ugrilainen seura Publ., 1995. B. IV. 521 p. In Komi, German.

Rassykhaev Alexey Nikolaevich

PhD in Philology, Senior Researcher, Folklore Department
Institute of Language, Literature and History
Komi Scientific Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia
E-mail: rassyhaev@mail.ru

L. P. Baka, B. Istók, G. Lőrincz

**TENDENCIES OF HUNGARIAN YOUNG
ADULT LITERATURE IN 2020***

The present study discusses Hungarian young adult literature of 2020 with a focus on its decisive works. We analyze works whose authors were nominated for or won The Author of the Young Adult Book of the Year prize: Gergely Huszti's *Mesteralvók viadala* (*Master-sleeper's encounter*), Tamás Rojik's *Szárasság* (*Drought*), Éva Janikovszky's *Naplóm 1938–1944* (*My diary 1938–1944*), Fanni Balássy's *Hol is kezdjem* (*Where do I start*) and the prize-winning Ildikó Lipták's *Csak neked akartunk jót* (*We just wanted good for you*). Within the corpus of the investigated works two strong genre-based tendencies prevail: speculative fiction and the updated girl novel. These narratives, which work with diverse time techniques, highly bear the effects of visual culture and have an intermedial nature at numerous places of the text. A common experience of the works is that the knowledge and references of their narrators do not build on classical (literary), but on popular (film, gamer) culture, which they reflect upon as well. A common novel-poetic feature of the works is the self-reflective nature of the language use of their protagonists, which not only mirrors their characters, but also the peculiarities of their world.

Keywords: Hungarian young adult literature 2020, contemporary girl novel, speculative fiction, intermediality, self-reflective novel-poetics.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-520-530

Introduction

Our paper embarks upon a chase after Hungarian young adult literature of 2020. In order to at least partially suspend our individual biases we use The Author of the Young Adult Book of the Year prize [Hubby 2021a; 2021b] as filter. Thus we analyze Ildikó Lipták's novel titled *Csak neked akartunk jót* (*We just wanted good for you*) in detail, but first we touch upon those works which were honorably mentioned and therefore determined the Hungarian young adult literature of 2020.

While examining the given text group, we can notice two definitive tendencies. One of them consists of the genre-fusions of speculative fiction, which – based on the experiences of the last one or two decades – function almost as a steady pole. By means of the novel of Tamás Rojik titled *Szárasság* (*Drought*) and the work of Gergely Huszti titled *Mesteralvók viadala* (*Master-sleeper's encounter*), 2020's specific tone is created by the problem-lens of environmental protection and the sacred supernatural. The other pole is outlined by the re-interpreted, realistic, and intermedial girl novel volumes which, however, through divergent poetics, give a voice to the schoolgirls of not only our time. Besides Lipták's novel the young adult novels of Éva Janikovszky's posthumously published *Naplóm 1938–1944* (*My diary 1938–1944*) and Fanni Balássy's *Hol is kezdjem* (*Where do I start*) also belong here.

Although in 2020 in Hungarian young adult literature prose played the leading role, the language of the protagonists created and gave a voice to extremely divergent worlds. Let us see how!

Dream and water shortage

Gergely Huszti rammed into Hungarian young adult literature with his novel titled *Mesteralvók hajnala* (*Master-sleeper's dawn*) [Huszti 2019] and he rounded the story off with the *Mesteralvók viadala* (*Master-sleeper's encounter*). The author goes through the bulk of world-building in the first volume, which is characterized by innovative thinking and an aspiration for the evasion of premises and the precise detailing of motivations [Próza Nostra 2021]. In the next installment this slightly gets into the background and the emphasis is directed towards carrying on with the plot.

One of the key motives of the alternate world, which operates with medieval settings, is insomnia. The inability to sleep can be connected to the master-sleepers who took over the burden of sleep from people in order for them to stay active day and night. After the death of the master-sleepers their bones became relics and they themselves became the celestial patrons of certain cities, and slowly even the necessity of sleep returned to people. What is more, gradually wakefulness and insomnia also became sins. Two of our protagonists suffer from this and they try to hide it from the increasingly profane world which more and more disregards

faith. However, a turmoil develops in the cities of the Gardella Valley when the bones of the masters start to disappear and a rumor begins to spread according to which wakeful masters walk among people who bring either redemption or retribution.

As far as genre is concerned, the duology can be defined as low fantasy [Wolfe 1982, 67] since its world and characters are approaching reality. Only the master-sleepers and the wakeful masters possess special abilities (levitation, mind-reading, telepathy, etc.). The status of the latter group can be marked somewhere between saints and superheroes, hence the novels might as well be called a sacred superhero fiction. We can view the thirteen old master-sleepers as being an analogy with the christian apostles, as long as we consider Saint Paul as being the thirteenth one.

A big merit of the duology is its unremitting and overwhelming dynamism which are ensured by the horizon-changes (cuts) oscillating between the three viewpoint characters, by the spinning dialogues with short descriptions, and by the cliffhangers positioned to the end of the chapters. The dialogues are characterized by taboo-less management of topics, and the novels are not afraid of even getting into the philosophical questions, whether those are connected to the meaning of life or the faith in the supernatural. However, they do not provide answers, or if yes, then they give many options, with which they motivate the readers to establish their own standpoint.

Both volume's most significant novel-poetic novelties are the three character horizons each using a unique language. The two poles of the alternate world are represented in multiple ways by Admira (a.k.a. nurse 224) and Vulgarus Pokk. They simultaneously ensure the female-male and young-adult positions as well as the sacred and worldly poles of the universe. Admira is brought up in a monastery, thus her language is characterized by baroque lengthy sentences, spectacular descriptions, metaphors and similes [Vass 2019], and personifications. On the other hand, Vulgarus, the dissolute and dubious cellar master speaks in a much less decorative way. From a rhetoric perspective, his speech is balancing between convivial wisdom-sharing [Uzseka 2019] and a cynical tone. Vulgarus's manner of speech is also the most naturalistic. As self-reflection, this duality is indicated by the deciphering of the two names through Latin, since Vulgarus means audience and Admira(bile) means admirable [Steinmacher 2019]. In addition, the initials of the names, "V" and "A" are vertical counterpoints of each other as well.

The Admira–Vulgarus axis is dislocated by Miló Tótság's radically different character horizon, who is transferred from present-day Hungary to the world of the Gardella Valley. Through him, first and foremost Huszti updates the fantasy traditions of the portal in a rhetorical way [Mendlesohn 2008, 1; Hegedűs 2012, 11]. Miló describes the other universe by operating with the technologized teenager slang of our reality, which is full of anglicisms, web-abbreviations, and nicknames, thus also functioning as a source of humor. A substantial element of his speech and his similes-creations is the pop-culture-based and intermedial reference net(work) as well as a gamer attitude. By means of the latter the text nicely suggests that looking at it from the boy's latest urban locale, the alternate middle ages are on the same level as the virtual worlds, and for him it can only be interpreted through the "lens" of the experiences given by these. In the light of the aforementioned, Gergely Huszti's duology fully aligns with Márton Mészáros's characterization of young adult literature, according to which it is built on pop-culture and intermedial links, and it is suitable for adaptation to film [Mészáros 2017, 298]. All this, however, is valid for Tamás Rojik's novel as well.

The so-called "green topics", the relationship between man and nature have always been determining issues in children's and young adult literature [Lovász 2015, 21; Petres Csizmadia 2015, 201], whether we talk about the harmony between the two or the negative effects of the exploitative human activity. Due to the drastic environmental changes we can experience today, the environmentally conscious perspective and the ecological direction became even more pronounced in the corpus [Zólya 2020a, 2021a, 2021b]. Tamás Rojik's climate fiction [Johns-Putra 2016] novel titled *Szárazság (Drought)* is an illustrative piece of this text group with its precise, disillusioning, and dystopic world-depiction.

The work is based on the fulfillment of contemporary environment-polluting tendencies whose effects are envisioned into the Hungary which, from our perspective, is thirty years in the future. The not so distant point of time as well as the known setting for the Hungarian readers are also aggravating the topic. The key moment of the novel is the water shortage coded into the title. This emerges in the desertifying alternate environment, in the great drought threatening Lake Balaton and the big rivers, and also in the consumer and hygienic rations. Our characters can only spend 15 minutes per week under the shower, the girls have their hair cut short and the threat that water will not flow anymore from the faucet is constantly floating in front of their spiritual eyes [Pagony 2020]. The "green setting" of the work therefore emerges indirectly through the lack of the color green, healthy nature, and colorful animal kingdom, which of course might urge us to protect them all [Zólya 2021b].

The technological developmental stage of Rojik's society might be considered ambivalent. The residential environment of the higher social classes is fully automated, however the most impressive development is definitely the energy bar, which in its own artificially constructed nutritional value globally eliminated not only gastronomy, but starvation as well. The latter foresees the possibility of solving global problems, however, the chips implanted into the hands of the youth, which besides indicating the vital signs also warn the parents about their sexual activities, allows us a glimpse into the possibility of total surveillance.

According to Rojik's future-script the Hungary of seven million people, which is yearly struck by "merely" a dozen tornadoes and 40+ °C summers, did not leave the European Union, but the latter transformed into the European Environmental Union. The country, however, can be definitely regarded as closed with a political system showing the signs of authoritarianism, manipulation and having an interest in silencing [Kovács 2020]. Society is sharply bipolar, and the members of the fringe are excommunicated by the state leadership through a conscious media strategy. The wealthy inhabitants are guarded by android and human police against the "freeloaders" who became penniless because of their addiction to virtual realities. As a result of this, the two sides are basically hermetically sealed, and they have far-fetched prejudices about each another.

The fictitious medial texts at the beginning of the chapters, which come from future lexicons, newspapers, online blog entries or propaganda materials, are complex poetic tools of world building. *Szárazság (Drought)* is a light text, it reads well, and it also uses a sensitive language for its humor. Its most memorable rhetorical solution is the language use of one of the protagonists, Dani, whose introverted character gets expressed in his manner of speech as well, which is condense, intermittent, mostly incomplete or built up from short and simple sentences, thus self-reflectively referring to the drying out of his world.

The two heroes are connected by art: Dani draws and Anikó paints the comic books. It is an exciting poetic solution, the way Rojik introduces us into the process of the engineering of comic books through the medium of literature. The creations of the duo are present in the text as micro-stories on the one hand, and on the other, through the reflections of the characters, they also allow us to see how the artwork is constructed from the elements of the environment through the filters of the artist. The previously mentioned shortage emerges through the drawings of the characters as well, since Anikó's color-rich flowers, swallow or bug drawings are on the same level as the dinosaur drawings of our reality, both are mementos of extinct species. In connection to this story, we cannot really talk about an ending catharsis. The single promising sign is the planting of diffuse-porous trees which may ease the drought, however, against the shadows of reality our heroes only find a way out in art.

Girls and love, likewise and otherwise

Éva Janikovszky (1926–2003) is a renowned author across Europe. Her books titled *Kire ütött ez a gyerek? (Who Does This Kid Take After?)*, *Ha én felnőtt volnék (If I Were a Grown-Up)* have been read by generations in numerous languages. Her children's stories were written with a few words but with a deep character insight. By using the viewpoint of the child as a mask, they talk about their everyday challenges, about their relationship towards the world, family and contemporaries in a confessional way, while they "discover the world of the adults with snappy precision and humor, and with mocking stereotypical life situations and language use" [Petres Csizmadia 2015, 125]. That is to say, when the child narrator arranges the not infrequently self-contradictory advice and statements of the adults next to each other, but does not point them out, we get a didaxis-parody [Keresztesi 2011, 13]. One of the key moments of Janikovszky's works is the bridging of the adult-child viewpoint differences, which is enabled by a language that is operating with language games and resembles live speech [Komáromi 1999, 226–227].

To what extent can *Naplóm 1938–1944 (My diary 1938–1944)* [Janikovszky 2021] be considered a work of children's literature might be subjected to a debate. In reality, the author of this work is not the Janikovszky known by us, but a twelve–eighteen years old Éva Kucses, who only became a famous writer twenty–thirty years after writing the diary. Therefore, the text was not written as a literary work, but its linguistic quality, humor, self-ironic voice and character description so much resembled the author's later solutions of style [Dési 2020, 193–194] that they warranted the posthumous publication. In light of this, the text finds itself in the specific and truly tight corpus which is called *literature written by children* [Bárdos 2013, 16] by the researchers.

Of course, as the primary genre of the volume we need to label the diary as a diary novel, nevertheless through the entries we get a description of the era, a window to a reality which has become a historical one in the meantime, thus animating the domains of the historical novel [Böszörményi 2021]. However, we can rightly call Éva Kucses's diary a coming of age or girl novel as well. The former is validated by the volume's compelling developmental curve, both in terms of the style and the voice, which of course can be considered

evident, since in the meantime the twelve years old virago author of the first entries became an adult graduate woman. The early playfully silly records about childish mischief are gradually taken over by deep romantic confessions and poignant descriptions of personally lived war experiences and family tragedies. The girl novel nature of the text is confirmed by the fact that there is always a boy/man in the focus of the entries, and their drive is always love, the dreamy walks on the promenade, the burning of the overheated, sometimes whimsical feelings as well as the smoldering and variation of these emotions.

For a while the emphasized role of the latter almost masks the fact that these love relationships unfolded in front of the background of an era of war [Polgár 2021]. The previously healthily mixed society falls into pieces with the escalation of the era of despair [Szekeres 2020]. For example Éva Kucses's family highly guards those passages of the 1939 second Jew act according to which Éva cannot be regarded as a Jew anymore – however, the grandmother and the rest of the relatives, as the 1944 Christmas entry reports, are dragged away.

Among others, while reading the diary the reader of today might get baffled by the extraordinary intelligence of the author. This shows itself in the unbelievably vast inter-art reference network with which she enriches her records. Her style is characterized by high-spirited humor, cynically critical voice, sallying self-irony, and by the continuous self-reflections concerning both the manner of speech as well as the flow of writing.

A natural characteristic of the diary is that it is fragmentary, hence getting to know the text is an adventure as well. It is the task of the receptive reader to link and tie the fragments and to supplement the hiatuses. It does not matter that the latter is merely the marker of a lifelike reality, subsequently it can be regarded as a text-organizational procedure. This is enriched by the volume's multimedial nature. Besides the core text, the book contains Éva Kucses's drawings, tables of (not only literary) favorites, the thermometers of affection towards the individual boys/men, and also, by favor of the editor, the certificates, photos, typed tender lines of poetry, and newspaper articles of the Janikovszky heritage, all of which bring Éva's world and life closer to the reader.

A connection between Janikovszky's and Fanni Balássy's novel can primarily be built along the lines of the diary form and the girl novel characteristics. The protagonist of the girl novel gradually grows up to become a woman, she occupies her (new) role in society, and the story-scheme leading up to this – i.e. the central character finds herself in a new environment, gets involved in conflicts with the community which are based on misunderstandings and lacks of knowledge, and then she resolves these pseudo-conflicts [Bárdos 2013, 184–185] – cannot be by-passed, since they are the collaterals of social organization and personal maturation. But how can these limits be exceeded?

One of the answers of *Hol is kezdjem (Where do I start)* [Balássy 2020] is that it continually subjects the roots to reflection. The experiences of the classical girl novel and the American romantic comedy function as expectations and they also induce the trains of thoughts of the narrator, to which reality becomes the off-putting counterpoint. The author achieves this at multiple places in the text with intermediality [McLuhan 1999, 55], for example by evoking the peculiarities of film, by mounting them on the reality which is represented by the textual world [Rajewsky 2010, 55]. Recycling the examples of the roots, which are featured as direct references, subjects them to parody, but also verifies their inevitability. Complemented with other elements of pop-culture, they determine the protagonist's and the teenage girls' perspectives like two holding pillars.

The work thematizes the numerous time periods of the first year of secondary school which are suitable stages of initiations [László 2021]. On the one hand, *Hol is kezdjem (Where do I start)* is chronological and is organized into a frame, however, the linear narration is interspersed with diverse time techniques. Through the associations and recollection mechanisms which are connected to the concerned topics, the text wedges together close-distant events and clashes opinions by using film-like cuts and montage techniques, i.e. solutions which also indicate the effects of visual culture [Komáromi 1999, 232–242].

Since all chapters are organized around a central problem or event, the novel can rightly be called a string of independent narratives. Each part starts with the same stroke, the individual sections beginning with the “*Kezdem ott, hogy...*” (“*I start by...*”) formula offer potential answers for the question asked in the title of the volume. The topics touched upon by the author range in a truly wide scale, from initiations, house parties, weight loss diets, menstruation, up to the difficulties of selecting panties. The purpose of the text is not to drastically demolish taboo topics, but to naturally talk about matters which are considered “sticky”. Although through the narrative we learn about the deepest feelings of the narrator, her name remains unknown, which puts the identity and the challenges of the speaker on the level of the general, making it easier for the reader to connect. The same is true for “The One”.

The key shape of the novel-poetics of *Hol is kezdjem* (*Where do I start*) is the hyperbolic curve, which depending on the situation, whether zooming in or out, remains the instrument of the expression of both the heightened spiritual state and humor as well throughout the entire work. The language of the narrator is sometimes sarcastic, ironic and self-ironic, sometimes desperate and self-tormenting. “*The lively flow of the monologues built up of mostly multi-complex sentences is not blocked by even the dialogues found in reported speech*” [Kovács 2020]. Only by considering the similes, the narrator displays an imposing wealth of knowledge. In her confession the antique philosophers of the secondary school curriculum, the classical literary figures, the icons of pop-culture, and the actresses of romantic films supplement each other with puzzling naturalness, however, their mutual alterity inevitably generates another layer of humor. It is true, however, that her references are pointing towards the decisive popular works of the X and Y, and not the Z and alpha generation, which creates a time-disorder effect [Karafiáth 2020; Kemény 2020].

However, over the veil of exaggerated humor there lie the hardships of life as well. The constant difference of opinion of the parents, who are sharply different personality types (pragmatic mother vs. idealistic father), the challenges of cooperation after divorce, their searching of their own paths, or the Facebook activities of the just widowed grandma and their convergence in the narrator – they are all instructive [Vojnics-Rogics 2021, 114]. Nevertheless, fighting off the dissatisfaction of the unsteady narrator which she has with herself, getting over the body image disorder enhanced by the media, dealing with the mocking school videos, and her experiments of finding a purpose to life while starting from uncertainty always bring a life-positive outcome. The challenges end up in hilarious situational comedies during which the protagonist overcomes difficulties while mocking herself. And whether the solution is grandma-panties put over jeans, half-complete depilation, or a gorilla costume instead of a ball dress, is just a question of detail.

Life has emerged out of my coat (Ildikó Lipták: *Csak neked akartunk jót* [*We just wanted good for you*])

“*The upholstery of my bed is made out of a spiky material. (...) I think they wove it from leftover threads, hence the chaotic pattern*” [Lipták 2020, 5] – is the self-reflective opening sentence and its continuation of Ildikó Lipták’s novel. The description of the bed of the protagonist, Lilla, is also metaphorically the characterization of her life: spiky, chaotic, and woven from leftover threads of poverty. Lipták’s novel tells us everyday events in the strictest sense of the word. Although, through rhetoric craft there is an astounding amount of tension in each of the sentences and words of the work. This is why the minimalist illustrations of Juli Jásdi are balancing between being direct and being abstract while also demonstrating the grotesqueness hidden in everyday situations [Kocsis 2020].

The most important organizing motive of the novel is an old leather coat which is offered by – not as an option – Lilla’s stepfather instead of buying a new one. However, this piece of clothing becomes such decisive in the girl’s life like that specific overcoat was for Akaky Akakievich, true though, in the beginning here it does not partner with desire, but with the total lack of looking cool. By the time the coat would get accustomed to, however, it disappears, thus setting off the entire chain of events: insignificant, everyday stories which, however, lead to becoming an adult, by the time the coat turns up. “*We really just wanted good for you. For everyone not to laugh at you*” – said the thieves, and with the same statement they explained the title. The latter is heard by the all-time teenager most frequently from the parents, though this time it comes from the fellow students. All this also implies that at least so much can be learned about life from them and from their cruelty. However, in the meantime Lilla is engulfed by “*some peculiar feeling which suddenly very closely connects me to this coat. (...) I am not carrying the bag by its ears, but I am embracing it*” [Lipták 2020, 115–116]. Maybe the resentments eliminate some bonds, but at the same time they might motivate us to establish new ones as well.

The homodiegetic narrator of the work speaks with the honest and bare language of a seventh-grade girl. The phrasing which is built up from simple and short sentences and the not overdone but natural use of slang all contribute to the authenticity of this. The text alignment is not justified which denotes the fluctuation of thoughts as well as it puts on the medial peculiarities of the handwritten notebook while also strengthening the personal nature of the text. Therefore the chapters beginning on new pages are also the markers of new or branching trains of thought, which, however, continue to remain parts of a chronologically forward-moving story-complex. This is verified by the titleless sections as well. With these solutions the work plays around with the traditions of diary novels. Nevertheless the thoughts of the narrator are limited neither by space nor by time. The individual events and the associations evoked by objects enrich the narrative by numerous retrospections.

Thanks to this we not only learn the deepest thoughts about Lilla’s present, but also the leaking experiences from her past tell us a lot about her history. Rambling and getting lost in minor matters is realized in the

same way. Thus the narration models the mode of operation of the (teenage-)mind's thought-organizational strategy. A great solution of the author for helping the reader achieve full empathy is that she only names the protagonist on page 29 of the volume through a dialogue: "*The selection of form brings us into a situation in which the line between the receiver and the story-teller disappears, since we learn about the protagonist's body and her relation to it sooner than her name*" [Parti 2020]. The receiver might regard her experiences up to that point even more as their own, and at this point the relationship between the reader and the protagonist and her situation is so strong, that the reader can continue treating her further experiences as their own as well [Görbe 2021].

The poetic solutions of the narration always adjust to Lilla's mood. If she is excited, if something bothers her, the text suggests it by imitating live speech: "*Now! Now cease my existence, my god, good god!*" [Lipták 2020, 55]. In certain cases it uses the tools of intermediality, for example by evoking the feeling of film by verbalizing camera movement and the act of zooming in, or the feeling of a letter by writing it in italics to a non-existent, fictitious grandmother, but all these are still the peculiar and medially reflected stages of Lilla's (her diary's) flowing thoughts.

The idea of being a teenager can be felt on the linguistic sensitivity and limits of the text, but also in Lilla's intermittent lack of knowledge [Kocsis 2020]. Some words she does not understand (epeda [spring-mattress]), sometimes she reflects on their archaic nature (veranda [porchway]) or peculiarity (buklé [bouclé]), some other times she interprets them or associates them with personal etymologies from her childhood ("nesz" [faint noise] as the root of "wellness"). She is open to humorous wordplay and also to discuss the differences of linguistic forms which evoke each other, for example "nagynéni" (grand-aunt) and the "Nagy néni" (big aunt), or in case of the evergreen aunt Nusi, "*who I initially just called aunt Nuni* (slang word for female vagina) *because she was always wearing such short skirts that all her parts were in view*" [Lipták 2020, 6].

The resolution of the lack of knowledge usually gets realized in parallel with detabooing, but these always get evoked by some concrete life situation. The decoding might be spontaneous, it might be based on deduction, but it might be complemented with a direct explanation as well. A fine example for the latter is when Lilla is inquiring about the sportsman past of her aunt since she had seen a cup in her cabinet, which later turns out to be an urn. "*I slept together with a deceased*" – comes then the recognition in a rhetorical feat. "*(B)ut for some reason it does not upset me that I was in the same room with it. Nusi lives there every day, maybe she does not even think about the fact that there is anything strange to this, and it was not her goal to baffle me. (...) Now I find Nusi even more interesting. She is such a merry person! I do not understand how this story fits in her*" [Lipták 2020, 85]. This train of thought is the imprint of a flexible teenager perspective which is open towards learning about the darker experiences of life, where curiosity defeats aversion [Peer 2020]. We see the opposite of this, however, during a spontaneous family visit when one of Lilla's girlfriends reports that "*My mother got her tube sterilized when I was born. (...) And then she had her boobs done. (...) I will have mine done, too. Since we didn't get interpretable boobs from our ancestors, my mother said that after I become eighteen, we're gonna take care about this. / There were at least three words in this sentence which I've never used before in my life. (...) Their life, which I peeked into, was so alien to me that suddenly I felt that I don't even speak their language*" [Lipták 2020, 97–98; 96]. It can be seen on the previous quotes too, that the novel strives for talking in an unconditionally honest and filterless way about each emerging question, whether or not it is difficult or uncomfortable. Talking about personal matters is something that is represented by the narrator's openness as well as reluctance. "*The most heart-breaking in the work is that it is not aiming to be heart-breaking at all. Lilla talks about her traumas with such ease, as if she had already got used to their presence*" [Kaiser 2021].

Through getting to know countless situations, personalities, frameworks, and human functioning modes (evergreen aunt, old-fashioned and ungenerous stepfather, hypocrite and worldly landlords, Tündi's pleasure-seeking father) the world's diversity is unrevealed in front of Lilla. Not in a rough way, but without taboo, and by offering numerous initiation situations, all the while putting a misshapen looking glass in front of reality, whether it be about the poor-rich bipolarization, sexism, abuse in school, or the distorted body-image expectations of the media – or even of the family. The layeredness of the work completely fulfills the criteria of double-liddedness. It is about adolescence and the adults seen from the eyes of adolescent youngsters and it is written both for the adolescence and for adults [Kiss 2008, 15–18].

Besides social critique the novel's depth psychological layer interwoven with social problems is also quite pronounced [Lovász 2015, 197–198], which primarily manifests itself in the depiction of Lilla's character and her character evaluations, however, problem-sensitivity does not rule over the work's poetic dimension

[Lovász 2017]. Lilla is fundamentally introverted and lacks self-confidence, she wants to meet the expectations of her classmates and parents. However, these characteristics of her do not stand on their own nor are they a given, but they are qualities which evolved through the experiences of the present and the infiltrating memories and which get continually reinforced. Their roots reach for the background of the broken family, poverty, and the defencelessness, the elements of the self-enhancing triad, which were elemental determining factors of Lilla's childhood. Since the girl does not know anything about her grandparents or relatives, we can rightly assume that her mother grew up in state care [Zólya 2020b]. Partially independently of this, the key role in the evolution of Lilla's personality was played by two experiences: communication at home and emotional connection. "*Mom loves me, I love her, but actually we don't have any other choice. We're not like some gals in class with their moms. We're not »girlfriends«. I never tell her my secrets, not even my weird thoughts. When I was little, the apartment was quiet so many times that I always had to figure out something, in my head, to break the screaming silence there. For example, I was wondering what we would say to each other if we were not silent. Maybe Mom was doing the same*" [Lipták 2020, 22]. The lack of communication, not talking things over, staying silent are also there as barriers later when Lilla is trying to build relationships, and they further increase her anxieties. Albeit the cause of this is exactly the fact that due to her tough past, the mother also had not learned how these elements of communication work. The last sentence of the quote also refers to this. According to the memories of the girl, the endless silences were only broken when the mother was reading tales, and during these acts even her voice became very different. In the novel the nostalgic memories of these occasions lead her to literature and declamation, that is, to the unfolding of her talent. However, as self-reflection, it also refers to the therapeutic function of tales and literature, which is true for Lipták's work as well.

The work raises multiple existential philosophical questions, for example regarding passing or existential uncertainty, however, the most often returning sensation is that of being invisible. For example when Tündi's parents ignore her presence, or they do not pay attention to what she is saying even at home. All these events end up in philosophical arguments during which the protagonist questions even her own existence. But "*Lilla gets used to this and she finds it comfortable for a while, since as long as they are not aware of her, they ignore her. This stops when she becomes able to stand up for herself in front of others, when she can express her thoughts, opinions, desires and doubts without spicing them with fine irony or humor*" [Zólya 2020b]. Her gradually increasing critical horizon helps her in achieving this, and as a result she starts to better perceive the narrow-mindedness, faults, and weaknesses of others.

A significant experience of the work is the bipolarity of poverty and wealth. In Lilla's memories this is joined by moving multiple times and the defenselessness she is subjected to by the previous landlords and later by the mean stepfather [Parti 2020]. The latter is the reason for why they are buying the cheapest milk, but also he was the one who kept the mother's empty coffin in the attic – since it might be useful in the future – after she was buried in another one. In a self-reflecting way Lilla's humble background is also represented by the fact that in connection to most of her friends she talks about their good financial situation, however, with this she also reports on the deficiencies of her own surroundings. Admitting poverty is taboo, though. It is causing a big dilemma whether Lilla can accept a secretly offered coat from one of her "well off" teachers. These and similar situations motivate the reader, too, to continually provide answers.

Money gets interpreted as a significant "hinterland" also when one classmate's family gives a couch, which they discarded from home, as a present to the class. "*When her father leaves, he lays across the couch and he puts his shoes on it, too. I feel like this piece of furniture is never going to be owned by the class. Kinga subjugates us and in light of this now she seizes a big part of the room*" [Lipták 2020, 34–35]. She conquered Lilla's previous seat as well as girlfriend in the same way, and Lilla could not do anything about it since she was faced with unchangeable facts. Through all this we get an insight into the economical dimension which organizes the hierarchy of teenagers, and which also reflects the society of adults. Money indirectly becomes the basis of being cool. They are the ones who the "lower strata" is trying to please, creating another defenselessness horizon for themselves. Lilla does the same and in the meantime she neglects those who are less cool and are on the same level as her, or maybe even lower. Therefore the challenges of finding one's place are multi-dimensional. One of the most important momentum and lesson of the novel is the recognition of these processes and the phrasing of the reflections relating to them through pushing them into enough distance. And also by realizing how easily can a certain position and its "hinterland" foundation shake due to a very ordinary change of life-situation, for example due to divorce. "*As I look over there and I see the kind of practices she is deploying in order for us to notice that shitty phone, suddenly it seems so lame that I almost pity her. The pathetic nature of this behavior rises to view and it fills me with satisfaction that I can recognize it, and the unsettling envy changes into this other feeling: satisfaction*" [Lipták 2020, 118–119]. These are the motivating

motives of true maturity. Although Lilla's life does not become ideal by the end of the story, and she also does not always make the best decisions, it becomes clear that she walks with open eyes, she manages, and no matter how her family is like, they are always there next to her, and besides the hardships, she has some happy moments too [Peer 2020]. It is just that one should pay a bit more attention to them and value them more. But then Lilla has already learned how to do this – and together with her maybe we did too.

Summary

The form variants of speculative fiction (in our case Huszti's sacred superhero novel and Rojik's climate fiction) provide the already traditionally pronounced tendency of the post-millennial young adult literature, however, in 2020 the diary-like, confession-saturated updated girl novel became even more emphasized. These homodiegetic narratives working with diverse time techniques greatly bear the effects of visual culture and have an intermedial nature at numerous places of the text. Balássy imitates the camera movements of romantic comedies, Janikovszky's diary is distilled by the various legacy materials, Lipták's teenager consciousness-modeling and simple confessions are enriched by minimalist figures, and Rojik also opens a window through literature to the creation of comic books. A common experience of the works is that the knowledge and references of their narrators are not based anymore on classical (literary), but on popular (film, gamer) culture, which they reflect upon as well.

Although on different front lines, but each work aims at detabooing, whether it is about being a girl or about the challenges of everyday hardship. The works like the questions of existential philosophy, but they do not wish to provide ready answers – they leave them for the reader. These answers might greatly contribute to finding faith or our place in the world and to overcome our invisibility and uncertainty. The analyzed novels do not really have cloudless endings, hence they are life-like and also point out that even though there are always new challenges ahead, with persistence, self-irony, and by highlighting the little joys of everyday life we have a good chance for getting along in life. The arts also function as excellent clinging ropes, they rise in the narratives to be the tools of self-actualization and therapy.

The most important common feature of Hungarian young adult literature of 2020 is the self-reflective nature of the language use of their protagonists. However, this not only refers to their characters, but it reflects on the peculiarities of their world as well. Convincing examples and the most pronounced poetic features of the volumes are the archaic, vulgar and gamer language of Huszti's characters, the broken speech of Rojik's protagonist, Éva's early silliness and her later becoming somber with the escalation of war, Balássy's and Lipták's teenage language saturated with exaggeration and honesty as well as simplicity respectively. Therefore, besides these works being dynamic and rich in plot, dealing with heavy social (poverty, climate change, polarization, manipulation) and personal challenges (compulsive compliance, abuse, lack of communication, broken family background, distorting effect of media), and working with shaded characters, they are high standard works from a language-aesthetic perspective as well. Their authors did not only write exciting stories for the youth, they wrote literature.

REFERENCES

- Balássy F.** *Hol is kezdjem* [Where do I start]. Budapest: Tilos az Á Könyvek, 2020. 192 p. In Hungarian.
- Bárdos J.** A gyermekirodalom fogalma [The notion of children's literature]. In: Bárdos József, Galuska László Pál (eds.): *Fejezetek a gyermekirodalomból*. Budapest: Nemzedékek Tudása Tankönyvkiadó, 2013, pp. 11–22. In Hungarian.
- Bárdos J.** A lányregény [The girl novel]. In: Bárdos József, Galuska László Pál (eds.): *Fejezetek a gyermekirodalomból*. Budapest: Nemzedékek Tudása Tankönyvkiadó, 2013, pp. 182–186. In Hungarian.
- Böszörményi Gy.** *Belekukkantani egy leánykor titkaiba – Janikovszky Éva naplójáról* [A peek into the secrets of the girl era – about the diary of Éva Janikovszky]. Librarius, 2021. URL: <https://librarius.hu/2021/01/04/belkukkantani-egy-leanykor-titkaiba-janikovszky-eva-naplojarol/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Dési J.** Az úgy volt... [What happened was...]. In: Janikovszky Éva: *Naplóm 1938–1944*. Budapest: Móra Könyvkiadó, 2021, pp. 191–194. In Hungarian.
- Görbe H.** *Segítség, felnőttem!* [Help, I have grown up!]. Alföld online, 2021. URL: <http://alfoldonline.hu/2021/03/segitseg-felnottem/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Hegedűs O.** *A mágia szövédéke. Bevezetés a magyar fantasy olvasásába I.* [The web of magic. Introduction to the reading of Hungarian fantasy I.]. Dunaszerdahely, Lilium Aurum, 2012. 176 p. In Hungarian.
- Hubby Év Gyerekkönyve Díj 2021 – shortlistek** [Children's book of the year award 2021 – shortlists]. In: *Hubby*, 2021a. URL: <http://hubbyinfo.blogspot.com/2021/05/ev-gyerekkonyve-dij-2021-shortlistek.html> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

- Hubby** *Év Gyerekkönyve Díjak – 2021* [Children's book of the year awards – 2021]. Hubby, 2021b. URL: <http://hubbyinfo.blogspot.com/2021/06/ev-gyerekkonyve-dijak-2021.html> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Husztí G.** *Mesteralvók hajnala* [Master sleeper's dawn]. Budapest: Ciceró, 2019. 336 p. In Hungarian.
- Husztí G.** *Mesteralvók viadala* [Master sleeper's encounter]. Budapest: Ciceró, 2020. 296 p. In Hungarian.
- Janikovszky É.** *Naplóm 1938–1944* [My diary 1938–1944]. Budapest: Móra Könyvkiadó, 2021. 208 p. In Hungarian.
- Johns-Putra A.** Climate change in literature and literary studies: From cli-fi, climate change theater and ecopoetry to ecocriticism and climate change criticism. *Wiley Interdisciplinary Reviews Climate Change* 2. 2016, pp. 266–282. In English.
- Kaiser Zs.** *Nemlétezés-érzés* [Non-existence feeling]. Kreatívek, 2021. URL: <https://kreativkek.blog.hu/2021/04/05/nemletezes-erzes> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Karafiáth O.** *Balássy Fanni: Hol is kezdjem* [Fanni Balássy: Where do I start]. Magyar Narancs, 2020. URL: <https://magyarnarancs.hu/konyv/balassy-fanni-hol-is-kezdjem-134869> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Kemény Zs.** *Hol is kezdjem* [Where do I start]. Alföld online, 2020. URL: <http://alfoldonline.hu/2020/11/hol-is-kezdjem/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Keresztesi J.** Janikovszky-jegyzetek [The Janikovszky notes]. In: *Élet és Irodalom* 31. 2011, pp. 13. In Hungarian.
- Kiss J.** *Bevezetés a gyermekirodalomba* [Introduction to children's literature]. Kolozsvár: Ábel Kiadó, 2008. 92 p. In Hungarian.
- Kocsis K.** *Csak neked akartunk jót* [We just wanted good for you]. Kultúra.hu, 2020. URL: <https://kultura.hu/csak-neked-akartunk-jot/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Komáromi G.** Mesék, meseregények, gyerektörténetek [Tales, tale novels, children's stories]. In: Komáromi Gabriella (eds.): *Gyermekirodalom* [Children' literature]. Budapest: Helikon, 1999, pp. 207–231. In Hungarian.
- Kovács G.** „Kezdem ott, hogy egy regényben azt olvastam egyszer...” [“I start by saying that once I have read in a novel that...”]. Mesecentrum, 2020. URL: <https://igyic.hu/mesecentrum-kritikak/kezdem-ott-hogy-egy-regenyben-azt-olvastam-egyszer.html> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Kovács G.** *Két kétségbejítő jövőkép* [Two Desperate Visions]. Mesecentrum, 2020. URL: <https://igyic.hu/mesecentrum-kritikak/ket-ketsegbejito-jovokep.html> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- László L.** *Időcsavar* [Time-twist]. Prae online, 2021. URL: <https://www.prae.hu/article/11919-idocsavar/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Lipták I.** *Csak neked akartunk jót* [We just wanted good for you]. Budapest, Csimota, 2020. 132 p. In Hungarian.
- Lovász A.** Amiről nem lehet beszélni, arról is beszélni kell. Avagy képmutató-e a kortárs ifjúsági irodalom [What cannot be talked about must be talked about. AKA is contemporary young adult literature hypocritical]. In: Hansági Ágnes – Hermann Zoltán – Mészáros Márton – Szekeres Nikoletta (eds.): *Mesebeszéd. A gyerek- és ifjúsági irodalom kézikönyve*. Budapest: FISZ, 2017, pp. 251–262. In Hungarian.
- Lovász A.** *Felnőtt gyerekirodalom. Tanulmányok, kritikák és majdnem lexikon* [Adult children's literature. Studies, reviews and an almost lexicon]. Budapest: Cerkabella, 2015. 224 p. In Hungarian.
- McLuhan M.** *Understanding Media. The Extensions of Man*, Cambridge – London: MIT Press, 1999 [1964]. 389 p. In English.
- Mendlesohn F.** *Rhetorycs of Fantasy*. Middletown: Wesleyan University Press, 2008. 336 p. In English.
- Mészáros M.** Young adultként olvasni. A Holtverseny példája [Reading as a young adult. The example of Dead heat]. In: Hansági Ágnes, Hermann Zoltán, Mészáros Márton, Szekeres Nikoletta (eds.): *Mesebeszéd. A gyerek- és ifjúsági irodalom kézikönyve*. Budapest, FISZ, 2017, pp. 289–305. In Hungarian.
- Pagony** *Nem tudtam szabadulni attól a képtől, hogy megnyitom a csapot, és nem jön belőle semmi. Interjú Rojik Tamással* [I could not get rid of the image of me opening the tap and nothing coming out of it. An interview with Tamás Rojik]. Százhold, 2020. URL: <https://www.pagony.hu/cikkek/rojik-tamas-szarazsag-interju-klimakatasztrufa-ivoviz-climate-fiction> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Parti J.** *Kabátgondok* [Coat troubles]. Mesecentrum, 2020. URL: <https://igyic.hu/konyvajanlok/kabatgondok.html> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Peer K.** *Dehogy akartatok ti jót! Kamaszlélektan szépirodalmi köntösben* [You were far from wanting good for me! Youngster psychology in a literary gown]. Prae online, 2020. URL: <https://www.prae.hu/article/11614-dehogy-akartatok-ti-jot/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.
- Petres Csizmadia G.** *Fejezetek a gyermek- és ifjúsági irodalomból* [Chapters from children's and young adult literature]. Nyitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem Közép-európai Tanulmányok Kara, 2015. 256 p. In Hungarian.
- Polgár A.** *Korzózás, zsúrok és egy félkarú vőlegény* [Promenade walks, parties and a one-armed groom]. Új Szó, 2021. URL: <https://ujso.com/kultura/korzozas-zsurok-es-egy-felkaru-volegeny> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Rajewsky I. O. Border Talks: The Problematic Status of Media Borders in the Current Debate about Intermediality. In: Elleström Lars (eds.): *Media Borders, Multimodality and Intermediality*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 51–68. In English.

Rojik T. *Szárazság* [Drought]. Budapest: Tilos az Á Könyvek, 2020. 272 p. In Hungarian.

Steinmacher K. N. *Akiket szentnek mondanak* [Who are said to be saints]. Dunszt, 2019. URL: <https://dunszt.sk/2019/10/02/akiket-szentnek-mondanak/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Szekeres N. *Rém érdekes élet* [Awfully interesting life]. Magyar Narancs, 2020. URL: <https://magyarnarancs.hu/sorkoz/rem-erdekes-élet-134838> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Uzseka N. *Husztai Gergely: Mesteralvók hajnala* [Gergely Huszti: Master sleeper's dawn]. Ekultura, 2019. URL: <http://ekultura.hu/2019/07/31/husztai-gergely-mesteralvok-hajnala> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Vass E. *Mágia kis dózisokban. Interjú Husztai Gergely íróval* [Magic in small doses. An interview with author Gergely Huszti]. Kulter, 2019. URL: <https://www.kulter.hu/2019/06/magia-kis-dozisokban/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Vojnics-Rogics R. *Mozaikok egy kilencedikes lány naplójából* [Mosaics from a diary of a ninth-grader girl]. *Bárka* 2. 2021, pp. 114–115. In Hungarian.

Wolfe G. K. *Critical Terms for Science Fiction and Fantasy. A Glossary and Guide to Scholarship*. New York: Greenwood Press, 1982. 198 p. In English.

Zólya A. Cs. *(Örök)zöld gyerekkönyvek (I.)* [(Ever)green children's books (I.)]. Dunszt, 2020a. URL: <https://dunszt.sk/2020/08/24/orokzold-gyerekkonyvek/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Zólya A. Cs. *(Örök)zöld gyerekkönyvek (II.)* [(Ever)green children's books (II.)]. Dunszt, 2021a. URL: <https://dunszt.sk/2021/01/08/orokzold-gyerekkonyvek-2/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Zólya A. Cs. *A békés egymás mellett élés farkastörvényén innen és túl* [Within and beyond the pack rule of living peacefully next to each other]. Dunszt, 2021b. URL: <https://dunszt.sk/2021/07/31/a-bekes-egymas-mellett-eles-farkastorvenyen-innen-es-tul/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

Zólya A. Cs. *Mégiscsak létezem...* [I exist after all]. Dunszt, 2020b. URL: <https://dunszt.sk/2020/09/21/megiscsak-letezem/> (accessed February 3, 2022). In Hungarian.

* During the writing of the study, all three authors received the Young Teaching Fellowship (Fiatal oktatói ösztöndíj, 2022–2023) supported by the Tempus Public Foundation. In addition to this, L. Patrik Baka was also a grantee of the International Visegrad Fund. No. 52310166.

Received 08.02.2023

Baka L. Patrik

PhD in Literature, Senior lecturer

Department of Hungarian Language and Literature J. Selye University

3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501, Slovakia

E-mail: bakap@ujs.sk

Istók Béla

PhD in Linguistics, Senior lecturer

Department of Hungarian Language and Literature J. Selye University

3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501, Slovakia

E-mail: istokv@ujs.sk

Lőrincz Gábor

PhD in Linguistics, Senior lecturer

Department of Hungarian Language and Literature J. Selye University

3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501, Slovakia

E-mail: lorinczg@ujs.sk

Патрик Бака Л., Бела Ишток, Габор Леринц

ТЕНДЕНЦИИ В ВЕНГЕРСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В 2020 ГОДУ

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-520-530

Настоящая статья посвящена венгерской молодежной литературе и определяющим ее произведениям, написанным в 2020 году. Нами изучаются литературные труды, авторы которых были претендентами на премию «Писатель молодежной литературы года» или получили эту премию: роман «Поединок магистров сна» Гергея Хусти, роман «Засуха» Тамаша Ройика, роман «С чего же мне начать» Фанни Балашши, произведение «Мой дневник 1938–1944 гг.» Евы Яниковски, роман «Мы только хотели добра тебе» Илдико Липтак. В рамках анализируемых нами корпусов произведений проявляются две характерные жанровые тенденции: спекулятивная беллетристика и актуализированный роман для девушек. Эти нарративы, использующие разнообразные способы изображения времени, носят в себе влияние визуальной культуры; местами тексты имеют интермедийный характер. В результате анализа произведений мы приходим к общему выводу о том, что знание и сопоставления авторов (нарраторов) основываются уже не на классической (литературной), а на популярной (фильмовой, game) культуре, что они (нарраторы) и делают предметом рефлексии. Общим романо-поэтическим характером произведений является саморефлексивный характер употребления языка главных героев, что отражает не только их собственный характер, но и характеристику их мира.

Ключевые слова: венгерская молодежная литература 2020, современный роман для девушек, спекулятивная фантастика, интермедийность, саморефлексивная поэтика романа

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 520–530. In English.

Поступила в редакцию 08.02.2023

Бака Л. Патрик

доктор философии (PhD), языковедение
старший преподаватель, кафедра венгерского языка и литературы
Университет им. Яноша Шейе
94501, Словакия, г. Комарно, Братиславска цеста, 3322
E-mail: bakap@uj.s.sk

Ишток Бела

доктор философии (PhD), языковедение
старший преподаватель, кафедра венгерского языка и литературы
Университет им. Яноша Шейе
94501, Словакия, г. Комарно, Братиславска цеста, 3322
E-mail: istokv@uj.s.sk

Леринц Габор

доктор философии (PhD), языковедение
старший преподаватель, кафедра венгерского языка и литературы
Университет им. Яноша Шейе
94501, Словакия, г. Комарно, Братиславска цеста, 3322
e-mail: lorinczg@uj.s.sk

История, археология, этнография

УДК 811.511.131'373.235(091)+811.511.111(092)(045)

А. Е. Загребин

КАЗУС С НАЗВАНИЕМ...: ОБ ОДНОМ ЭТНОНИМИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ В ИСТОРИИ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена одному нетривиальному эпизоду в истории финно-угроведения, когда в газете «Русский инвалид» была опубликована статья о научной работе финского филолога и этнографа А. Альквиста (1826–1889) среди води в Санкт-Петербургской губернии, в результате редакторской ошибки, ставшей «вотьяками». Созвучие этнонима «водь» и устаревшего экзоэтнонима удмуртов ввело в заблуждение редакцию газеты и её читателей, войдя в историю науки не только как курьёзный случай, но и как начальный опыт популяризации финно-угорских исследований.

Ключевые слова: А. Альквист, газета «Русский инвалид», этнонимия, водь, водский язык, вотьяки.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-531-535

Осенью 1856 г. в популярной Санкт-Петербургской газете «Русский инвалид», в разделе «Фельетон», вышла статья под названием «О языке вотьяков» [M. f. d. L. d. A. 1856, 1]. Публикация текста филологического содержания в официальном печатном органе «Комитета 18 августа 1814 года», занимавшемся попечением о раненых воинах, сама по себе может вызывать догадки о мотивации редакции, поместившей его непосредственно под Высочайшими приказами по военному ведомству. Но, не менее интересен вопрос об авторстве и самом предмете статьи (Рис. 1.).

Автор, скрытый под аббревиатурой *M. f. d. L. d. A.*, уже в первом абзаце статьи чётко, как-то по-военному, расставляет смысловые акценты в отведенных ему немногочисленных строках газетного подвала. Есть Финляндия, делающая последние два десятилетия мощные шаги в развитии финского языка и литературы «... и любви ко всему родному», что «...мало по малу изгоняет шведский и немецкий элементы», и есть между финнами молодой человек «...сильный духом и телом», что посредством обширных философских и филологических познаний проникает «...в свойства финских наречий». Далее представлена его эволюция от провинциального юноши из Саволакса и «...простонародного писателя, действующего под вымышленным именем Оксанен», до переводчика живого финляндского классика – шведоязычного поэта Й. Л. Рунеберга и критика немецкого перевода эпоса «Калевала» академического адъюнкта А. А. Шифнера [M. f. d. L. d. A. 1856, 1]. Имя молодому таланту – Август Альквист.

Примечательно, что в зачине статьи и редактор, и цензор пропустили явные ошибки. В том месте, где в перечне заслуг А. Альквиста говорится о предмете настоящей газетной публикации, упоминается «Финляндская Академия Наук», издавшая его «Грамматику Вотского Языка» [Ahlfqvist 1856]. Если в отношении «вотского» в действительности «водского» языка ещё можно сослаться на неустоявшуюся традицию транскрибирования, то в части статуса Финского Научного Общества как академического учреждения, имело место преувеличение. Либо, возможно предположить, что статья изначально была написана на каком-то ином языке, а после переведена на русский автором и / или подправлена сотрудниками газеты, глубоко не вдававшимися в её содержание. Не будем излишне строги к военной газете, страницы которой не успели остыть от корреспонденций с театров окончившейся полгода назад Крымской войны (1853–1856 гг.). Продуктивнее будет обратить внимание на главного героя статьи, его грамматический труд и закрашивающую в статью более существенную неточность, нежели вышеотмеченные допущения редакции «Русского инвалида».

Август (в крещении Карл Август Энгельбрехт) Альквист родился 7 августа 1826 г. в историческом центре области Саволакс г. Куопио. Драма рождения А. Альквиста была в том, что его родителями являлись выпускник Финляндского кадетского корпуса И. М. Норденстам и служанка М. А. Альквист (урожденная Киннунен). Генерал Норденстам вернулся в родные места, когда юный Альквист достиг совершеннолетия. Они встретились в Гельсингфорсе в Императорском Александровском университете, где отец – ветеран Кавказской войны и нюландский губернатор – будет вице-

канцлером, а его сын – студентом и поэтом [Korhonen 1986, 79]. Будучи преемником финноманских идей И. В. Снеллмана, Аьльквист рано начал хождения в народ, собирая языковой и этнографический материал среди разных групп финнов, а затем расширил исследовательский ареал, работая с водью, карелами, вепсами, эстонцами, мордвой, чувашами и обскими уграми [Schifer 1988/1989, 292–293]. Не меньшую активность он проявил, а затем и снискал признание как журналист, выступающий с «профинских позиций».

Летом 1854 г. и зимой 1855 гг., А. Аьльквист был у воды, Ямбургского уезда, три месяца работая в приходе Каттила (русск. с. Котлы), пользуясь гостеприимством местного лютеранского пастора [Haltsonen 1961, 62–63, 65–68]. Самым полезным его собеседником и источником информации была пожилая рунопевица, вошедшая в историографию как Анна Ивановна, к которой ранее приезжали собиратель рун Калевалы Э. Лённрот и пионер венгерской уралистики А. Регули [Haltsonen 1958, 270]. Первые итоги полевым записям, сделанным на западе Ингерманландии, Аьльквист подвёл в грамматике водского языка, ставшей начальным опытом научного описания языка немногочисленного финноязычного народа – воды, волею редакции «Русского инвалида» превратившегося в «вотьяков».

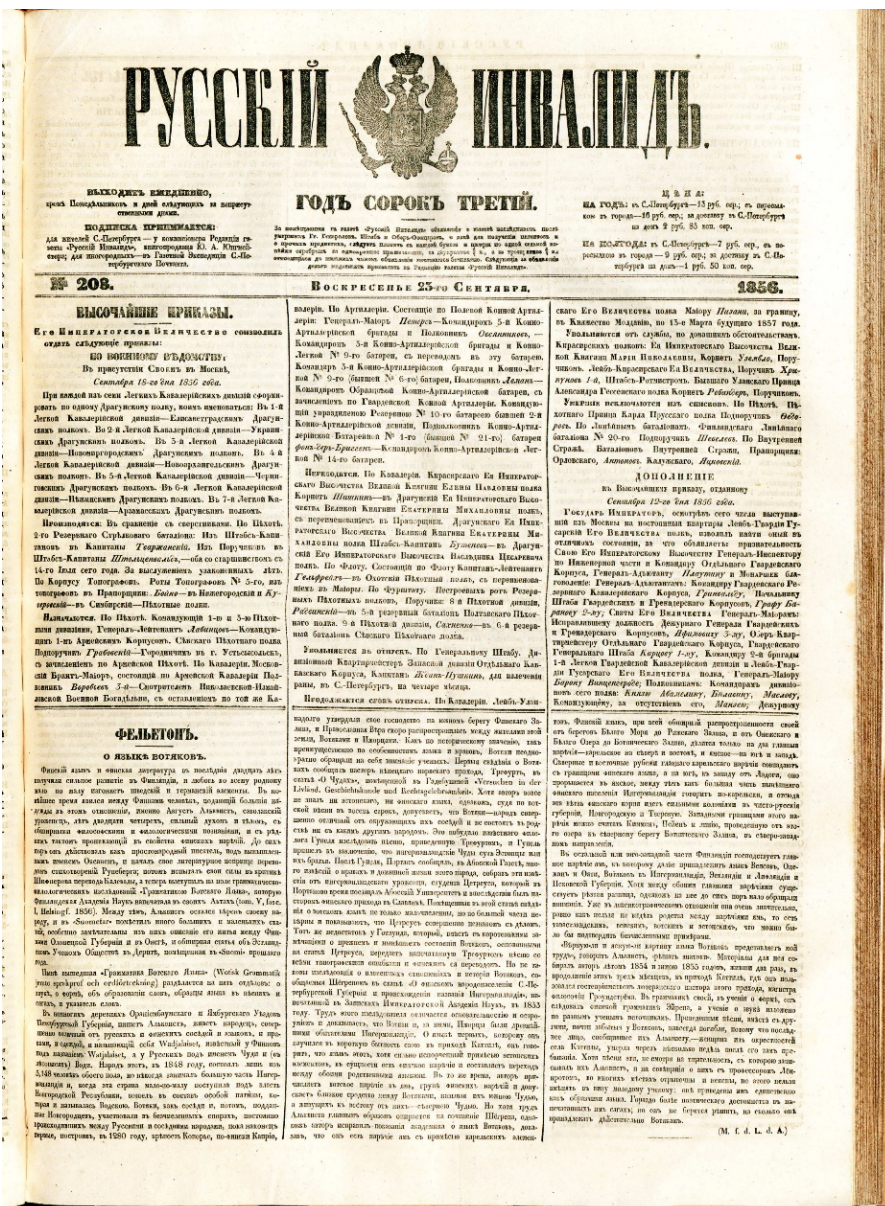

Рис. 1. Страница в газете «Русский инвалид»

Вотяками в имперский период официально именовали удмуртов, языковое родство которых с водью на тот момент было научно доказано, равно как факт формирования обоих народов в разных этнолингвистических ареалах – пермском и прибалтийско-финском, соответственно. Не смутило редакцию газеты и то, что водь расселялась в пределах Санкт-Петербургской губернии, а вотяки (т. е. удмурты) жили преимущественно в Вятской. Очевидно, победило созвучие этнонимов. На протяжении всего текста статьи встречаются связки: «вотский язык» и «вотяки», как его носители. Примечательно, что в ловушку этого созвучия попал не только «Русский инвалид», но и куда как более маститый в вопросах этнической географии В. Н. Татищев, в 1744 г. писавший, что: «*Вотяки народ сарматской, идолопоклонники, живут в провинции Вятской, сами себя зовут ари, а землю или страну жития их – арима. Они сказывают по преданию предков их, что жили издавна в одной земле, которая разумеется или около Белого моря, или около Ладоги, что тамо их вотами именовали. Финны свою землю зовут сувомы или водная страна*» [Татищев 1950, 176]. Эту версию можно было бы рассматривать как одну из (не)вероятных этногенетических историй, если бы этноним «вотяки» не являлся экзотнонимом. Современник Татищева, историк Г. Ф. Миллер в ходе поездки в Казанскую губернию зафиксировал, что местные вотяки называют себя «уд-мурт» [Миллер 1791, 31–32]. Относительно этногенеза удмуртов на европейском Севере не высказывались, писавшие на эти темы прежде Ф. И. Страленберг и Д. Г. Мессершмидт. Из более поздних авторов В. Н. Татищева отчасти поддержал лишь казанский антрополог Д. Н. Островский, писавший, что: «...*весьма желательно, чтобы кто-либо взял на себя труд собрать сведения о быте и языке, которым говорят теперь потомки Воты, обитающей в Нарвском уезде; такие сведения имели бы серьёзный научный интерес, потому что отсутствие их устраняет всякую возможность определить, существовала-ли некогда между Вотяками западными и восточными какая-либо связь...*» [Островский 1873, 6]. Очевидно, что с работами А. Альквиста и его коллег он был незнаком.

В сентябре 1856 г., когда была опубликована статья с этнонимическим казусом в «Русском инвалиде», А. Альквист находился в поездке к народам Среднего Поволжья, вблизи удмуртского этнического ареала, но так и не добравшись до реальных «вотьяков» [Загребин 2020, 117–119]. Более, чем через двадцать лет исследовать язык и мифологию удмуртов придет его ученик Т. Г. Аминофф, но это будет его история [Загребин 1999, 37–40]. А. Альквист к тому времени станет профессором финского языка и литературы Императорского Александровского университета и членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук, известным исследователем финно-угроведом и одним из создателей современного финского языка.

Предыстория появления публикации об А. Альквисте и его первой большой научной работе могла иметь сентиментальный оттенок. И. И. Норденстам, в то время начальник штаба российских войск в Великом княжестве Финляндском, достойно проявив себя в недавней войне и пользуясь полным доверием императора, наверняка хотел помочь обделённому отцовским вниманием сыну. Страницы самой читаемой ежедневной газеты в империи подходили для этого как нельзя лучше. Отказать в просьбе генералу и кавалеру многих орденов, редакции было бы очень непросто. Но это лишь предположение, как и то, что автором статьи, под аббревиатурой *M. f. d. L. d. A.*, мог быть сам А. Альквист.

ЛИТЕРАТУРА

- Загребин А. Е. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов (XIX – пер. пол. XX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 185 с.
- Загребин А. Е. Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 114–123.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб: Имп. Академия наук, 1791. – 99 с.
- Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. 4. № 1. Казань: Литотип. К. А. Тилли, 1873. – 48 с.
- Татищев В. Н. Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. – 248 с.
- M. f. d. L. d. A.* О языке вотяков // Русский инвалид. 1856. 23 сентября. № 208. С. 1.
- Ahlfqvist A.* Votisk Grammatik jemte Språkprofoch Ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. T. V. Helsingfors, 1856. – 162 s.

Schifer E. F. In memoriam August Engelbert Ahlqvist 1826–1889 // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 1988/1989. Vol. 12/13. S. 291–301.

Haltsonen S. Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből // *Nyelvtudományi közlemények*. 1958. Vol. 60. Ol. 269–274.

Haltsonen S. August Ahlqvistin Vatjan ja Viron matkat v. 1854–1855 // *Virittäjä*. 1961. Vol. 65. S. 62–72.

Korhonen M. *Finno-Ugrian language studies in Finland 1828–1918*. Helsinki, 1986.

Поступила в редакцию 17.11.2023

Загребин Алексей Егорович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12/1

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26

E-mail: zagreb72@izh.com

A. E. Zagrebin

**AN INCIDENT WITH THE NAME...: ABOUT ONE ETHNONYMIC
CONSONANCE IN THE HISTORY OF FINNO-UGRIC STUDIES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-531-535

The article is devoted to one non-trivial episode in the history of Finno-Ugric studies, when the newspaper “Russian Invalid” published an article about the scientific work of the Finnish philologist and ethnographer A. Ahlqvist (1826–1889) among the vod’ people of the St. Petersburg province, as a result of an editorial error that became “votyaks”. The consonance of the ethnonym “vod’” and the outdated exoethnonym of the Udmurts misled the editorial board of the newspaper and its readers, entering the history of science not only as a curious case, but also as the initial experience of popularizing Finno-Ugric studies.

Keywords: A. Ahlqvist, newspaper “Russian Invalid”, ethnonyms, Vod’, Vod’ language, Votyaks.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 531–535. In Russian.

REFERENCES

Zagrebin A. E. *Finny ob udmurtakh. Finskie issledovateli etnografii udmurtov (XIX – per. pol. XX v.)* [Finns about Udmurts. Finnish researchers of Udmurt ethnography (19th – first half of the 20th century)]. Izhevsk: UIJaL UrO RAN [Izhevsk, UIHLL UBr of the RAS], 1999. 185 p. In Russian.

Zagrebin A. E. Avgust Alkvist: trudnosti etnolingvističeskogo perekhoda [August Ahlqvist: difficulties of ethno-linguistic transition]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai studies]. 2020. № 2 (37). P. 114–123. In Russian.

Miller G. F. *Opisanie zhivushikh v Kazanskoj gubernii jazыcheskikh narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov...* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks...]. SPb: Imp. Akademija nauk [Sankt-Petersburg, Imperial Academy of the Science], 1791. 99 p. In Russian.

Ostrovskii D. *Votjaki Kazanskoj gubernii* [Votyaks of Kazan province]. *Trudy Obshestva estestvoispytatelei pri Kazanskom Imperatorskom universitete* [Proceedings of the Society of Natural Scientists at Kazan Imperial University]. T. IV. № 1. Kazan’: Litotip. K. A. Tilli [Kazan, K. A. Tilli Publ.], 1873. 48 p. In Russian.

Tatishev V. N. *Izbrannye trudy po geografii Rossii* [Selected works on the geography of Russia]. M.: Gos. izd-vo geograficheskoi literatury [Moscow, State Publishing House of Geographical Literature], 1950. 248 p. In Russian.
M. f. d. L. d. A. O jazyke votjakov [About Votjaks language]. *Russkii invalid* [Russian Invalid]. 1856. 23 sentjabrja [September 23]. № 208. P. 1. In Russian.

Ahlqvist A. *Votisk Grammatik jemte Språkprof och Ordförteckning* [Votian Grammar with language profile and glossary]. *Acta Societatis Scientiarum Fennicae* [Journal of the Finnish Society of Sciences]. T. V. Helsingfors, 1856. 162 p. In Swedish

Schifer E. F. In memoriam August Engelbert Ahlqvist 1826–1889. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* [Finno-Ugric Communications]. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 291–301. In German.

Haltsonen S. Reguli Antal vót gyűjtése 1841-ből [Votian collection of Reguli Antal from 1841]. *Nyelvtudományi közlemények* [Publications in linguistics]. 1958. Vol. 60. P. 269–274. In Hungarian.

Haltsonen S. August Ahlqvistin Vatjan ja Viron matkat v. 1854–1855 [August Ahlqvist's trips to Votians and Estonia 1854–1855]. *Virittäjä* [In: Tuner]. 1961. Vol. 65. P. 62–72. In Finnish.

Korhonen M. *Finno-Ugrian language studies in Finland 1828–1918*. Helsinki, 1986. In English.

Received 17.11.2023

Zagrebin Aleksei Egorovich

Doctor in History, Chief Research Associate
Institute of Oriental Studies of the RAS
12/1, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia
Institute of Language, Literature and History
FRC Komi Science Centre Ural branch of the RAS
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia
E-mail: zagreb72@izh.com

И. В. Зыкин

**ФИНЛЯНДСКИЙ ИНЖЕНЕР К. К. БЕРГСТРЕМ И ЕГО ПРОЕКТЫ
В ОБЛАСТИ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Конец XIX – начало XX вв. в Российской империи был отмечен активным развитием лесной промышленности. Один из крупных лесопромышленных проектов был реализован в Верхотурском уезде Пермской губернии – в Николае-Павдинском горном округе, где имелись значительные запасы древесины. Их освоение стало возможным благодаря строительству железных дорог. Созданное в 1912 г. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа стало развивать на Северном Урале, помимо лесопиления, целлюлозно-бумажное производство. Для реализации этого проекта – бумажной фабрики у станции Ляля – был приглашен инженер из Финляндии К. К. Бергстрем, исследование производственной и научной деятельности которого предпринято впервые. В условиях начавшейся Первой мировой войны и утраты предприятий в западных районах страны стали актуальными модернизация и расширение целлюлозно-бумажного производства. К. К. Бергстрем продвигал проекты организации изготовления газетной и масляной бумаги, канифоли, целлюлозы. В деятельности финляндского инженера проявилось стремление создать на Северном Урале лесопромышленный комплекс, где глубокая переработка древесины играла бы решающую роль. К. К. Бергстрем, показав хорошее знание российских и мировых тенденций целлюлозно-бумажной отрасли, смог настоять на реализации своих проектов в разгар Первой мировой войны и постепенного ухудшения социально-экономической обстановки в стране. Огромное значение имела научная деятельность инженера, результатом которой стало изобретение нового способа клейки бумаги. Осенью 1917 г. в связи с резким изменением политической ситуации в Российской империи К. К. Бергстрем уехал в Финляндию. Сделан вывод о том, что за несколько лет работы в Николае-Павдинском горном округе Бергстрем проявил себя как опытный организатор целлюлозно-бумажного производства и ученый. Обращение российских деловых кругов к финляндским специалистам можно рассматривать в качестве факта лидерства Финляндии в мировой лесной промышленности.

Ключевые слова: Северный Урал, Николае-Павдинский горный округ, целлюлозно-бумажная промышленность, Первая мировая война, Бергстрем, клейка бумаги.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-536-545

Введение

В конце XIX – начале XX вв. в Уральском регионе, где древесина с XVIII в. использовалась в качестве топлива для большого числа металлургических заводов, началось строительство лесопильно-деревообрабатывающих и бумажных предприятий. Основными причинами этого стали железно-дорожное строительство, рост потребностей в лесных ресурсах и материалах в Поволжье, Средней Азии, Западной Сибири. В начале XX в. на слабо освоенной территории Николае-Павдинского горного округа (в бассейне р. Ляли и Лобвы), выделившегося в посессионный округ в 1861 г., появились первые лесопильные предприятия.

Крупнейшим проектом не только на Урале, но и в восточной части Российской империи стало строительство бумажной фабрики и чуть позже – целлюлозного завода у станции Ляля. Большую роль в сооружении и эксплуатации предприятия сыграла группа финляндских специалистов, среди которых был инженер, заведующий бумажной фабрикой К. К. Бергстрем. Его деятельность пришлась главным образом на годы Первой мировой войны и, несомненно, представляет большой интерес с точки зрения изучения истории отрасли и экономики в целом. Построенное с участием К. К. Бергстрема предприятие функционирует в г. Новой Ляле Свердловской области по настоящее время и является одним из крупных производителей бумажных мешков в России.

Экономическое развитие России в начале XX в., в том числе в годы Первой мировой войны, освещено в ряде крупных отечественных и зарубежных статистико-аналитических изданий, статей [Кафенгауз 1994; Китанина 2016; Маевский 1957; Миронов 2017; Россия... 2017; Gatrell 1986]. При этом оценки российской экономики представлены в диапазоне от резко отрицательных до положительных. Наиболее подробно основные моменты становления и развития лесной и, в частности, цел-

люлозно-бумажной промышленности России рассмотрены в работах [Истомина 2019; История... 2009; Algvete 1966], лесной промышленности в Свердловской области – изложены Б. С. Петровым, М. Ф. Маслюковым [История... 1997; Петров 1952].

Основные направления социально-экономического развития Николае-Павдинского округа начала XX в. отражены в справочных [Кривошеков 1910; Урал... 1917] и энциклопедических [Гравес 1933] изданиях первой трети XX в. Среди научных публикаций следует отметить статьи Е. Ю. Рукосуева и М. Н. Барышникова [Барышников 2015; Рукосуев 2012]. Куда больше имеется наименований научно-популярной и популярной литературы об истории г. Новой Ляли и целлюлозно-бумажного комбината [Ботяновская 1983; Кожевников 1978; Новая... 2013; С веком... 2014]. К. С. Семенов описал в художественной форме процесс зарождения лесной промышленности на Северном Урале [Семенов 1958].

Развитие лесной отрасли в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. являет собой составную часть модернизационных трансформаций, и изучение деятельности технических специалистов – организаторов целлюлозно-бумажного производства представляется актуальным с позиции акторного акцента [Акторы 2016, 27, 128].

О финне Карле Карловиче Бергстреме имеется крайне мало сведений. Инженер-химик с группой финляндских специалистов был приглашен в 1913 г. Правлением Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа для строительства и дальнейшей эксплуатации Лялинской бумажной фабрики на Северном Урале. К. К. Бергстрем, назначенный заведующим предприятием, отвечал за монтаж и эксплуатацию оборудования. Он организовал лабораторию, где изучал сорта бумаги.

О быте К. К. Бергстрема и его семьи, для которых был построен особняк с 15 комнатами, оставила воспоминания домработница Е. А. Истомина, о строительстве и начале функционирования Лялинской бумажной фабрики – мастер Ф. И. Андруховский. Он отмечал деловые качества заведующего, но недоброжелательное отношение к рабочим [Андруховский 2016; Большая... 2019, 6–10]. Образ К. К. Бергстрема как хозяйственника и специалиста в области целлюлозно-бумажного производства помогают воссоздать его письма в Правление Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа, отложившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области и Российского государственного исторического архива. Эти материалы вводятся в научный оборот впервые.

Судя по архивным материалам и краеведческой литературе, в 1913 г. финна К. К. Бергстрема, явно имевшего авторитет среди инженерных специалистов, пригласили для руководства строительством и эксплуатацией бумажной фабрики у ст. Ляля председатель Правления созданного в 1912 г. Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа Е. Ф. Давыдов (тоже приглашенный акционерами специалист в области лесной промышленности и финансов) и директор-распорядитель А. А. Борисов. Со второй половины XIX в. в Финляндии стала активно развиваться лесная промышленность, в том числе целлюлозно-бумажное производство [Промышленность... 1896]. Приглашение финляндского инженера на Урал было не случайным. К. К. Бергстрем, скорее всего, стремился проявить себя в качестве организатора целлюлозно-бумажного производства – технологически сложной отрасли – и ученого.

Освоение лесных ресурсов, строительство и функционирование бумажной фабрики

Освоение лесных ресурсов на Северном Урале стало отражением индустриальных преобразований и изменений в географии промышленности и транспорта Российской империи в конце XIX – начале XX столетий. Большая часть лесопромышленных предприятий концентрировалась в лесодефицитных западных и центральных районах, тяготела к рынкам сбыта в наиболее населенной Европейской части страны. Развитие лесной промышленности на Европейском Севере и Урале, территориях с крупными запасами спелых и перестойных лесов, позволяло создать новые промышленности центры, увеличить экспорт продукции и сократить импорт некоторых товаров.

Основным районом развития лесной промышленности стал слабо освоенный Николае-Павдинский горный округ на Северном Урале (Верхотурский уезд Пермской губернии), где в бассейне р. Ляли и Лобвы были сосредоточены крупные запасы древесины. В 1902 г. астраханский рыбопромышленник К. П. Воробьев приобрел горный округ. Для получения доступа к лесным ресурсам ему пришлось построить узкоколейную железную дорогу протяженностью около 70 км от станции Выя (в нескольких километрах восточнее от Нижнетурина завода) до п. Лесопильного (в верховьях р. Ляли; позднее переименован в Старую Лялю), где был основан лесопильный завод. Промышленный бум произошел в связи со строительством в 1903–1906 гг. ширококолейной Богословской железной дороги (от Кушвинского завода до Надеждинского завода, пущенного в 1896 г.). Она со-

единила Северный Урал с общероссийской сетью железных дорог, и в местах пересечения ею основных рек (Туры, Ляли, Лобвы) возникли поселения, основным профилем которых стала лесная промышленность.

Наследники К. П. Воробьева продолжили экономическую деятельность на территории Николае-Павдинского горного округа. Созданное в 1912 г. Акционерное общество, собственниками которого стали акционеры Русско-Английского банка, вошло в число крупнейших лесопромышленных фирм Российской империи (с третьим по величине уставным капиталом) [Барышников 2015, 41–42, 44, 46–47]. Общество осуществляло добычу, обработку и продажу платины, других полезных ископаемых, геологические обследования и разведки, лесохозяйственную и лесопромышленную деятельность. Еще на этапе организации Правление и акционеры отклонились от сущности горнозаводского округа. На общем собрании 21 апреля 1913 г. были обоснованы экономические профили: добыча платины и лесная промышленность.

Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа располагало двумя лесопильными заводами на 7 и 6 рам (соответственно у ст. Лобва и Ляля, построенных в 1908–1909 и 1913–1914 гг.) – одними из крупнейших на Урале. Ключевым проектом Акционерного общества стало строительство бумажной фабрики у ст. Ляля. Производство бумаги являлось логическим продолжением лесопромышленного цикла, основывалось на использовании отходов лесопиления и елового леса. Продукцию – оберточную бумагу – предполагалось сбывать на Урале, в Сибири и Поволжье [Акционерное... 1913, 9]. Таким образом, бумажная фабрика становилась в пространстве трех регионов конкурентом финляндских производителей, имевших здесь крепкие позиции.

Проектная мощность бумажной фабрики определялась в 500 тыс. пудов (8,2 тыс. т) продукции в год, стоимость (включая центральную силовую станцию) – 1,35 млн. руб. Только за счет сбыта оберточной бумаги планировалось окупить затраты на фабрику в течение трех лет [Акционерное... 1913, 10]. Вместе с лесопильным заводом, подсобными предприятиями доход от возводившегося производственного комплекса, каким он становился по факту пуска, еще более возрастал. К осени 1913 г. сооружение зданий было закончено, но имела место полугодовая отсрочка пуска объекта из-за пожара в части здания центральной силовой станции, предназначавшегося для установки паровых турбин. Часть оборудования бумажной фабрики и центральной силовой станции, в том числе бумагоделательная машина американской фирмы «Пуссей и Джонс», была доставлена в п. Лялю, часть находилась в пути. Монтажные работы намечалось завершить весной 1914 года. [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 16. Л. 4].

Некоторое оборудование (главным образом, моторы для бумагоделательной машины и каландры), выполнявшиеся иностранными фирмами, не было поставлено в определенные договорными сроками, и бумажная фабрика с одной машиной американской фирмы «Пуссей & Джонс», корообдирочным и дефибрерным отделениями начала работать в сентябре 1914 г., на три месяца позже намечавшего пуска. Это было единственное из шести бумажных и картонных предприятий на Урале, снабжавшее производство собственными полуфабрикатами. Фабрика, будучи обеспечена заказами, достигла проектной мощности спустя два месяца [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–3об.]. Несмотря на трудности приобретения за границей сеток, сукон, маншонов и других предметов, необходимых для производства бумаги, в 1914/1915 г. предприятие работало почти непрерывно [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 35. Л. 4].

Суточная производительность Лялинской бумажной фабрики равнялась 1800 пудов желтой оберточной бумаги. До начала Гражданской войны наибольший объем бумаги был изготовлен в 1914/1915 г. – 5,3 тыс. т. В следующем операционном году, в связи с закрытием рынков сбыта и трудностями получения комплектующих, объем производства снизился до 3,5 тыс. т. В 1916/1917 г. к числу факторов, негативно повлиявших на работу предприятия, добавился пожар на силовой станции. Выпуск бумаги составил 1,7 тыс. т. В 1917/1918 г. фабрика продолжала функционировать и изготовила 1,65 тыс. т продукции [АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 35об.–39, 42–42об.].

Уже в 1914/1915 г. существенный вклад в формирование выручки Акционерного общества (более 27 %) принес начавшийся из Петрограда экспорт бумаги. В 1915/1916 г. выручка от экспорта уменьшилась почти вдвое – до 373,5 тыс. руб. (прежде всего, из-за пожара на силовой станции фабрики) [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 5; Д. 25. Л. 6; Д. 35. Л. 4об.; Д. 46. Л. 4–4об.]. Судя по отчетам Правления Акционерного общества, бумажная фабрика оправдала ожидания акционеров и управленцев.

Проекты К. К. Бергстрема по развитию глубокой переработки древесины

На фоне прекращения деятельности части целлюлозно-бумажных предприятий в западных районах страны наличие фабрики в срединном регионе страны давало существенные преимущества на внутреннем рынке. В августе 1915 г. Правление Акционерного общества обратилось к заведующему Лялинской бумажной фабрикой К. К. Бергстрему с просьбой детально разработать вопросы расширения древесно-массного отделения и установки второй бумагоделательной машины. Руководство общества планировало организовать выпуск культурных сортов бумаги (масленки, альбомной и дешевой писчей бумаги) в размере около 200 тыс. пудов (3,27 тыс. т) в год и отправлять их на экспорт, реализовать внутри Уральского региона [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 30. Л. 30].

4 декабря 1915 г. заведующий Лялинской бумажной фабрикой К. К. Бергстрем подал – после устных консультаций с директором Акционерного общества А. А. Борисовым – проект организации в Николае-Павдинском горном округе производства полуцеллюлозы, канифоли и скипидара, направив также образцы бумаги, канифоли марки «Е» и скипидара, полученные в лаборатории фабрики. К. К. Бергстрем считал, что после войны сохранятся высокий спрос и высокие цены на масленку, газетную и альбомную бумагу и предлагал на базе Лялинской фабрики организовать производство – в силу меньших технологических трудностей и несмотря на значительный рост цен на расходные материалы – газетной бумаги и масленки.

Организация производства целлюлозы позволяла наладить – посредством приобретения и установки второй бумагоделательной машины мощностью 425 тыс. пудов (7,14 тыс. т) в год – выпуск белых и цветных бумаг. Выработка канифоли темного цвета (соответствующей марке «Е» по американской классификации) позволяла использовать ее для клейки оберточной, газетной и прочих бумаг низкого и среднего качества, варки низших сортов мыла. К. Бергстрем считал возможным изготовление на Лялинской бумажной фабрике и светлой канифоли, но оснащение этого производства было более дорогим.

Крупные перспективы связывались с изготовлением канифольного мыла (для клейки бумаги), получившего накануне Первой мировой войны распространение в российской промышленности. Однако единственное в стране предприятие, изготавливавшее этот товар, – фабрика Г. Тальгейма и М. Киммеля в Риге – было эвакуировано. К. Бергстрем рассчитывал, что внедрение передовых технологий бумажного, канифольного и скипидарного производства обеспечит высокое качество и соответственно более высокую стоимость продукции на рынках сбыта [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 21–22об., 41–42]. В случае принятия Правлением Акционерного общества проекта на ст. Ляля возникал первый на Урале лесной комбинат полного цикла, то есть включавший механическую обработку и глубокую переработку древесины. В конце декабря 1915 г. заведующий фабрикой представил также расчеты производства газетной бумаги, что, по его мнению, могло иметь крупные перспективы [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. Л. 24–31, 35].

При подготовке проектов К. К. Бергстрем показал себя хорошим знатоком тенденций мировой целлюлозно-бумажной промышленности, выражая беспокойство за судьбу предприятий Николае-Павдинского горного округа после мировой войны. В письме А. А. Борисову в конце января 1916 г. он вновь отмечал актуальность расширения бумажной фабрики, считая, что лидеры отрасли (в первую очередь, Великобритания и Швеция), активно поддерживая строительство и реконструкцию производств, не упустят возможность контролировать рынок полуфабрикатов и бумаги и установить более высокие цены. Тем более что польские бумажные фабрики, дававшие до войны чуть менее трети продукции в Российской империи, были утрачены, а в стране построены только 2 целлюлозные и 2 бумажные фабрики небольших размеров.

В Финляндии, являвшейся основным поставщиком целлюлозно-бумажных товаров российским потребителям, война стимулировала развитие лесной промышленности. Согласно материалам, которыми располагал К. К. Бергстрем, в сульфитно-целлюлозном производстве возводились 4 фабрики общей мощностью до 150 тыс. т продукции (в том числе крупное предприятие Акционерного общества «Энсо») и расширялись две; в сульфатно-целлюлозном производстве сооружалась фабрика производительностью 30 тыс. т; в бумажной отрасли строились три предприятия и расширялись два. На трех бумажных фабриках предполагалось установить широкие бумагоделательные машины для изготовления газетной бумаги и пергамента, на одной – наладить производство бумажных мешков. На тот момент ведущими акционерными обществами – инвесторами в целлюлозно-бумажную промышленность – являлись «Алстрем-Варкаус», «Торнатор-Иматра» и «Каяне-Каяне» [ГАСО. Д. 20. Л. 39–40об.].

В свете приведенных аргументов К. К. Бергстрем настаивал на скорейшей установке второй бумагоделательной машины на Лялинской фабрике, невзирая на затраты, поскольку конъюнктура на мировом рынке бумаги складывалась, по мнению заведующего предприятием, наиболее благоприятно.

Экономические успехи Акционерного общества в период Первой мировой войны позволили запланировать в начале 1917 г. направление крупных средств на сооружение целлюлозной фабрики и модернизацию производства оберточной бумаги, что, в условиях резкого сокращения объемов работ в западных районах страны, сулило благоприятные финансовые перспективы и выпуск актуальной для страны продукции. Запрашиваемая Правлением сумма равнялась 2,87 млн. руб. (63,7 % от объема строительного плана на 1917/1918 г.). Ожидаемая прибыль определялась в 4 млн. руб. [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–5]. Вновь выдвигался комплексный подход к организации производства, когда весь объем целлюлозы должен был перерабатываться на месте и в виде готовой продукции реализовываться на рынке. Помимо этого, появлялась возможность выпускать побочные товары: канифоль и скипидар.

Построенный сульфатно-целлюлозный завод мощностью 2 тыс. т в год был первым в России предприятием подобного рода, однако не начал работать [Гравес 1933, 509]. Вторая бумагоделательная машина, являвшаяся аналогом первого агрегата, построенного в 1913 г., но со скоростью хода 200 м в минуту, была заказана также в фирме «Пуссей & Джонс». Срок доставки заказа в док Нью-Йорка или Филадельфии был определен не позднее 15 февраля 1918 г. [ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–31 об., 42–47, 51]. Однако этим планам не суждено было сбыться из-за прихода к власти большевиков, национализации предприятий, начала Гражданской войны.

Что интересно, после национализации Николае-Павдинского горного округа созданный для управления им Деловой совет не отказывался от планов завершить оснащение и ввести в строй сульфатно-целлюлозный завод. Контора национализированного Правления, продолжавшая работать в Петрограде, отмечала значимость организации производства сульфатной целлюлозы (впервые в России) и твердой канифоли (впервые в мире, для чего был специально приобретен патент) [АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–20]. Эти предприятия могли бы существенно улучшить экономическое положение горного округа.

Главная трудность заключалась в том, что финляндские специалисты, в том числе управляющий Лялинской бумажной фабрикой К. К. Бергстрем, выехали из страны. В отдаленном от ведущих промышленных центров горном округе не осталось высококвалифицированных инженерно-технических специалистов, способных грамотно сформулировать технические характеристики недостающего оборудования, организовать переговоры с фирмами-изготовителями.

Работы по подготовке к вводу в строй сульфатно-целлюлозного завода, ориентированного на производство канифоли и целлюлозы, начались с 1919 г., после установления Советской власти на Урале. В 1919 г. велось оснащение варочного отделения, в 1921 г. было оборудовано содовое и миксовое отделения. Это позволило в июне 1922 г. частично запустить предприятие. В 1923 г. было оборудовано скипидарное отделение, осуществлялись реконструктивные мероприятия в других отделениях. В 1924 г. началось оснащение отбельного и хлорного отделений. Однако по-прежнему не доставало ряда агрегатов (пресс-папмашины, 2 кохеров, 4 диффузоров и второй содовой печи), из-за чего работа завода оказывалась нерентабельной. С июня 1924 г. производство было остановлено [АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. Л. 43].

Новая технология клейки бумаги

К. К. Бергстрем, работая в фабричной лаборатории над определением рационального – в условиях дороговизны материалов – способа клейки бумаги, смог добиться удовлетворительного результата. В начале 1916 г. он сообщил главному инженеру Акционерного общества А. А. Борисову об изобретении новой технологии клейки бумаги, позволявшей – за счет использования для получения смеси 50% смолы и 50% канифоли с добавлением поваренной соли и малого количества персульфата натрия – существенно удешевить изготовление продукции. Отсюда название новой технологии – «клейка бумаги в военное время». Дело в том, что стоимость канифоли, которая приобреталась за рубежом, возросла за полтора года войны с 3,5 до 15 руб. за пуд, глинозема – с 1,4 до 9 руб. за пуд, и использование нового способа клейки бумаги позволяло сократить потребность в этих материалах и при этом не ухудшить качество продукции. С 30 января К. К. Бергстрем стал применять авторскую технологию в производстве и предполагал получить экономию в 1915/1916 г. – при выпуске 500 тыс. пудов бумаги – в размере 34650 руб. [РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–1 об., 4–4 об., 6].

Из переписки К. К. Бергстрема и А. А. Борисова хорошо улавливается мотивация финляндского специалиста. Прежде всего, это возможность проявить себя в качестве ученого и внести вклад в улучшение целлюлозно-бумажного производства. В 1916 г. общественно-политическая и экономическая обстановка на Урале и в стране позволяла разрабатывать новые проекты на ближайшую и среднюю перспективу и ожидать получения положительного эффекта. Не менее важным для Бергстрема было зарегистрировать новый способ клейки бумаги и получить – в случае продажи Правлению или другой фирме – бонусы: новую должность, премию (хотя заведующий фабрикой явно не собирался покидать Северный Урал). Так, финляндский специалист просил о введении должности главного химика, которую намеревался занять сам, сохранив при этом заведование фабрикой, и рассчитывал на прибавку к жалованию, сообщая о нужде в средствах [РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 2, 9–9об.].

В начале марта 1916 г. Управление округом поддержало изобретение К. К. Бергстрема и просило Правление изыскать возможность приобретения охранительного свидетельства, считая это также одной из мер стимулирования труда служащих Акционерного общества. Оно признало экономичность новой технологии и опасалось предложений заведующему фабрикой от других предпринимателей (и не напрасно – в Правление за разъяснениями о новом способе клейки бумаги обращалось, к примеру, руководство Эстляндской писчебумажной фабрики «Тургель»). Правление, ожидая проведения в ближайшем времени заседания, просило в свою очередь К. К. Бергстрема воздержаться от продажи охранительного свидетельства другим фирмам. Летом 1916 г. оно приобрело лицензию на изготовление специального клея, увеличив заведующему фабрикой с 15 апреля ежемесячный заработок на 250 руб., до 600 руб. (без учета премии по итогам года) [РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 5–7, 12–12об.].

Изобретение К. К. Бергстремом нового способа клейки бумаги свидетельствует о большом значении организации и результативности научной работы в целлюлозно-бумажном производстве и быстром внедрении изобретения в технологический процесс. Правление Акционерного общества и Управление округом поддержали финляндского специалиста, чем избавили Лялинскую бумажную фабрику от завоза (в том числе импорта) больших партий дорогостоящих расходных материалов и получили экономию финансов.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что на Северном Урале в начале XX в., за 10–15 лет, возникли новые предприятия и поселения, были проложены грунтовые и железные дороги, а концентрация лесной промышленности с уклоном на механическую обработку и глубокую переработку древесины позволила добиться крупных экономических успехов. Территория округа рассматривалась предпринимателем К. П. Воробьевым, его наследниками, Правлением Акционерного общества не как ресурсная база для выкачивания средств, а в качестве перспективного проекта, требовавшего постоянных инвестиций. Отсюда обращение к передовому опыту в мировой лесопромышленной деятельности – финляндскому.

Приглашенный Правлением Акционерного общества для заведования Лялинской бумажной фабрикой финляндец К. Бергстрем был не только крупным организатором и инженером целлюлозно-бумажного производства, сумевшим в короткие сроки построить и пустить крупнейшую на Урале бумажную фабрику (что важно, в кооперации с лесопилением), но и ученым, знатоком российских и мировых тенденций развития отрасли. Он энергично пробивал актуальные в условиях Первой мировой войны лесопромышленные проекты (в том числе впервые в российской практике), реализация которых позволяла освоить новые виды продукции и принести дополнительную прибыль Акционерному обществу.

Деятельность К. К. Бергстрема была разноплановой. Заведующий бумажной фабрикой, опираясь на результаты работы заводской лаборатории и собственный опыт, обосновал необходимость расширения предприятия и строительства первого в стране завода сульфатной целлюлозы, комбинируя его с действовавшим бумажным и лесопильным заводами. Правление поддержало его инициативы и приступило в 1917 г. к реализации этого масштабного проекта. В октябре 1917 г. в связи с ухудшением экономической обстановки в стране, революционными событиями в Финляндии К. К. Бергстрем, как и многие другие финляндские специалисты, работавшие в Николае-Павдинском горном округе, покинул регион и страну. Приглашение Бергстрема на Урал имело далекие перспективы – целлюлозно-бумажное производство стало одной из специализаций Северного Урала.

ИСТОЧНИКИ

- Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа. СПб., 1913. 11 с.
- Андруховский Ф. И.* Воспоминания о Новолялинском бумажном комбинате за период с 1913 года по 1918 год // Материалы научно-практической конференции «Верхотурский уезд в истории России» (к 255-летию начала промышленного освоения М. М. Походяшиным Северного Урала). Верхотурье, 2016. С. 31–35.
- АОАСГО (Архивный отдел администрации Серовского городского округа). Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 9. 40 л.
- АОАСГО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 10. 27 л.
- ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 172. Оп. 1. Д. 11. 71 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 15. 11 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 16. 5 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 20. 88 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. 5 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 25. 13 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 30. 30 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 35. 5 л.
- ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 46. 6 л.
- РГИА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. 18 л.

ЛИТЕРАТУРА

- Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Барышников М. Н.* Г. И. Бененсон и А. Д. Голицын: деловое партнерство в институциональном контексте российской действительности начала XX века // *Journal of institutional studies* (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 2. С. 38–57.
- Большая история малого города: цикл рассказов о городе Новая Ляля. Вып. 2 / сост. О. А. Эмир-Асанова. Новая Ляля, 2019. 22 с.
- Ботяновская В. В., Чащихин В. С.* История Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината. Новая Ляля, 1983. 14 с.
- Гравес А. Ф., Толстобров Н. Е.* Бумажная промышленность // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск: Уральская советская энциклопедия, 1933. С. 506–511.
- Истомина Э. Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX вв.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
- История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1997. 398 с.
- История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: Правда Севера, 2009. 232 с.
- Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб.: Гуманитарная Академия, 2016. 352 с.
- Кожевников М. А., Колчев В.* Целлюлозно-бумажный комбинат. История. Новая Ляля, 1978. 194 с.
- Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии, с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь: Электро-типография Губернского земства, 1910. 823 с.
- Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. 390 с.
- Миронов Б. Н.* Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 463–480.
- Новая Ляля: к 75-летию города. Екатеринбург: Литур, 2013. 216 с.
- Петров Б. С.* Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л.: Гослесбумиздат, 1952. 146 с.
- Промышленность Великого княжества Финляндского // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. С приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской империи. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1896. С. 428–464.
- Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914 / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.

Рукоусев Е. Ю. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа // Индустриальная Россия. Вчера, сегодня, завтра. Материалы всероссийской научной конференции / под ред. В. В. Запария. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2012. С. 78–85.

С веком наравне: с вершины юбилея пути вперед виднее. Новолялинскому целлюлозно-бумажному комбинату 100 лет. Екатеринбург: Аристократ, 2014. 204 с.

Семенов К. С. Зеленое золото. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1958. 226 с.

Урал северный, средний, южный. Справочная книга / сост. О. П. Доброхотов, с участием В. А. Весновского, В. С. Зыбина. Петроград: Библиотека «Вечернего времени» изд. Б. А. Суворина, 1917. 744 с.

Algvare K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Skogs-ekonomi i Sovjetunionen med en analys av landets potentiella konkurrenskraft. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p.

Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London: Batsford, 1986. Pp. xvi + 288.

Поступила в редакцию 06.04.2023

Зыкин Иван Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: zivverh@mail.ru

I. V. Zykin

FINNISH ENGINEER K. K. BERGSTREM AND HIS PROJECTS IN THE FIELD OF PULP AND PAPER PRODUCTION IN THE URALS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-536-545

The end of the XIX – beginning of the XX centuries in the Russian Empire was marked by the active development of the forest industry. One of the major timber industry projects was implemented in Verkhoturksky uyezd of Perm province – in the Nikolae-Pavdinsky mountain district, where there were large reserves of wood. Their development became possible thanks to the construction of railways. The Joint-Stock Company of the Nikolae-Pavdinsky Mining District, established in 1912, began to develop pulp and paper production in the Northern Urals, in addition to sawmilling. Finnish engineer K. K. Bergstrom was invited to implement this project – a paper mill at the Lyalya station. The study of his industrial and scientific activities was undertaken for the first time. In the conditions of the outbreak of the First World War and the loss of enterprises in the western regions of the country, modernization and expansion of pulp and paper production became urgent. K. K. Bergstrom promoted the projects of organizing the production of newspaper and oil paper, rosin, cellulose. In the activities of the Finnish engineer, the desire to create a timber industry complex in the Northern Urals, where deep processing of wood would play a decisive role, was manifested. K. K. Bergstrom, having shown a good knowledge of Russian and world trends in the pulp and paper industry, was able to insist on the implementation of his projects in the midst of the First World War and the gradual deterioration of the socio-economic situation in the country. Of great importance was the scientific activity of the engineer, which resulted in the invention of a new method of paper gluing. In the autumn of 1917, due to a sharp change in the political situation in the Russian Empire, K. K. Bergstrom left for Finland. It is concluded that during several years of work in the Nikolae-Pavdinsky mountain district, Bergstrom proved himself as an experienced organizer of pulp and paper production and a scientist. The appeal of Russian business circles to Finnish specialists can be considered as a fact of Finland's leadership in the global forestry industry.

Keywords: Northern Urals, Nikolae-Pavdinsky mountain district, pulp and paper industry, World War I, Bergstrom, paper gluing

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 536–545. In Russian.

REFERENCES

Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of the Russian Imperial Modernization (XVIII – early XX century): regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2016. 316 p. In Russian.

Baryshnikov M. N. G. I. Benenson i A. D. Golitsyn: delovoe partnerstvo v institutsional'nom kontekste rossiiskoi deistvitel'nosti nachala XX veka [G. I. Benenson and A. D. Golitsyn: business partnership in the institu-

tional context of Russian reality at the beginning of the XX century]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institutional studies], 2015, no. 2, pp. 38–57. In Russian.

Bol'shaya istoriya malogo goroda: tsikl rasskazov o gorode Novaya Lyalya. Vyp. 2 [The big story of a small town: a cycle of stories about the city of Novaya Lala. Issue 2]. Emir-Asanova O. A. compiler. Novaya Lyalya, 2019. 22 p. In Russian.

Botyanovskaya V. V., Chashchikhin V. S. *Istoriya Novolyalinskogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata* [History of Novolyalinsk Pulp and Paper Mill]. Novaya Lyalya, 1983. 14 p. In Russian.

Graves A. F., Tolstobrov N. E. Bumazhnaya promyshlennost' [Paper industry]. *Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya. T. 1* [Ural Soviet Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow, Sverdlovsk: Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya, 1933, pp. 506–511. In Russian.

Istomina E. G. *Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII – nachalo XX vv.)* [Forests of Russia: ecological and socio-economic history (XVIII – early XX centuries)]. Moscow: Quadriga Publ., 2019. 358 p. In Russian.

Istoriya razvitiya lesnoi promyshlennosti Srednego Urala [History of the development of the forest industry of the Middle Urals]. Maslyukov M. F. compiler. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1997. 398 p. In Russian.

Istoriya tsellyulozno-bumazhnoi promyshlennosti Rossii [History of the pulp and paper industry in Russia]. Arkhangel'sk: Pravda Severa Publ., 2009. 232 p. In Russian.

Kafengauz L. B. *Evolutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii* [Evolution of industrial production in Russia]. Moscow: Epifaniya Publ., 1994. 848 p. In Russian.

Kitanina T. M. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika. Kurs lektii* [Russia in the First World War 1914–1917: Economics and Economic Policy. Course of lectures]. Saint-Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2016. 352 p. In Russian.

Kozhevnikov M. A., Kolchev V. *Tsellyulozno-bumazhnyi kombinat. Istoriya* [Pulp and paper mill. History]. Novaya Lyalya, 1978. 194 p. In Russian.

Krivoshchekov I. Ya. *Slovar' Verkhotur'skogo uezda Permskoi gubernii, s obshchim istoriko-ekonomicheskim ocherkom i prilozheniem karty uezda v granitsakh po administrativnomu deleniyu Rossii v 1734 g.* [Dictionary of Verkhotur'sky Uyezd of Perm province, with a general historical and economic sketch and an appendix of a map of the uyezd within the borders of the administrative division of Russia in 1734]. Perm': Elektro-tipografiya Gubernskogo zemstva, 1910. 823 p. In Russian.

Maevskii I. V. *Ekonomika russkoi promyshlennosti v usloviyakh Pervoi mirovoi voiny* [The economy of Russian industry in the conditions of the First World War]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1957. 390 p. In Russian.

Mironov B. N. Dostizheniya i provaly rossiiskoi ekonomiki v gody Pervoi mirovoi voiny [Achievements and failures of the Russian economy during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [St. Petersburg University Herald. History], 2017, vol. 62, issue 3, pp. 463–480. In Russian.

Novaya Lyalya: k 75-letiyu goroda [New Lyalya: to the 75th anniversary of the city]. Ekaterinburg: Litur, 2013. 216 p. In Russian.

Petrov B. S. *Ocherki o razvitiy lesnoi promyshlennosti Urala* [Essays on the development of the Ural forest industry]. Moscow, Leningrad: Goslesbumizdat, 1952. 146 p. In Russian.

Promyshlennost' Velikogo knyazhestva Finlyandskogo [Industry of the Grand Duchy of Finland]. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii. S prilozheniem obshchei karty fabrichno-zavodskoi promyshlennosti Rossiiskoi imperii* [Factory industry and trade in Russia. With the application of the general map of the factory industry of the Russian Empire]. Saint-Petersburg: Tipografiya I. A. Efrona, 1896, pp. 428–464. In Russian.

Shelokhaev V. V. (Ed.) *Rossiya nakanune velikikh potryasenii: Sotsial'no-ekonomicheskii atlas. 1906–1914* [Russia on the eve of Great Upheavals: A Socio-Economic Atlas. 1906–1914]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017. 672 p. In Russian.

Rukosuev E. Yu. Aktsionernoe obshchestvo Nikolae-Pavdinskogo gornogo okruga [Joint-Stock Company of the Nicolae-Pavdinsky Mountain District]. Zaparii V. V. (Ed.) *Industrial'naya Rossiya. Vchera, segodnya, zavtra. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Industrial Russia. Yesterday, today, tomorrow. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Ekaterinburg: UMTs-UPI Publ., 2012, pp. 78–85. In Russian.

S vekom naravne: s vershiny yubileya puti vpered vidnee. Novolyalinskomu tsellyulozno-bumazhnomu kombinatu 100 let [With the century on a par: from the top of the jubilee, the way forward is more visible. Novolyalinsk Pulp and Paper Mill is 100 years old]. Ekaterinburg: Aristokrat Publ., 2014. 204 p. In Russian.

Semenov K. S. *Zelenoe zoloto* [Green Gold]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izd-vo, 1958. 226 p. In Russian.

Ural severnyi, srednii, yuzhnyi. Spravochnaya kniga [The Urals are northern, middle, and southern. Reference book]. Dobrokhotov O. P. compiler. Petrograd: Biblioteka «Vechernego vremeni» izd. B. A. Suvorina, 1917. 744 p. In Russian.

Algere K. V. Forest Economy in the U.S.S.R. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Skogs-ekonomi i Sovjetunionen med en analys av landets potentiella konkurrenskraft. Stockholm: Skogshögskolan Royal College of Forestry, 1966. 449 p.

Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London: Batsford, 1986. Pp. XVI + 288.

Received 06.04.2023

Zykin Ivan Valeryevich

Candidate of History, Associate Professor
Department of Russian History, Ural Federal University

51, Lenina pr., Ekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: zivverh@mail.ru

*М. Ю. Мартынова***ВЕНГРЫ ХОРВАТИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА
И СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС¹**

В данной статье объектом исследования стало венгерское население Республики Хорватии. Показан процесс формирования диаспоры и причины изменения ее статуса на протяжении истории. Рассматриваются факторы, по мнению автора, воздействующие на идентичность хорватских венгров. В работе дается их демографический портрет, освещаются законодательные гарантии обеспечения прав национальных меньшинств и другие формы государственной поддержки в стране проживания, приводится информация о социально-политической активности, а также культурной, образовательной и просветительской деятельности венгров Хорватии. Приводятся факты, свидетельствующие о высоком уровне разработанности законодательной базы Хорватии в плане поддержания культурного многообразия страны, создания широкого спектра социально-бытовых условий, необходимых для поддержания и развития этнического самосознания у представителей национальных меньшинств, в том числе у венгров. Вместе с тем данные переписей населения Хорватии разных лет свидетельствуют о происходящем с 1910 г. постепенном сокращении здесь численности венгров. Отрицательная динамика объясняется не только изменением их статуса в государстве, проживанием на пограничье стран и культур, но и низкой фертильностью, а также миграционной подвижностью в силу экономических и иных причин, чаще всего не находящихся в прямой зависимости от запросов идентичности. Более того, венгерская идентичность становится дополнительным ресурсом при выборе молодым поколением наиболее перспективных жизненных стратегий. Социально-антропологический аналитический подход к анализу эмпирического материала позволяет выйти на уровень теоретического обобщения, выявить роль государственных границ как фактора воздействия не только на гражданскую идентичность, но и на формирование культурно-бытовых особенностей диаспоральных групп в результате постоянных контактов с иноэтничными соседями.

Ключевые слова: Республика Хорватия, идентичность, этнический состав, национальные меньшинства, культурное многообразие, обеспечение прав, демография, население пограничья.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-546-561

Демографический портрет

Как известно, более 3 млн венгров расселены за пределами Венгрии. Республика Хорватия – одно из государств, где в наши дни компактно проживают представители венгерской национальности. По результатам переписи населения Хорватии 2021 г., идентифицировали себя как венгры 10 315 человек, что составляет 0,27% от общей численности жителей страны [Stanovništvo prema narodnosti 2022, 11]. При этом назвали венгерский язык родным 7 218 человек или 0,19% жителей [Stanovništvo prema materinskom jeziku 2022: 13]. Около двух третей хорватских венгров (по данным 2011 г. – 8 249 чел.) сконцентрированы на востоке Хорватии, в пограничном с Венгрией округе (хорв. županija) Осиек-Баранья (хорв. Osječko-Baranjska županija). Крупным городом со значительным венгерским населением здесь является Бели Манастир. Предыдущая перепись, проходившая в 2011 г., показала, что из 5 750 его жителей 7,96 % по национальности венгры (для сравнения – десятью годами раньше, в 2001 г. доля венгров здесь была 8,5%).

В ряде общин (муниципалитетов; хорв. općina) при этом венгры составляют свыше 10% населения. Наиболее существенна доля венгров в общинах Кнежеви Виногради, относящихся к жупании Осиек-Баранья (хорв. Kneževi Vinogradi; венг. *Hercegszöllős*, 2021 г. – 1299 чел. или 38,70%, из которых в 2001 г. в одноименной деревне из общего числа жителей 1715 чел. венграми были 275 чел.), также в общинах Билье (хорв. Bilje, венг. *Bellye*; 1238 или 25,94%; в 2011 г. – 29,62%), Драж (хорв. Draž; венг. *Darázs*; 432 или 22,17%; в 2011 г. – 680 или 24,58%; 2001 – 874 или 26,04%), Эрнестиново (хорв. Ernestinovo; венг. *Ernöháza*; 304 или 15,61%; 2011 г. – 19%) и Петловац (хорв. Petlovac, венг. *Baranyaszentistván*; 244 или 13,02%; в 2011 г. – 13,72%).

Некоторое количество венгров живет и в других регионах страны, в частности, в округе Беловар-Билогора (хорв. Bjelovarska-Bilogorska županija) в центральной Хорватии (по данным 2011 г. – 881

¹ Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

чел.), в Приморско-Горанском округе (хорв. Primorsko–Goranska županija) и городе Загребе. В округе Вуковар-Срием (хорв. Vukovarsko-Srijemska županija) ощутимо присутствие венгров в общине Тординчи (309 или 18,65%; хорв. Tordinči; венг. *Valkótard*) [Stanovništvo prema narodnosti po gradovima / općinama 2011; см. также Kocsis, Kocsis-Hodosi 1998, 182–193].

Если анализировать динамику численности венгров на территории современной Хорватии, то данные переписей населения свидетельствуют, что количество венгров здесь росло до Первой мировой войны (121 000 чел. – 1910 г.), затем стало постепенно сокращаться (10 315 чел. – 2021 г.). Уменьшается и количество жителей, владеющих венгерским языком (см. ниже).

Венгерская составляющая в истории хорватских земель

Венгерско-хорватское взаимодействие имеет долгую историю. Напомним, что оно берет свое начало в XI в., в период династического кризиса, последовавшего за смертью в 1089 г. короля Хорватии Дмитара Звонимира. Как известно, у него не было наследников, и его вдова Елена II, имевшая венгерское происхождение, поддержала притязания своего брата Ладислава I Венгерского на Королевство Хорватия. В течение двух лет Ладислав смог захватить власть и провозгласить владычество над Хорватским королевством, хотя он и не добился полного контроля над этими территориями. Это удалось сменившему его после смерти в 1095 г. на престоле племяннику Коломану I. Победив последнего коронованного хорватского короля Петра II Хорватского в битве при горе Гвоздь, он был коронован в 1102 г. как король Хорватии. Между Венгрией и Хорватией была заключена династическая уния, в которой согласовывались условия союза. Наиболее существенным оказалось, что, находясь под венгерским правлением, Хорватия сохраняла некоторые свои институты, в частности, хорватский парламент – *Сабор*, статус вице-короля с названием *бан*, сохранялись хорватские земли и титулы. Этот союз просуществовал до 1918 года. За столь длительный период много венгров переселилось на территорию хорватских земель, что способствовало смешению населения и стиранию четких этнокультурных границ.

Итак, в начале XII в. Хорватия перестала существовать как независимое государство и в течение многих столетий не могла вернуть себе самостоятельность [об истории Хорватии см. Мартынова 1988; Фрейдзон 2001; Нека 2011 и др.]. Её дальнейшая этническая история представляла собой непрерывную борьбу за сохранение своей общности. В 1105–1107 гг. Венгрия присоединила и далматинские города с островами. Хорватские земли в составе Венгерского королевства носили название «Королевство Хорватия, Славония и Далмация» и были несколько обособлены от собственно венгерских земель. Во второй половине XIII в. хорватская территория была поделена на две части – бановины: Хорватию с Далмацией и Славонию. Историческое развитие этих двух областей не представляло единого целого так же, как и в предшествующий период. Они различались между собой историческими традициями, социальной структурой и степенью экономического и культурного развития.

Славония в тот период охватывала территорию от р. Дравы до р. Купы. Вхождение в состав Венгрии несколько ускорило здесь развитие общественных отношений и дальнейшую социальную дифференциацию. В Славонии венгерскими властями было установлено административное деление по принципу, существовавшему в самой Венгрии (жупании – основные административные единицы – укрупнялись). Славония в большей степени была подвергнута мадьяризации, которая в этих областях встречала значительно меньший отпор, чем в других хорватских землях. Венгерское влияние распространялось на различные стороны жизни населения Славонии, не обошло оно и традиционную культуру этого региона. Целый ряд элементов материальной и духовной культуры хорватов доходит до южной границы Паннонии и уже дальше на юг не распространяется. Это различные виды верхней одежды (например, венг. *szür*, хорв. *surina*), головные уборы (хорв. *porta*, венг. *parta*), некоторые виды украшений, аппликации на одежде, планировка славянских сел и др. [Мартынова 1988: 15].

В Далмации и Хорватии венгерское господство вызвало сравнительно мало перемен. Приморское положение далматинских городов обуславливало торговые и культурные связи с Венецией. В 1409 г. Далмация была захвачена Венецией и находилась под ее господством в течение четырех столетий (до 1797 г.). У венгерско-хорватских королей на побережье сохранилась только территория к северу от р. Зрманьи. Под власть Венеции не попал также Дубровник, который все больше укреплял свою самостоятельность и в 1358 г. стал самоуправляемой общиной с номинальной властью венгерско-хорватского короля.

Для дальнейшей этнокультурной судьбы Хорватии, как и всего региона, важное значение имело господство Османской империи на Балканах. Исследователями неоднократно отмечалось, что османское время в Юго-Восточной Европе вызвало перемены социально-экономического, политического, демографического и культурного характеров в Балканском регионе. Следствием османских завоеваний

явились миграции населения и проникновение на хорватскую территорию неэтнических групп. После разгрома венгерской армии при Мохаче (1526 г.) к Турции отошли области, ранее входившие в состав Венгерско-Хорватского королевства (Срем, Славония, часть Далмации и Боснии, северная Сербия). Небольшая территория Хорватии, так называемые остатки остатков, после гибели короля Людовика II и в результате династического брака Фердинанда I Габсбурга перешла в 1527 г. под власть Габсбургов, которые правили Хорватией до начала XX века. Усиленная с этого времени германизация также сыграла значительную роль в этнической картине хорватских земель.

Нельзя не упомянуть и то обстоятельство, что необходимость противостоять Османской порте вынудила Габсбургов пойти на ряд преобразований в пограничных с ней областях. В частности, на протяжении XVI в. шло формирование так называемой Военной границы (ее еще называли Хорватско-Славонская Краина) как системы укрепленных поселений, жители которых несли службу по охране пределов страны. Территориально Краина охватывала южные области Венгерского королевства, а именно находящегося с ним в унии Королевства Хорватии и Славонии. Поскольку эти земли были опустошены и имели редкое население, Австрийская монархия (с 1804 г. Австрийская империя) была заинтересована в переселении сюда лиц, способных нести военную службу. Это население получило название «границары», оно имело разное происхождение [Јовић 1962, 128]. Военная граница не подчинялась гражданской администрации, а находилась в прямом ведении австрийских властей.

XVII в. положил начало новой ступени в борьбе как османскими, так и с австрийскими властями. После изгнания османов из среднего Подунавья по Карловацкому договору в 1699 г. Славония отошла к Габсбургам. На этих территориях, некогда входивших в состав Венгрии, было создано Королевство Славония, объединенное с Хорватией (которая находилась в союзе с Венгрией и под управлением Габсбургов). Славония имела двойное управление (как хорватскими, так и венгерскими государственными структурами). В начале XVIII в. территории королевств Хорватии и Славонии были разделены на гражданскую и военную [Дронов 2020, 4].

Административно-политическое устройство хорватских земель, а именно происходящие в нем в зависимости от исторической ситуации изменения, оказывали влияние на формирование этнического состава местного населения. Массовые спонтанные и плановые переселения (колонизация) были типичны для всей территории южной Венгрии, в т.ч. Славонии и других хорватских земель на протяжении нескольких столетий. В первой половине XVIII в. немцы переселялись в крупные города восточной Славонии (Осек, Вуковар, Вировитица), а в 60–70 гг. XVIII в. уже и в более мелкие поселения и села. Тогда же происходило плановое переселение венгров, словаков, чехов, русинов в Срем и Славонию. В источниках того времени среди жителей Хорватии и Славонии упоминаются венгры, чехи, словаки, словенцы (Kranjce, Štajerce), немцы (Tirolce, Bavarce), итальянцы (Venecijance, Firentince, Lombarde i dr.), вlahи и др. Некоторые из них приезжали сюда в поисках временной работы, другие же оставались на постоянно. Занятия переселенцев были самыми разными, это были крестьяне, торговцы, ремесленники, строители, священники и т.д. [Dobrovšak 2014, 30].

В связи с политикой усиленной централизации, проводимой Веней, среди хорватов и венгров росли антигабсбургские настроения. Целью австрийских властей было стремление объединить чрезвычайно пестрые в этническом, социальном, экономическом положении земли империи в целостное государство. Период с 1820 по 1848 гг. отмечен рядом революций в различных странах Европы. Под влиянием этих событий нарастало и национально-освободительное движение в Австрийской империи, где в 1848 г. началась революция. После поражения революции 1848–1849 гг. здесь воцарился абсолютистский режим. На Хорватию был распространен австрийский гражданский кодекс. Немецкий язык на всей территории империи (кроме Ломбардии и Венеции) был объявлен языком администрации и языком преподавания в школах. Правительство наносило удары по национальным учреждениям, закрывались читальни, газеты. И все же революция 1848–1849 гг. явилась началом новой эпохи в жизни народов, входивших в состав Австрийской империи.

К 1860-м гг. стала очевидной недееспособность централистской политики, это привело к австро-венгерскому компромиссу. Для дальнейшей этнической судьбы хорватских земель важное значение имело превращение в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую монархию Австро-Венгрия, после чего власть над Хорватией и Славонией была передана Венгрии. Положение хорватских земель в ее составе определяло венгерско-хорватское соглашение 1868 г., по которому Королевства Хорватия и Славония были объединены в Королевство Хорватия-Славония. Формально ему была предоставлена автономия в сфере администрации, суда, церкви и культуры [Šišić 1962: 448], что, конечно, было весьма существенно для формирования нации. Хорватский язык признавался на территории Хорватии официальным. Однако вопросы, касавшиеся экономики и финансов, оставались в ведении венгерских

правлящих кругов, все законы здесь вступали в силу лишь после утверждения их венгерским правительством. Королевство Далмация де-факто оставалось под австрийским контролем.

Вторая половина XIX в. была отмечена новой волной миграций венгров и немцев на хорватские земли. Установление специальным документом низких цен на землю в Славонии и Среме привело к массовому переселению сюда с 1860-х гг. венгров и немцев, а также представителей некоторых других этнических групп, в частности, из областей Бачка и Банат. Некоторое количество венгров пришли в Вировитичку, Пожешку и Беловарскую жупании (хорв. Virovitička, Požeška i Bjelovarska županija). Переселение немцев, венгров, а также чехов и русин (позднее украинцев) в Славонию и Срем продолжалось вплоть до начала XX в., а в некоторых случаях и после Первой мировой войны. С 80-х гг. XIX в. долгое время на территории современной Хорватии существовали села, в которых немцы, венгры и сербы составляли большинство населения. Для Славонии была типична ситуация, когда переселенцы вселялись в уже существующие хорватские или сербские села, а не основывали свои поселения [Dobrovšak 2014, 30–31].

После того, как в соответствии с Берлинским договором 1878 г. территория Боснии и Герцеговины отошла Австро-Венгрии, была ликвидирована Военная граница, ее территория в 1881 г. возвращена Хорватии, что было подкреплено венгерско-хорватским соглашением. Возобновившиеся попытки реформирования Австро-Венгрии, направленные на выделения Хорватии в качестве федеральной единицы, были прекращены в связи с началом Первой мировой войны. После ее завершения в 1918 г. Хорватия вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (Австрийское Приморье – полуостров Истрия, города Риека и Задар отошли к Италии под названием Венеция-Джулия). В 1929 г. государство было переименовано в Королевство Югославия.

Бурные события первых десятилетий XX в., возникновение в 2018 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, Трианонский мирный договор 1920 г. и установление новых государственных границ в регионе привели к тому, что значительная часть венгерского населения оказалась за пределами Венгрии, на территориях соседних государств. С этого времени венгерское население в Хорватии, также как в других регионах Югославии, оказалось в положении национального меньшинства.

Что касается численности венгров, первые официальные данные об этническом составе хорватских земель были опубликованы в статистических таблицах за 1850/1851 гг. Судя по ним, среди жителей гражданской части Хорватии было 71,97% хорватов, 25,57% сербов, 0,91% немцев, 0,66% венгров, 0,13% словаков (русины и румыны не перечислены). На территории хорватской Военной границы структура населения несколько отличалась: 50,11% хорватов, 32,43% сербов, 11,86% румын, 3,95% немцев, 0,92% словаков, 0,52% венгров и 0,05% евреев [Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Band III, Die Völker des Reiches, 1. Teilband, s. 627–628, цит. по Dobrovšak 2014, 40]. С 1857 по 1910 г. переписи населения Австрийской империи национальности не фиксировали. Видя в этом инструмент пресечения «национальных сепаратизмов», Габсбургская официальная статистика в этот период учитывала вероисповедание и язык граждан. В Хорватии (без Далмации и Истрии) венгерский язык назван родным для: в 1880 г. – 41 417 чел., в 1890 г. – 68 794 чел., в 1900 г. – 90 180 чел., в 1910 г. – 105 948 чел. [Dobrovšak 2014, 42]. Эти данные позволяют сделать вывод, что численность венгров на хорватских землях во времена Австро-Венгрии постоянно увеличивалось.

Хорватские венгры на правах меньшинства в югославский период

С созданием на Балканах нового государства Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС), с 1929 г. – Югославии, статус венгров, как и немцев, изменился. Унаследовав от своей предшественницы Австро-Венгрии не только территорию, но и полиэтничное и многоконфессиональное население, Королевство СХС, будучи среди стран, заключивших по итогам Первой мировой войны мирный договор (Сен-Жермен, 1919), подписало также и Конвенцию о защите меньшинств, взяв на себя соответствующие обязательства. Этнические, религиозные и языковые меньшинства могли на собственные средства создавать организации, школы и другие учреждения, свободно пользоваться своим языком и исповедовать свою религию. Кроме того, принцем-регентом Александром (с 1921 г. – король Александр I Карагеоргиевич) нового королевства в том же году была издана Прокламация (Proklamacija), в которой признавались права немецкого, венгерского, румынского, чешского, русинского и итальянского меньшинств и равноправие всех религий.

Первая конституция Королевства СХС, так называемая Видовданская конституция (Vidovdanski Ustav), принятая в 1921 г., гарантировала одинаковые права всем гражданам. В ст. 16 говорилось о праве на получение школьного образования на родном языке для представителей меньшинств. Детальнее этот вопрос был разработан в ряде законов (Zakon o narodnim (osnovnim) školama (1929), Zakon o

univerzitetima (1930) i Zakon o građanskim školama (1931)). Также были приняты специальные законы, касавшиеся религиозных сообществ. Исследователи приводят данные, что более всего школ для меньшинств имели венгры наряду с немцами, чехами, словаками и евреями. Важным фактором культурной жизни меньшинств была также пресса. Она позволяла не только сохранять родной язык, но и стала важным информационным ресурсом, поддерживавшим идентичность. По числу изданий лидировали немцы и венгры, что объяснимо в силу предшествующей печатной традиции [Dobrovšak 2014, 51]. Вместе с тем, нужно вспомнить, что согласно Закону о выборах делегатов в парламент от 1920 г. (Zakon o biranju poslanika za Ustavotvornu skupštinu), а именно ст. 9 (поскольку закон о гражданстве не был принят) гражданство признавалось за всеми длительное время проживающими на территории какой-либо из общин Королевства СХС, если они по происхождению и языку славяне [Serulo 1999, 802; Dugački 2012, 396]. Т. о. венгры в число получивших право голоса граждан не вошли. Отсутствие у них политических прав власти объясняли тем, что до 1922 г. венгры и немцы имели возможность переселиться в Венгрию или Австрию. Изменения произошли в связи с участием национальных меньшинств в парламентских выборах 1923 г., когда появились политические партии Немецкая, Венгерская и Румынская, а также Словацкая народная партия (Njemačka, Mađarska i Rumunjska stranka, Slovačka narodna stranka). Но в измененном в 1922 г. Законе о выборах по-прежнему оставался неясным вопрос о гражданстве и об избирательном праве отдельных национальных меньшинств (венгров, немцев и румын) [Dobrovšak 2014, 51].

К сожалению, ситуация усугубилась после установления в 1929 г. королем Александром военно-монархической диктатуры и взятого Королевством Югославией курса на централизацию государства и ассимиляцию иноэтничного населения. Конституция 1931 г., утвержденная без согласования с парламентом, вовсе не содержала упоминаний национальных меньшинств [Borožan 2000, 361–366; Sobolevski 2000, 396–410; Dobrovšak 2014, 43–46]. Их политическая активность стала стагнироваться. На основании поправок 1929 г. к Закону от 1921 г. о защите государства (Zakon o zaštiti države, полное название Zakon o zaštiti javne bezbednosti i poretka u državi) были распущены политические партии, в том числе и партии национальных меньшинств. На выборах 1935 и 1938 гг. представители национальных меньшинств могли присоединиться или сотрудничать с теми или иными партиями, но не выступать самостоятельно.

Королевство Югославии свою политику по отношению к национальным меньшинствам базировала на стремлении обеспечить им этническое развитие, но с другой стороны их численность сокращалась, происходила естественная ассимиляция, обстоятельства способствовали миграции представителей иноэтничного населения.

Это подтверждается данными переписей населения, которых в межвоенный период было проведено две – в 1921 и в 1931 гг. Ни одна из них не дает точных данных об этническом составе населения, т. к. фиксировались сведения о родном языке и вероисповедании. При этом показатели по языку и религии не совпадают [Sobolevski 2000, 401]. Согласно переписи 1921 г. на территории Хорватии и Славонии говорили на венгерском языке 71 928 чел., в Далмации – 68 чел. Значительное венгерское меньшинство проживало в хорватской части исторической области Баранья. Точное число венгров установить сложно, т. к. данные по областям Банат, Бачка, Баранья – 376 107 чел. – приводятся вместе [Definitivni rezultati 1932]. Другой, венгерский источник также со ссылкой на перепись 1921 г. пишет, что на территории Хорватии в ее современных границах венгерский язык был родным для 81 835 чел. [Kocsis 1998, 171]. Спустя десятилетие, в 1931 г. перепись населения Королевства Югославии зафиксировала сокращение венгероязычного населения до 69 671 чел. [Stanovništvo predratne Jugoslavije 1945; Kocsis 1998, 171; см. также Janjetović 2005] (См. Табл. 1).

Таблица 1

**Венгры в составе населения на территории современной Хорватии.
Данные переписей населения 1900–1931 гг.**

Год переписи	Численность	Процент
1900	101 617	3,2
1910	121 408	3,5
1921	81 835	2,4
1931	69 671	1,8

Источник: Kocsis 1998, 171

Так называемая «первая» Югославия исчезла во время Второй мировой войны. Провозглашенная в 1945 г. Федеративная Народная Республика Югославия, так называемая «вторая» Югославия стала федеративным государством (с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия). Все этнические группы Югославии по Конституции этой страны подразделялись на народы, «обладавшие нациеобразующей функцией» и имевшие свою государственность в виде союзных республик (как известно, Хорватия была одной из шести республик), и народности, принадлежность к которым определялась не численностью, а наличием своей государственности за пределами Югославии [Конституция 1974]. Т. о. венгры входили в число народностей. Значительная часть их проживала в СР Сербии (в автономном крае Воеводина), а также в СР Хорватии и СР Словении. Например, по данным переписи населения 1981 г. в стране насчитывалось 426 867 венгров, что составляло 1,9% населения. Из них жителями Хорватии было 25 439 венгров или 0,6% ее населения [Popis stanovništva 1981; 8, 18]. Если же сравнивать численность венгров в Хорватии с первой послевоенной переписи 1948 г. до последней переписи СФРЮ 1991 гг., то можно увидеть, что она сократилась более, чем в два раза: от 51399 чел. до 22355 чел., а доля их с 1,4% до 0,46% (См. Табл. 2).

Таблица 2

Венгры в составе населения Хорватии. Данные переписей населения 1948–1991 гг.

Год переписи	Численность	Процент
1948	51 399	1.4
1953	47 711	1.2
1961	42 347	1.0
1971	35 488	0.8
1981	25 439	0,6
1991	22 355	0,46

Источник: Državni zavod za statistiku. Stanovništvo prema narodnosti. Popisi 1971–2011.

При этом все югославские конституции (1946, 1963, 1974 гг.) гарантировали равноправие народов и народностей, населяющих Югославию, равноправие их языков и письменности (ст. 245, 246). Каждому народу и народности гарантировалось право свободно пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою национальную культуру и самобытность (ст. 247). Статья 154 Конституции, как бы суммируя по разным параметрам равенство граждан СФРЮ, гласила: «Граждане равны в правах и обязанностях, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, образования или общественного положения. Все равны перед законом» [Конституция 1974, 189, 224–225]. Конституция СР Хорватии (ст. 138), подобно общенациональной и другим республиканским конституциям, также гарантировала равноправие языков и письменности народов и народностей на территориях их проживания [Ustav Socijalističke Republike Hrvatske 1974, 131]. Ст. 139 предписывала общественно-политическим объединениям и другим организациям в пределах своих прав и обязанностей, выделять средства для обеспечения потребностей, гарантируемых народностям конституцией [Ustav Socijalističke Republike Hrvatske 1974, 132].

Для обсуждения, согласования национальных интересов и проблем межэтнических и межреспубликанских отношений в СФРЮ широко использовался институт комиссий по межнациональным отношениям, создававшихся на союзном, республиканском и краевом уровнях. Общим законом о школах, а также принятыми на базе его дополнительными союзными положениями и республиканскими законами определялись условия и способ осуществления прав на образование на родном языке. Согласно положениям этого закона, в районах, где проживали меньшинства, обеспечивалось обучение на их языках для детей дошкольного возраста, в восьмилетних школах, гимназиях, специальных школах и университетах, а также подготовка преподавателей для этих видов обучения. Закон предусматривал и право открытия школ с двуязычным обучением. Республиканские законы и краевые положения подробно разрабатывали формы претворения в жизнь этого права.

Так, например, в 1986/87 уч. году в СФРЮ работало 1570 основных школ и 272 средних школы с преподаванием на языках народностей. Из них с венгерским были 152 основных и 66 средних школ [Statistički godišnjak 1989, 373]. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках национальных меньшинств.

В Хорватии в период СФРЮ численность отделений для венгерских детей и количество учащихся в них было более ли менее стабильным, хотя и имело незначительную тенденцию к уменьшению. Например, в 1979/1980 уч. году в республике было 783 ученика в школах с венгерским языком, а в 1983/1984 г. – 698 учеников (См. Табл. 3).

Таблица 3

Численность учащихся и отделений в школах с венгерским языком в СР Хорватии

Уч. год	Число учеников	Количество отделений
1979/1980	783	57
1980/1981	758	57
1981/1982	738	56
1982/1983	718	56
1983/1984	698	55

Источник: Novak-Lukanović 1986, 77.

Право на развитие своей национальной культуры предусматривало создание культурно-просветительных и художественных обществ и объединений или национальных секций при организованных на территориальной основе обществах для развития самостоятельности в области культуры на родном языке, работу профессиональных и народных театров, народных университетов, образовательных центров, издательскую деятельность, радио- и телевизионные передачи и т.д. Так, например, в 1988 г. на венгерском языке в СФРЮ было издано 116 книг [Statistički godišnjak 1989, 394]. Кроме того, на разных языках печатались также газеты и журналы – в 1987 г., например, было опубликовано на венгерском языке соответственно 32 и 18 периодических изданий [Statistički godišnjak 1989, 393].

Статус венгров в современной Республике Хорватии

Хорватия провозгласила свою независимость от СФРЮ в 1991 г. в границах бывшей одноименной республики, получив полный контроль над всей своей территорией в 1998 г. после завершения гражданской войны (1991–1995 г.) и вывода миротворческих сил из восточных областей (населенных в т. ч. и венграми). За прошедшие с тех пор почти три десятилетия в Хорватии произошли существенные демографические изменения. Они касаются в также и венгров. Первая перепись населения Республики Хорватии состоялась в 2001 г. Она зафиксировала, что в стране проживает 16 595 венгров, что составляло 0,37% ее жителей. Спустя десять лет, в 2011 г. венгров здесь стало на 2,5 тыс. меньше: 14 048 чел., в процентном отношении это 0,33 %. В дальнейшем темпы сокращения венгерского населения ускорились. Так, в 2021 г. численность венгров уменьшилась еще на 4 тыс., до 10 315 чел. или до 0,27 % от населения [Državni zavod za statistiku 2022] (см. Табл. 4).

При этом не все венгры указывают в качестве родного венгерский язык. Численность его носителей сокращается. В 2001 г. из 16 595 венгров назвали родным языком венгерский 12 650 чел., в 2011 г. из 14 048 – 10 231 чел., в 2021 г. из 10 315 – 7 218 чел. (см. Табл. 4).

Таблица 4

Численность венгров и число владеющих венгерским языком жителей в составе населения Республики Хорватии. Данные переписей населения 2001–2021 гг.

Год переписи	Численность венгров	Процент венгров	Число владеющих венгерским языком	Процент владеющих венгерским языком
2001	16 595	0,37	12 650	0,29
2011	14 048	0,33	10 231	0,24
2021	10 315	0,27	7 218	0,19

Источник: Stanovništvo prema narodnosti 2022: 13; Popis 21 2022: 11; Popis 2011: 11; Stanovništvo prema materinskom jeziku 2022: 13.

Венгры почти исчезли на территории округа Срием, в Восточной Славонии осталось лишь несколько сел с автохтонным венгерским населением. Сокращается количество венгров в других населенных пунктах. Данные Табл. 5 и Диаграммы 1 наглядно демонстрируют ситуацию в столице государства – Загребе. Если в 1910 г. здесь венгры составляли более 5% жителей, то к 2021 г. их доля

составляла 0,1%. Вопросы сокращения численности венгров не остаются без внимания как политиков, так и исследователей. В частности, хорватский ученый, академик Венгерской академии наук Андраш Богнар (András Bognár) считает объективными причинами этого процесса не только естественную ассимиляцию, но и последствия продвижения Османской империи на Балканы, а затем и Гражданскую войну 1991–1995 гг. в регионе [Bognar 2016]. После вступления Хорватии в Евросоюз немало венгров выехало в Венгрию и другие страны Европы.

Таблица 5

Численность и процент венгров в Загребе по годам переписей

Год переписи	1880	1980	1900	1910
Численность венгров	582	1 180	2 805	4 028
% от населения Загреба	1,89%	2,93%	4,60%	5,10%

1921	1931	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2001	2011
1 206	2 210	1 058	1 085	430 802	602 205	768 700	933 914	779 145	790 017
1,11%	1,19%	0,38%	0,31%	0,30%	0,22%	0,15%	0,11%	0,11%	0,10%

Источник: Mađarsko kulturno društvo «Ady Endre»

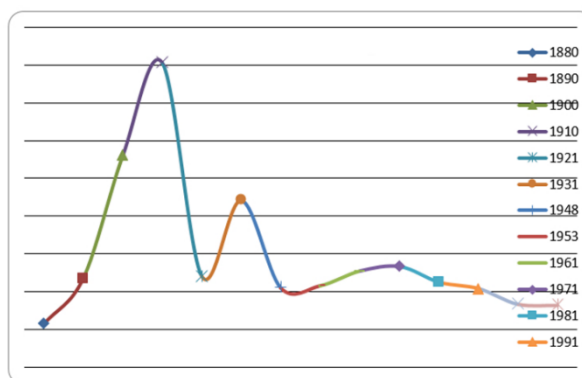

Диаграмма 1. Численность венгров в Загребе по годам переписей
Источник: Mađarsko kulturno društvo «Ady Endre»

Необходимо отметить сокращение общего количества представителей национальных меньшинств в Хорватии. За период с 2011 по 2021 г. в стране их стало меньше на 88 659 чел. Согласно переписи населения 2021 г. здесь проживает 240 079 или 6,2% лиц нехорватской национальности, тогда как в 2011 г. таковых было учтено 328 738 чел., что составляло 7,67% населения страны [Popis 2011; Popis 2021].

Хотя доля нехорватского населения в Хорватии относительно мала, законодательство обеспечивает ему защиту в соответствии с мировыми стандартами. Еще в 1990 г. было принято несколько поправок к Конституции СР Хорватии, а затем в том же году и новая Конституция Хорватии. В ее вводной части было записано, что Хорватия создается как национальное государство хорватского народа и таких народов и меньшинств, как сербы, мусульмане², словенцы, чехи, словаки, итальянцы, венгры, евреи и др. [Ustav Republike Hrvatske 1990]. Т. о. новая конституция, а затем и принятые к ней 1997 г. поправки вывели из употребления термин «народности». Отныне «народом» именовались только хорваты, для всех остальных этнических групп использовалось понятие «национальные меньшинства». Список «автохтонных национальных меньшинств» был также несколько изменен [Ustavni zakon 1997]. Очередное уточнение формулировок о правах национальных меньшинств на конституционном уровне произошло в 2000 г., а в 2001 г. была опубликована Конституция Хорватии в новой, до сих пор актуальной редакции. В ее ст. 15 сказано, что «в Республике Хорватии гарантируется равноправие представителей всех национальных меньшинств. Равноправие и защита прав национальных меньшинств регулируется Конституционным законом... Законом может, помимо общего избирательного права,

² Этим термином в Югославии назывался один из народов страны, сегодня его заменил термин «бошняки».

представителям национальных меньшинств гарантироваться особое право избирать своих представителей в Хорватский парламент (Hrvatski sabor). Представителям всех национальных меньшинств гарантируется свобода выражения национальной принадлежности, свободное использование своего языка и письменности и культурная автономия» [Ustav Republike Hrvatske 2001].

В 1995 г. был подписан билатеральный договор с Венгрией, согласно ст. 4 которого стороны гарантируют использование венгерского языка в Хорватии и хорватского в Венгрии в публичной деятельности: в топонимике, органах местного самоуправления, в судебных процессах и т.д. [Sporazum 1995]. Различные направления экономического, торгового, культурного, научного, транспортного и др. сотрудничества между Хорватией и Венгрией регламентируют более 100 различных договоров и соглашений. В 1997 г. Хорватия ратифицировала Хартию о миноритарных и региональных языках Совета Европы, взяв обязательства по защите, развитию, сохранению семи языков, в т.ч. венгерского.

Языковые вопросы более конкретно регулируются законом 2000 г. «Об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватия» (Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj). На основании ст. 4 условиями для получения языком официального статуса считается преобладание представителей национальных меньшинств в населении общины (муниципалитета) или города, наличие со стороны Хорватии соответствующих обязательств в международных договорах, фиксация статутом³ общины, города или области (жупании), в соответствии с основными законами страны и международными документами, на территории которых на равноправной основе может использоваться язык того или иного меньшинства как служебный [Zakon 2000].

В 2002 г. был принят Конституционный закон «О правах национальных меньшинств» (Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina). В его ст. 12 уточняется, что право на служебное употребление языка и письменности предоставляется в тех единицах местного самоуправления, где численность представителей национального меньшинства составляет не менее трети всего населения этой единицы [Ustavni zakon 2002].

Таблица 6

Общины (муниципалитеты), в которых официально используется венгерский язык

Община (općina)	Назв. на венг. яз.	Поселения	Введено на основании	Численность насел. (2021 г.)	Процентная доля венгров (2021 г.)	Округ (županija)
Кнежеви Виногради (Kneževi Vinogradi)	Hercegszöllös	Кнежеви Виногради, Каранац, Змаевац, Суза, Каменац, Котлина	Конституционный закон	3 357	38,70%	Осиек-Баранья
Билье (Bilje)	Bellye	Все насел. пункты	Муниципальный статут	4 772	25,94%	Осиек-Баранья
Эрнестиново (Ernestinovo)	Ernőháza	Ласлово	Муниципальный статут	1 948	15,61%	Осиек-Баранья
Петловац (Petlovac)	Baranyaszentistván	Нови Бездан	Муниципальный статут	1 874	13,02%	Осиек-Баранья
Томпоевци (Tompojevci)	Tompojevce	Чаковци	Муниципальный статут	1 116	9,0%	Вуковар-Срием
Тординчи (Tordinči)	Valkótard	Кородж	Муниципальный статут	1 657	18,65%	Вуковар-Срием

Источник: Stanovništvo prema materinskom jeziku 2022

³ Статут в соответствии с «Законом о местном самоуправлении» является основным законом муниципалитета (общины) и области (жупании) (аналог устава в России). Анализ отражения языковых вопросов в региональном законодательстве Хорватии был предпринят российским исследователем Д. А. Катуниним [Катунин 2010, 18–44].

В соответствии с результатами переписи населения 2021 г. в 6 муниципалитетах Хорватии венгерский язык используется в органах местного управления и в образовании либо на всей территории, либо на ее части, в зависимости от численности венгров (см. Табл. 6). Порог в одну треть венгерского населения преодолела лишь одна община – Кнежеви Виногради (Кнеževi Vinogradi) в округе (жупании) Осиек-Баранья, где венгры составили 38,7% населения. В том же округе чуть больше четверти жителей составляют венгры в общине Билье, 15–13% в общинах Эрнестиново и Петловац. Венгерские анклавы есть также в округе (жупании) Вуковар-Срием (в общинах Тординчи и Томпоевци).

Общественная и культурная жизнь венгров в современной Республике Хорватии

В Хорватии действуют организации венгерского меньшинства, и венграм гарантировано одно место в хорватском парламенте – Скупштине, куда их специальный уполномоченный избирается регулярно с 1992 г. Они также представляют в органах местной власти. Основными объединениями венгров в Хорватии являются Демократический союз венгров Хорватии (венг. *Horvátországi Magyarok Demokratikus Közössége* или НМДК, хорв. *Demokratska zajednica Mađara Hrvatske*) и Союз венгерских ассоциаций (венг. *Magyar Egyesületek Szövetsége* или МЕСЗ, хорв. *Savez mađarskih udruga*). Этим организациям, деятельность которых направлена на осуществление информационных, издательских и культурных программ, оказывается государственная финансовая поддержка в соответствии с условиями двусторонних договоров с Венгрией.

Демократический союз венгров Хорватии был создан в 1993 г. сначала в Загребе, а затем его центр было решено переместить в г. Осиек, поскольку именно в области Баранья проживает большинство хорватских венгров. Основное внимание Демократический Союз уделяет работе в нескольких жупаниях: Осиечко-Бараньской, Сплитско-Далматинской, Истрийской, Вуковарско-Сриемской. На их территориях действует более 20 фольклорных и музыкальных коллективов. Информационная деятельность выражается в издании еженедельника «Új Magyar Képes Újság», ежемесячника «Horvátország Magjarság», детской газеты «Barkosa» и ежегодника «Rovatkak» [Ured za ljudska prava; Sedmo izvješće 2022: 59].

Союз венгерских ассоциаций основан в 1998 г. с центрами в г. Бели Манастир и Загреб. Он распространяет свою деятельность на Осиечко-Бараньскую, Загребскую, Задарскую, Пожешко-Славонскую, Копривничко-Крижевачкую, Биеловарско-Билогорскую, Истрийскую, Вуковарско-Сриемскую и Приморско-Горанскую жупании. Под его эгидой издается еженедельник «Horvátországi Magyar Naplo», ежемесячник «Nagyatek», детская газета «Szyvarvany» и ежегодник «Evkony» [Ured za ljudska prava]. Союз венгерских ассоциаций координирует работу культурных коллективов и других мероприятий, с 2000 г. организывает Смотр хоров венгров Хорватии.

Официально зарегистрированы как общественные организации еще несколько обществ. Почти полвека назад, в 1974 г. был учрежден Союз венгров Республики Хорватии (Savez Mađara Republike Hrvatske) с центром в г. Осиек. В 1996 г. в Загребе возникло Общество венгерских ученых и деятелей культуры Хорватии (Društvo mađarskih znanstvenika i umjetnika u Hrvatskoj), инициированное учеными, преподавателями университета, писателями и деятелями культуры, среди которых были и члены Венгерской академии наук. Оно активно работало до 2016 г., вело научные исследования, проводило конференции, читало популярные лекции, издавало книги на венгерском и хорватском языках. В 1998 г. общество стало издавать электронную газету «Венгры в Хорватии». Но в связи с прекращением финансирования, деятельность организации постепенно сошла на нет [László б/г].

В 1996 г. был создан Союз венгерских учителей Республики Хорватии (Savez mađarskih učitelja Republike Hrvatske) с центром в г. Осиек, а в 1999 г. там открыли Образовательно-культурный центр венгров в Республике Хорватии (хорв. *Prosvjetno-kulturni centar Mađara u Republici Hrvatskoj*, венг. *Horvátországi Magyar Oktatási és Művelődési Központ*). Центр, частично финансируемый из бюджета, ставит целью поддержку венгерского языка и культуры. При центре был организован детский сад и школа, устраиваются летние школы. Среди наиболее массовых регулярных мероприятий следуют упомянуть «Дни венгров в Осиеке», которые проводит с 1999 г. Венгерское культурное общество «Népkör».

Значительную часть работы по продвижению венгерской культуры взял на себя столичный город Загреб. Органом самоуправления, координирующим эту деятельность, стало Вече венгерского национального меньшинства г. Загеба (Vijeće mađarske nacionalne manjine Grada Zagreba), созданное в 2003 г. в соответствии с конституционным законом «О правах национальных меньшинств» 2002 г. существенная часть инициатив Веча связана с регулированием избирательной деятельности с целью представительства в органах власти. Информационным органом этой организации учрежден бюллетень

(Bilten Mađara Zagreba). Было опубликовано 97 номеров, последний, доступный на сайте, увидел свет в 2019 г. [Vijeće Mađarske nacionalne manjine].

Нельзя не вспомнить загребское Венгерское культурное общество *Ady Endre* (Mađarsko kulturno društvo *Ady Endre*), которое носит имя известного венгерского поэта Эндре Ади и ведет свою историю с 1932 г. Количество организованных им за 90 лет мероприятий огромно. В Загребе венгерские дети имеют возможность посещать венгерскую группу в детском саду «Потоchnица» (*Potočnica*), учиться по двуязычным программам в школе (Osnovna škola Ivana Gundulića) [Mađarsko kulturno društvo *Ady Endre*].

Согласно отчетности, ежегодно направляемой правительством Хорватии в Секретариат Совета Европы в соответствии со ст. 15 Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, ежегодно около 1000 детей обучается в начальных и средних школах Хорватии на венгерском языке или изучает его как предмет, а также проходят дошкольное обучение (См. Табл. 8). В качестве языка преподавания венгерский язык использовали в 2018/2019 уч. г. – 8, в 2019/2020 уч. г. – 11, в 2020/2021 уч. г. – 8 детских садов; 2018/2019 и в 2019/2020 уч. гг. – 9, в 2020/2021 г. – 10 основных школ; 2018/2019 уч. г. – 1, в 2019/2020 и в 2020/2021 уч. гг. – 3 средних школы [Sedmo izvješće 2022: 60, 63–66].

Таблица 8

Данные Министерства науки и образования Хорватии об образовании детей на венгерском языке

венгры	Число детей / учеников	Число учебных/ воспитательных заведений	Число классов/ отделений	Число учителей/ воспитателей
2018/2019 уч. год	1032	43	166	157
2019/2020 уч. год	1021	43	173	151
2020/2021 уч. год	870	43	166	153

Источник: Sedmo izvješće 2022, 60.

Высшее образование со специализацией по венгерскому языку, литературе и культуре можно получить в двух университетах Хорватии: на Философском факультете Загребского университета и на Философском университете г. Осиек, где есть отделения угроведения (унгаристики).

Еще раз подчеркнем, что в государственном бюджете предусмотрены ежегодные расходы на поддержку языков и других форм проявления культурного многообразия населения. Министерство науки и образования (Ministarstvo znanosti i obrazovanja) финансирует образовательные учреждения, издание учебников и литературы на языках меньшинств, в т. ч. на венгерском. По данным Министерства культуры и медиа (Ministarstvo kulture i medija), с 2019 по 2021 гг. «Радио Осиек» провело на венгерском языке 1094 эфира общей продолжительностью в 27 345 минут [Sedmo izvješće 2022, 67]. Хорватское телевидение (HRT) взяло на себя обязательство по еженедельному транслированию передачи («Manjinski mozaik»), предназначенной для представителей меньшинств на их языках с переводом на хорватский [Sedmo izvješće 2022, 69]. В г. Бели Манастир работает Центральная библиотека венгров Хорватии. На приобретение книг для ее фонда по данным за 2019–2021 г. ежегодно из бюджета выделялось по 15 000 кун [Sedmo izvješće 2022, 68]. В нескольких населенных пунктах со значительным количеством венгров (Батина, Кнежеви Виногради, Суза, Змаевац, Ласлово) установлены указатели не только на хорватском, но и на венгерском языках [Sedmo izvješće 2022, 66].

Отметим попечительскую роль соседней Венгрии в деле пропаганды венгерской культуры. С 2014 г. в Загребе действует Институт Листа-Венгерский культурный центр (Institut Lizst-Mađarski kulturni centar u Zagrebu). Его основная задача – познакомить население Хорватии с жизнью Венгрии, выступить в роли посредника между хорватскими и венгерскими культурными организациями [Institut Lizst].

За рамками данной статьи осталось рассмотрение конфессиональных вопросов. Отмечу лишь, что у венгерского населения есть возможность посещать богослужение на родном языке.

Заключение

Представленные в данном исследовании факты дают основание увидеть исторически обусловленные причины появления венгров на землях, населенных хорватами. Тесное многовековое взаимодействие со славянским населением, проживание в поликультурном регионе, а также повседневные межэтнические контакты приводят к взаимопроникновению культур. Практически все венгры Хорватии двуязычны. Они испытывают на себе сильное влияние хорватской культуры и языка.

В то же время исследование комплекса показателей, характеризующих состояние идентичности венгерского населения Хорватии, позволяет заключить, что в стране созданы все необходимые правовые и социально-культурные условия, необходимые для успешного поддержания и развития венгерской этничности. Разработана и утверждена детальная законодательная база, обеспечены индивидуальные и коллективные права представителей национальных меньшинств, самые активные члены диаспоры имеют возможность заниматься политической деятельностью, в том числе путем представительства в органах власти и создания различных организаций по этническому принципу; создана инфраструктура для благоприятной культурной жизни.

Несмотря на это, демографические данные свидетельствуют о постепенном, длящемся уже более века, уменьшении численности венгерского населения в Хорватии. Отрицательная динамика имеет объективные основания, связанные с изменением статуса группы в стране, миграционной подвижностью на фоне сложностей переходного периода, а затем и расширением возможностей трудоустройства в странах Европейского союза, в какой-то степени – с ассимиляционными процессами и низкой рождаемостью. Отметим, что, как и в случае с венгерским населением соседнего автономного края Воеводина в Сербии, проживание в регионах, соседствующих с «материнским» государством, оказывает безусловное влияние на население пограничья [см. Мартынова 2022, 528–540; Пилипенко 2022, 416–429]. Патерналистская политика Венгрии, отсутствие проблем с пересечением государственных границ, наличие у многих хорватских венгров двойного гражданства, доступность для молодежи образования в Венгрии, компактное проживание – все эти причины позволяют местным венграм чувствовать себя составной частью финно-угорского мира, быть включенными в венгерскую культуру.

С другой стороны, как показывают наши исследования в разных регионах пограничья, государственная граница является существенным разделительным и консолидирующим фактором. Она воздействует не только на конструирование гражданской идентичности, зависимой от страны проживания, но и на выработку специфических и уникальных проявлений этнокультурных показателей у индивидов. Поэтому дальнейшие исследования локального венгерского социума представляются весьма актуальными как в плане сбора эмпирических данных, так и в отношении выявления общетеоретических моделей развития этничности в условиях компактного проживания части народа на пограничье.

ЛИТЕРАТУРА

Дронов А. М. Место Военной границы в концепциях административно-политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в. Диссертация ... к. и. н. М.: Инслав РАН, 2020. 223 с. (рукопись).

Катунин Д. А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 18–44.

Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград, 1974.

Мартынова М. Ю. Хорваты. Этническая история. XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1988. 168 с.

Мартынова М. Ю. Венгры Воеводины: идентичность в фокусе демографии, политики, культуры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. Вып. 3. С. 528–540.

Пилипенко Г. П. Адаптация сербских и словенских заимствований в речи воеводинских и прекмурских венгров // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. Вып. 3. С. 416–429.

Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб: Алетейя, 2001. 318 с.

Јовић С. Етнографска слика славонске Војне границе. Зборник Матице Спрске за књижевност и језик. Нови сад, 1962 [1835]. Књ. 9–10. (изд. Беч, 1835, репринт Београд: Чигоја штампа, 2004. 131 с.

Bognar A. Demografski razvoj Mađara na području današnje Hrvatske od najranijih vremena do danas' / Bognár András. A magyarországi népesedési fejlődése Horvátország mai területén a legrégebbi időktől máig. Zagreb, 2016. 511 s.

Borosan D. Osnovni principi zaštite manjina u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca 1919–1921 // Dijalog povjesničara – istoričara. Kn. 2. Zagreb: Zaklada Friedrich-Naumann, 2000. S. 361–366.

Čepulo D. Pravo hrvatske zavičajnosti i pitanje hrvatskog i ugarskog državljanstva 1868–1918. – pravni i politički vidovi i poredbena motrišta // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. 1999. Br. 49 (6). S. 795–895.

Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 januara 1921 g. Sarajevo: Državna štamparija, 1932. Цит. по: Dobrovšak 2014. S. 48

Dobrovšak L. Povijest nacionalnih i vjerskih zajednica u Hrvatskoj od 1868. do 1941. Godine // Četvrti hrvatski simpozij o nastavi povijesti. Agencija za odgoj i obrazovanje. Zagreb, 2014. S. 23–53.

Dugački V. "Manjinska posla" – Političko organiziranje češke i slovačke manjine... // ČSP. 2012. br. 2. S. 389–413.

- Heka L.* Osam stoljeća hrvatsko-ugarske državne zajednice s posebnim osvrtom na Hrvatsko-ugarsku nagodbu. Szeged–Subotica: Pečuh, Baba Kiado, 2011. 101 s.
- Institut Lizst-Mađarski kulturni centar u Zagrebu [сайт]. URL: <https://culture.hu/hr/zagreb/o-nama>
- Janjetović Z.* Deca careva, pastorčad kraljeva: Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. Beograd: INIS, 2005. 457 s.
- Kocsis K., Kocsis-Hodosi E.* Ethnic geography of the Hungarian minorities in the Carpathian Basin. Budapest: Geographical Research Institute, Research Centre and Earth Sciences. 1998. 241 p.
- László H. M.* Društvo mađarskih znanstvenika i umjetnika u Hrvatskoj // Vijeće Mađarske nacionalne manjine grada Zagreba [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr/madari-u-zg/udruga/drustvo-madarskih-znanstvenika-i-umjetnika-u-hrvatskoj>
- Mađarsko kulturno društvo «Ady Endre» [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr/madari-u-zg/udruga/madarsko-kulturno-drustvo-ady-endre>
- Novak-Lukanović S.* Some Yugoslav Experiences in Asserting Equality of the Nations and Nationalities in the Field of Education // Rasprave in gradivo. Treatises and Documents. No 18. Ljubljana-Marec: Institut za narodnostna vprašanja, 1986. S. 32–90.
- Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama. Konačni rezultat // Statistički bilten. Beograd. 1982. Br. 1295.
- Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku // Statistička izvješća 1469/2012. Statistical Report. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics, 2013.
- Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 11 URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf
- Sedmo izvješće Republike Hrvatske o primjeni Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima. Zagreb: Vlada Republike Hrvatske, 2022. 175 s. (European Charter for Regional or Minority Languages. Seventh Periodical Report Presented to the Secretary General of the Council of Europe in Accordance with Article 15 of the Charter. CROATIA. Strasbourg-Zagreb: Council of Europe; Vlada Republike Hrvatske, 2022. 175 p.)
- Sobolevski M.* Nacionalne manjine u Kraljevini Jugoslaviji // Dijalog povjesničara – istoričara. Kn. 2. Zagreb: Zaklada Friedrich-Naumann, 2000. S. 396–410.
- Sporazum između Republike Hrvatske i Republike Mađarske o zaštiti mađarske manjine u Republici Hrvatskoj i hrvatske manjine u Republici Mađarskoj // Narodne novine – Međunarodni ugovori. 1995. № 8.
- Stanovništvo predratne Jugoslavije po veroispovesti i maternjem jeziku po popisu od 31.III.1931 godine – pregled po srezovima. Državni statistički ured, serija II, sveska 3. Beograd: Državna statistika, 1945.
- Stanovništvo prema narodnosti po gradovima/općinama // Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 11 URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf
- Stanovništvo prema materinskom jeziku // Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 13. URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf
- Stanovništvo prema narodnosti po gradovima/općinama (Population by ethnicity, by towns and municipalities) // Popis 2011. Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics].
- Statistički godišnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989.
- Šišić F.* Pregled poviesti hrvatskog naroda. Zagreb: Matica Hrvatska, 1962. 513 s.
- Ured za ljudska prava i prava nacionalnih manjina. Vlada Republike Hrvatske [сайт]. URL: <https://pravamanjina.gov.hr/nacionalne-manjine/nacionalne-manjine-u-republici-hrvatskoj/352>
- Ustav Socijalističke Republike Hrvatske // Ustav SFRJ, Ustav SRH, urednik Đuro Tepić. Zagreb: Narodne novine, 1974. P. 110–161.
- Ustav Republike Hrvatske // Narodne novine. 1990. № 56.
- Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske // Narodne novine. 1997. № 135. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092
- Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst) // Narodne novine. 2001. № 41. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2001_05_41_705
- Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina // Narodne novine. 2002. № 155. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2002_12_155_2532
- Vijeće Mađarske nacionalne manjine grada Zagreba [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr>
- Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj // Narodne novine. 2000. № 51. URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj>

Мартынова Марина Юрьевна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
119991, Россия, г. Москва, Ленинский просп., 32-А
E-mail: martynova@iea.ras.ru
ORCID: 0000-0001-7280-7450

*M. Yu. Martynova***HUNGARIANS IN CROATIA: HISTORICAL FATE AND CURRENT STATUS**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-546-561

The object of research in this article is the Hungarian population of the Republic of Croatia. The paper shows how the diaspora was formed and why its status was changing throughout the history. The author considers the factors that, in her opinion, affect the identity of Croatian Hungarians. The paper provides the demographic profile of the Hungarians, highlights legislative guarantees of minority rights and other forms of state support in the country of residence, describes socio-political, cultural, educational and outreach activities of Hungarians in Croatia. The author provides evidence of the high level of development of the Croatian legal framework in terms of maintaining the cultural diversity of the country, creating a wide range of social and living conditions necessary for the maintenance and development of ethnic identity among members of national minorities, including Hungarians. At the same time, the data of Croatian censuses of different years show a gradual decrease in the number of Hungarians since 1910. The negative dynamics is explained not only by their changing status in the state where they live on the border of states and cultures, but also by low fertility and migration mobility due to economic and other reasons, which are usually not in direct correlation with identity requests. Moreover, Hungarian identity becomes an additional resource when the younger generation chooses the most promising life strategies. The socio-anthropological approach to the analysis of empirical material allows for theoretical generalization, which reveals the role of state borders as a factor not only in national identity, but also in the formation of cultural characteristics of diasporas as a result of foreign ethnic surroundings.

Keywords: Republic of Croatia, identity, ethnic composition, national minorities, cultural diversity, ensuring rights, demography, borderland population

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 546–561. In Russian.

REFERENCES

- Bognar A.** Demografski razvoj Mađara na području današnje Hrvatske od najranijih vremena do danas' / Bognár András. A magyarság népesedési fejlődése Horvátország mai területén a legrégebbről idők ótaig. Zagreb, 2016. 511 s. In Croatian and in Hungarian.
- Borožan D.** Osnovni principi zaštite manjina u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca 1919–1921 // Dijalog povjesničara – istoričara. Kn. 2. Zagreb: Zaklada Friedrich-Naumann, 2000. S. 361–366. In Croatian.
- Čepulo D.** Pravo hrvatske zavičajnosti i pitanje hrvatskog i ugarskog državljanstva 1868-1918. – pravni i politički vidovi i poredbeno motrišta // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. 1999. Br. 49 (6). S. 795–895. In Croatian.
- Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 januara 1921 g. Sarajevo: Državna štamparija, 1932. Цит. по: Dobrovšak 2014. S. 48. In Croatian.
- Dobrovšak L.** Povijest nacionalnih i vjerskih zajednica u Hrvatskoj od 1868. do 1941. Godine // Četvrti hrvatski simpozij o nastavi povijesti. Agencija za odgoj i obrazovanje. Zagreb, 2014. S. 23–53. In Croatian.
- Dronov A. M.** Mesto Voenoj granicy v koncepcijah administrativno-politicheskogo ustrojstva korolevstva Horvatii i Slavonii v 40–70-e gody XIX v. [The place of the Military Border in the concepts of administrative and political organisation of the Kingdom of Croatia and Slavonia in the 40s-70s of the 19th century]. Ph.D. thesis. Moscow: Inslav RAS, 2020. 223 s. In Russian.
- Dugački V.** “Manjinska posla” – Političko organiziranje češke i slovačke manjine... // ČSP. 2012. br. 2. S. 389–413. In Croatian.
- Freydson V. I.** Istorija Horvatii. Kratkij ocherk s drevnejshih vremen do obrazovanija respubliki (1991 g.) [History of Croatia. A brief sketch from the earliest times to the establishment of the Republic (1991)]. Saint Petersburg: Aleteya, 2001. 318 p. In Russian.
- Heka L.** Osam stoljeća hrvatsko-ugarske državne zajednice s posebnim osvrtom na Hrvatsko-ugarsku nagodbu. Szeged–Subotica: Pečuh, Baba Kiado, 2011. 101 s. In Croatian.
- Institut Lizst-Mađarski kulturni centar u Zagrebu [сайт]. URL: <https://culture.hu/hr/zagreb/o-nama> In Croatian.

- Janjetović Z.** Deca careva, pastorčad kraljeva: Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. Beograd: INIS, 2005. 457 s. In Croatian.
- Jović S.** Etnografska slika slavonske vojne granice. Zbornik Matice Srpske za književnost i jezik. Novi sad, 1962 [1835]. Knj. 9–10. 131 s. In Serbian.
- Katunin D. A.** Sovremennoe jazykovoe zakonodatel'stvo Horvatii: stanovlenie i tendencii. Stat'ja pervaja // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Modern language legislation of Croatia: formation and trends. Article one // Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2010. № 2 (10). P. 18–44. In Russian.
- Kocsis K., Kocsis-Hodosi E.** Ethnic geography of the Hungarian minorities in the Carpathian Basin. Budapest: Geographical Research Institute, Research Centre and Earth Sciences. 1998. 241 p. In English.
- Konstitucija Socialističeskoj Federativnoj Respubliki Jugoslavii [Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia]. Belgrade. 1974. In Russian.
- László H.** Društvo mađarskih znanstvenika i umjetnika u Hrvatskoj // Vijeće Mađarske nacionalne manjine grada Zagreba [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr/madari-u-zg/udruge/drustvo-madarskih-znanstvenika-i-umjetnika-u-hrvatskoj> In Croatian.
- Mađarsko kulturno društvo «Ady Endre» [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr/madari-u-zg/udruge/madarsko-kulturno-drustvo-ady-endre> In Croatian.
- Martynova M. Yu.** Horvaty. Jetnicheskaja istorija. XVIII–XIX vv. [Croats. Ethnic history. XVIII–XIX cc.]. Moscow: Nauka, 1988. 168 p. In Russian.
- Martynova M. Yu.** Vengry Voevodiny: identičnost' v fokuse demografii, politiki, kul'tury [Hungarians in Vojvodina: identity in the focus of demography, politics and culture] // Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 528–540. In Russian.
- Novak-Lukanović S.** Some Yugoslav Experiences in Asserting Equality of the Nations and Nationalities in the Field of Education // Rasprave in gradivo. Treatises and Documents. No 18. Ljubljana-Marec: Institut za narodnostna vprašanja, 1986. S. 32–90. In English.
- Pilipenko G. P.** Adaptacija serbskih i slovenskih zaimstvovanij v reči voevodinskih i prekmurskih vengrov [Adaptation of Serbian and Slovenian loanwords in the speech of Hungarians living in Vojvodina and Prekmurje] // Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 416–429. In Russian.
- Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama. Konačni rezultat // Statistički bilten. Beograd. 1982. Br. 1295. In Croatian.
- Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku // Statistička izvješća 1469/2012. STATISTICAL REPORT. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics, 2013. In Croatian.
- Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 11 URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf In Croatian.
- Sedmo izvješće Republike Hrvatske o primjeni Europske povelje o regionalnim ili manjinskim jezicima. Zagreb: Vlada Republike Hrvatske, 2022. 175 s. (European Charter for Regional or Minority Languages. Seventh Periodical Report Presented to the Secretary General of the Council of Europe in Accordance with Article 15 of the Charter. CROATIA. Strasbourg-Zagreb: Council of Europe; Vlada Republike Hrvatske, 2022. 175 p.) In Croatian.
- Sobolevski M.** Nacionalne manjine u Kraljevini Jugoslaviji // Dijalog povjesničara – istoričara. Kn. 2. Zagreb: Zaklada Friedrich-Naumann, 2000. S. 396–410. In Croatian.
- Sporazum između Republike Hrvatske i Republike Mađarske o zaštiti mađarske manjine u Republici Hrvatskoj i hrvatske manjine u Republici Mađarskoj // Narodne novine – Međunarodni ugovori. 1995. № 8. In Croatian.
- Stanovništvo predratne Jugoslavije po veroispovesti i maternjem jeziku po popisu od 31.III.1931 godine – pregled po srezovima. Državni statistički ured, serija II, sveska 3. Beograd: Državna statistika, 1945. In Serbian.
- Stanovništvo prema narodnosti po gradovima/općinama // Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 11 URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf In Croatian.
- Stanovništvo prema materinskom jeziku // Popis 21. Stvorimo zajedno sliku Hrvatske. Konačni rezultati. Zagreb: Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics. 2022. S. 13. URL: https://narod.hr/wp-content/uploads/2022/09/Popis-2021_konacni-rezultati.pdf In Croatian.
- Stanovništvo prema narodnosti po gradovima/općinama (Population by ethnicity, by towns and municipalities) // Popis 2011. Državni zavod za statistiku. Croatian Bureau of Statistics]. In Croatian.
- Statistički godišnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. In Serbian.
- Šišić F.** Pregled poviesti hrvatskog naroda. Zagreb: Matica Hrvatska, 1962. 513 s. In Croatian.
- Ured za ljudska prava i prava nacionalnih manjina. Vlada Republike Hrvatske [сайт]. URL: <https://pravamanjina.gov.hr/nacionalne-manjine/nacionalne-manjine-u-republici-hrvatskoj/352> In Croatian.
- Ustav Socijalističke Republike Hrvatske // Ustav SFRJ, Ustav SRH, urednik Đuro Tepić. Zagreb: Narodne novine, 1974. P. 110–161. In Croatian.

Ustav Republike Hrvatske // Narodne novine. 1990. № 56. In Croatian.

Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske // Narodne novine. 1997. № 135. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092 In Croatian.

Ustav Republike Hrvatske (pročišćeni tekst) // Narodne novine. 2001. № 41. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2001_05_41_705 In Croatian.

Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina // Narodne novine. 2002. № 155. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2002_12_155_2532 In Croatian.

Vijeće Mađarske nacionalne manjine grada Zagreba [сайт]. URL: <https://www.zg-magyar.hr> In Croatian.

Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj // Narodne novine. 2000. № 51. URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj> In Croatian.

Received 03.03.2023

Martynova Marina Yuryevna

Doctor of History, Professor, Senior Researcher

Head of the Department for European studies

N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS,

32-A, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russia

E-mail: martynova@iea.ras.ru

ORCID: 0000-0001-7280-7450

Е. Е. Нечвалода

**ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ НАРОДОВ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА, СОЗДАНИЕ НА ОСНОВЕ
ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ, В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ИЗДАНИЙ XVIII в.**

Статья посвящена анализу иллюстраций, опубликованных в изданиях XVIII в., основа которых – графические зарисовки женского костюма народов Волго-Уральского региона, выполненные художником Академического отряда Великой Северной экспедиции. Одной из важных задач при анализе гравюр XVIII в. с позиций возможности их использования в качестве историко-этнографического источника является изучение истории их создания. В ходе проведенного исследования установлено, что впервые две гравюры с образами представительниц народов Волго-Уральского региона, созданные по полевым рисункам Академического отряда были изданы в Париже в 1768 г. в качестве иллюстраций к материалам И. Г. Гмелина, опубликованным во «Всеобщей истории путешествий...». Копии с этих гравюр в период 1768 г. по 1780 г. проиллюстрировали несколько переизданий этого многотомника, а также некоторые другие издания. Те же экспедиционные зарисовки были использованы Х. Ротом при создании галереи образов, представляющих народы России в традиционных костюмах, использованных И. Г. Георги в качестве иллюстраций к своему сочинению. Однако, иллюстрации к И. Г. Георги и к материалам И. Г. Гмелина (а, соответственно, и созданные на их основе копии) нельзя использовать в качестве историко-этнографического источника, т.к. в них были опущены важные детали или добавлены те, которых не было в первоисточнике, а также отредактированы аннотации. Как показал сравнительный анализ, наиболее близкими к полевым зарисовкам и этнографическим реалиям являются визуальные образы, проиллюстрировавшие сочинение Г. Ф. Миллера, которые были опубликованы лишь в самом конце XVIII в. (в 1791 г.). Они стали последними в этом столетии иллюстрациями, созданными на основе графических материалов Академического отряда Великой Северной экспедиции, запечатлевшими женский костюм народов Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: Великая Северная экспедиция, Академический отряд, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, И. Г. Георги, народы Волго-Уральского региона, традиционная одежда, визуальная антропология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574

В исследованиях традиционной одежды народов России большое значение имеют ранние источники (тексты и визуальные образы), позволяющие не только увидеть ее архаические формы, но и проследить развитие народного костюма во времени, эволюцию этнических традиций: утрату одних или сохранность других вплоть до XX века. Среди материалов XVIII в. по одежде народов России особая роль принадлежит наследию экспедиций, организованных Петербургской академией наук, целью которых были комплексные исследования Российской империи, ее географии, флоры, фауны, природных богатств и народов ее населявших. В задачи экспедиций входило не только описание, но и визуальная фиксация природного и этнокультурного многообразия страны. Потому в состав отрядов входили специально подготовленные экспедиционные художники, получившие инструкции максимально точно воспроизводить натуру [Вишленкова 2011, 42]. После того, как созданные на основе полевых зарисовок гравюры проиллюстрировали опубликованные материалы участников Академических экспедиций, они стали основой для создания многочисленных копий и переработанных вариантов, предназначенных для иллюстрирования иных изданий. Все вместе они составляют значительный по объему корпус графических материалов. При том, что в научной литературе многочисленны ссылки на опубликованные участниками Академических экспедиций изображения представителей народов России в их традиционных костюмах, до настоящего времени не произведен историко-этнографический анализ всего этого комплекса визуальных образов. Не осуществив его невозможно ответить на принципиальный вопрос: возможно ли использовать эти изображения в качестве источника по истории традиционного костюма? Если возможно, то какова степень его достоверности? В отечественной этнографической науке утвердилось настороженно-недоверчивое отношение к ранним гравюрам как этнографическому источнику. Т. А. Крюкова полагала, что иллюстрации к трудам участников Академических экспедиций представляют «лишь вольное воспроизведение подлинников

художником, некую стилизацию, игнорирующую зачастую отдельные ценные детали, в целях разрешения общей композиции рисунка. Зарисовки, сделанные художником, нередко искажают оригинал и привносят в него нечто новое, в нем не содержащееся» [Крюкова 1949, 140], это мнение приняла и разделила Е. Вишленкова [Вишленкова 2011, 48]. Анализируя изображения русского костюма на западноевропейских гравюрах XVI в. А. Э. Жабрева наглядно показала, как откровенно фантастична могла порою быть иллюстрация [Жабрева 2014]. Другие исследования выявили ошибки в аннотациях некоторых изображений XVIII в. [Нечвалода 2019; Нечвалода 2019 б].

Любой документ (в том числе и изображение) становится историческим источником, только тогда, когда доказана его подлинность и адекватное отражение в нем действительности. Осуществленный ранее анализ ряда визуальных образов в материалах Академических экспедиций XVIII в. убедил автора в том, что изображения, созданные на основе экспедиционных зарисовок, являются ценнейшим этнографическим источником. Но, прежде чем ввести их в научный оборот, необходимо предварительно провести кропотливую исследовательскую работу. Потому актуальнейшей задачей сегодняшнего дня является анализ визуальных образов из наследия экспедиций XVIII в. и созданных на их основе копий, вариантов, иллюстраций для различных изданий. Эту глобальную задачу можно осуществить только последовательно продвигаясь к цели, осуществляя анализ отдельных групп изображений из этого обширного корпуса графических материалов. Ранее мы уже провели ряд исследований в этом направлении [Нечвалода 2014, 2019, 2019 а, 2019 б и др.]. Данная статья – еще один шаг к поставленной цели. Она посвящена истории публикации графических материалов Академического отряда Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, отражающих традиционный костюм народов Волго-Уральского региона, в трудах его участников и в иных изданиях XVIII в.

В Академический отряд Великой Северной экспедиции (1733–1743) входили молодые академики Герард-Фридрих Миллер, Иоганн Георг Гмелин, художники Иоганн Христиан Беркан, Иоганн Вильгельм Люрсениус. Участники академического отряда оставили описания и изображения одежды народов Волго-Уральского региона. В 1756 г. в июльском и августовском номере Петербургского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который редактировал сам Г. Ф. Миллер, был издан его текст «Описание трёх языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков», авторство которого не было указано [Описание... 1756]. Через три года, в 1759 г. Г. Ф. Миллер вновь публикует свои этнографические «зарисовки» в Петербурге, но уже в журнале, который издавался на немецком языке [Müller 1759]. К этому тексту автор приложил словарь, но не иллюстрации. В виде отдельного издания этнографические материалы Г. Ф. Миллера увидели свет только в 1791 г. и вновь на русском языке [Миллер 1791]. В этом издании присутствуют в качестве иллюстраций 8 гравюр, на которых были запечатлены женские фигуры – представительницы описанных им народов в своих традиционных костюмах (марийский костюм – 2 табл., чувашский – 2 табл., удмуртский – 1 табл., татарки – 3 табл.). На каждой иллюстрации присутствует лишь одна фигура. Изображенные типажи статичны, они обращены к зрителю либо лицом, либо спиной, причем марийский и чувашский костюмные комплексы показаны в двух ракурсах (анфас, спина), в чем нетрудно увидеть желание дать наиболее полное представление о комплекте одежды и украшений. В таком подходе читается научный, вполне этнографический подход к фиксации материала по традиционному костюму. Опубликованные в качестве иллюстраций изображения не совершенны в художественном плане, запечатленные на них фигуры женщин имеют искаженные пропорции тела. Но при этом можно заметить, что на одежде и украшениях, изображенных на этих фигурах, есть детали, имеющие соответствия в более поздних этнографических материалах, которые возможно было зафиксировать только с натуры.

У сочинения И. Г. Гмелина «Reise durch Sibirien» («Путешествие по Сибири») иная судьба. При том, что И. Г. Гмелин был натуралистом, на основе собранных полевых материалов он подготовил подробное и весьма ценное для этнографии описание экспедиции в Сибирь, опубликованное на немецком языке в Гёттингене в 1751–1752 гг. (текст был дополнен картой с маршрутом экспедиции) [Gmelin 1751–1752]. Эта книга была переиздана на голландском языке (в Хаерлеме) [Gmelin 1752–57]. В 1755 г. И. Г. Гмелин умер и не увидит завершённым это издание. Спустя 15 лет после первого издания и 10 лет после второго, «Путешествие по Сибири» И. Г. Гмелина увидело свет в Париже на французском языке [Gmelin 1767]. Год спустя материалы И. Г. Гмелина будут вновь опубликованы в Париже, но уже в сокращённом варианте, в томах «Всеобщей истории путешествий» («Histoire générale des voyages...»). Это многотомное издание переиздавалось и гмелинские материалы о путешествии в Сибирь были тоже опубликованы неоднократно: дважды в 1768 г. – они вошли в 69 том одного издания [Histoire générale des voyages... 1768, t. 69] и в 18 том другого [Histoire générale des

voyages... 1768, t. 18], в 1779 г. они вышли в 24 томе этой серии, местом издания которого указан Амстердам [Histoire générale des voyages... 1779]. В 1780 г. в Париже вышел первый том «Краткой всеобщей истории путешествий» (сокращенного варианта «Всеобщей истории путешествий»), подготовленный членом Французской академии наук Ж. Ф. Лагарпом. Материалы И. Г. Гмелина были опубликованы в 1780 г. в 9 томе этого многотомника [La Harpe 1780]. В начале XIX в. «Краткая всеобщая история путешествий» была вновь издана в Париже и материалы экспедиций в Сибирь (и И. Г. Гмелина в том числе) вышли в 1820 г. [La Harpe 1820]. Сложилось так, что многократно опубликованное в Европе (в полном или сокращенном виде) «Путешествие по Сибири» И. Г. Гмелина, не было переведено на русский ни в XVIII в., ни в дальнейшем. Полный академический перевод этого сочинения И. Г. Гмелина на русский язык – по-прежнему актуальная задача.

В первых трех изданиях «Путешествия по Сибири» И. Г. Гмелина, вышедших на немецком, голландском и французском языках с 1751 г. по 1767 г., среди немногочисленных иллюстраций нет изображений представителей народов Волго-Уральского региона. Только в томах «Всеобщей истории путешествий...», изданных в Париже в 1768 г., уже после смерти И. Г. Гмелина, впервые среди графических листов, сопровождающих текст описания его путешествия, появляются 2 гравюры, выполненные профессиональным художником и гравером, на которых изображены представительницы народов Волго-Уральского региона в традиционных костюмах. Фигуры объединены в 2 композиции (по 4 женские фигуры в каждой), первая из которых аннотирована как: «Divers Habillemens des Femmes de Sibérie» («Разная одежда женщин Сибири»), а вторая: «Autres Habillemens des Femmes de Sibérie» («Другая одежда женщин Сибири») [Histoire générale des voyages... 1768, t. 18, 100, 102, n° n° 6, 7]. Аналогичные композиции были опубликованы в 69 томе «Всеобщей истории путешествий...», но аннотированы они были одинаково: ««Divers Habillemens des Femmes de Sibérie» [Histoire générale des voyages... 1768, t. 69, 274, 281, n° n° 6, 7].

Через 11 лет эти гравюры были перекопированы для иллюстрирования материалов И. Г. Гмелина во «Всеобщей истории путешествий...», опубликованных в 1779 г. [Histoire générale des voyages... 1779, 122–125]. Две композиции из представительниц этносов Волго-Уральского региона, а точнее копии с них, вновь были опубликованы в 1780 г. в 9 томе «Краткой истории путешествий», подготовленной Ж. Ф. Лагарпом. Только в этом издании на иллюстрациях указано имя художника-гравера: ниже изображения указано «Benar direxit» (т. е. «сделал Бенар»). Все копии, были аннотированы так же, как и композиции, опубликованные в 1768 г. в 18 томе «Всеобщей истории путешествий...». Одна из гравюр, включавшая изображения марийских и чувашских женщин, была перекопирована для иллюстрирования книги Чарльза Теодора Миддлтона «Новая и полная система всеобщей географии, содержащая полное, точное, подлинное и занимательное описание Европы, Азии, Африки и Америки» [Middleton]. В этом издании под изображением представительниц народов Волго-Уральского региона помещена аннотация «Habils of the Women of Siberia» («Одежда женщин Сибири»). Эта иллюстрация, как и композиции, опубликованные в 24 томе (1779 г.) «Всеобщей истории путешествий», являются зеркальным отражением гравюр, опубликованных в 18 томе (1768 г.) этой серии. Этот эффект был обусловлен технологией создания иллюстраций: скопированное, перенесенное на гравировальную доску изображение и оттиск, полученный с нее, всегда зеркальны. Вероятно, опубликованные в 18 томе композиции из представительниц народов Волго-Уральского региона стали базовыми для иллюстраций-копий в изданиях 1768–1779 гг. Гравюры, опубликованные в 1780 г. (в 9 томе «Краткой всеобщей истории путешествий...»), в свою очередь, стали «отражением» опубликованных в 1779 г.

Внимательное сравнение изображений представительниц народов Волго-Уральского региона, которыми был проиллюстрирован текст И. Г. Гмелина в 18 томе «Всеобщей истории путешествий...», с изображениями, которые приложил к своему сочинению Г. Ф. Миллер, приводит нас к нескольким выводам. Первый вывод: эти изображения связаны между собой, для них существует единый первоисточник, каковым, очевидно, служили полевые зарисовки, сделанные художником академического отряда Великой Северной экспедиции. Второй вывод: изображения женских костюмов народов Волго-Уральского региона, представленных в 1791 г. в книге Г. Ф. Миллера, подробнее и точнее в деталях, а, следовательно, ближе к натурным зарисовкам, чем воспроизведенные во «Всеобщей истории путешествий...» в 1768 г. (т. е. за 23 года до их публикации). Схожее впечатление о близости именно «миллеровских» типажей к экспедиционным зарисовкам оставляет и сопоставление принципов изображения. У Г. Ф. Миллера это одиночная стоящая фигура на листе, обращенная к зрителю лицом или спиной (также этнографами фиксировалась традиционная одежда и в XX в. в зарисовках и в фотографиях, т. к. это соответствует исследовательской, научной задаче наиболее полно

и точно отразить особенности конкретного костюма). Иллюстрации к тексту И. Г. Гмелина – это многофигурные композиции, персонажи в которых не объединены сюжетом, а представляют собою почти механическое соединение фигур, в которых без труда узнаются «миллеровские» одиночные типажи. В одной композиции представлены две марийки в разных ракурсах (с лица и со спины) и две чувашки в двух ракурсах (анфас, спина), а в другой – удмуртка и три татарки (две изображены спиной, а одна лицом к зрителю). Это те же 8 женских фигур, в тех же ракурсах, что и в иллюстрациях Г. Ф. Миллера. Чтобы создать у зрителя впечатление связи между фигурами в пространстве гравюры, у них несколько «отредактированы» позы, повороты голов, жесты рук. Позы в целом стали более непринужденными, одна из изображенных марийских женщин уже не стоит, как у Г. Ф. Миллера, а сидит. Взаимное расположение и обращенность фигур друг к другу в иллюстрациях к сочинению И. Г. Гмелина создает иллюзию их общения. При этом костюмы, изображенные в этих композициях, утрачивают некоторые этнографические детали. Так, например, у Г. Ф. Миллера на верхней одежде удмуртки на уровне груди присутствуют полосы-нашивки, которые имеют прототипы в традиционном костюме северных групп удмуртов [Нечвалода 2019], а на иллюстрациях к И. Г. Гмелину их уже нет. У «миллеровской» татарки, стоящей к зрителю лицом (гравюра № 8) на груди присутствует слегка прикрытый полой предмет украшения круглой, звездчатой формы, а на иллюстрациях к материалам И. Г. Гмелина он отсутствует. На макушке головного убора «гмелинской» татарки, стоящей на заднем плане спиной к зрителю, уже не читается круглое отверстие, которое отчетливо видно на «миллеровской» иллюстрации (на гравюре № 7). В книге Г. Ф. Миллера на изображенных костюмах детали переданы очень подробно. Например, в изображении монет, нашитых по краю перевязи (гравюра № 8) или головного убора (гравюра № 6), в ряду чередуются две крупные и три мелкие монеты, на «хвосте» головного убора могут присутствовать нашивки как круглой, так и прямоугольной формы (гравюра № 7), точно воспроизведена фактура чешуйчатой нашивки монет на головных уборах и украшениях. А на иллюстрациях к материалам И. Г. Гмелина всего этого нет, нашивки переданы очень условно. Очевидно, что изображения костюмов народов Волго-Уральского региона, проиллюстрировавшие «Всеобщую историю путешествий...» представляют собою существенную переработку экспедиционных зарисовок, следствием чего являлась утрата некоторых деталей, а иллюстрации к Г. Ф. Миллеру были ближе к графическим оригиналам.

Не было бы ничего удивительного, если бы изображения, которые близки полевым зарисовкам были опубликованы раньше, чем их переработанный вариант (т. к. позднейшие копии нередко упрощают и «редактируют» изображение-первоисточник). В действительности порядок их публикации был обратным. Вероятно, у И. Г. Гмелина не было полевых рисунков-оригиналов для этих композиций, т.к. в его первых изданиях они не были опубликованы (они увидели свет только после смерти ученого). Изобразительные материалы академических экспедиций являлись собственностью Академии наук. Сохранились документы, подтверждающие, что из Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербург были отправлены «восемь рисунков черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платья» [Салмин 2019, 61; Черкашина 2011]. Очевидно, что это те рисунки, с которых были выполнены опубликованные в «Описании...» Г. Ф. Миллера 8 гравюр. Для создания иллюстраций к тексту И. Г. Гмелина издатели «Всеобщей истории путешествий...» при подготовке соответствующего тома должны были получить доступ к графическим оригиналам, хранившимся в С.-Петербурге.

Работавший в северной столице художник из Нюрнберга Христофор Рот при подготовке серии графических листов «Открываемая Россия» с изображениями представителей народов России в традиционных костюмах (1774–76), использовал доступные ему материалы, в том числе и зарисовки Великой Северной экспедиции. Христофор Рот позаимствовал из экспедиционных материалов академического отряда изображения татарок и марийки (в двух ракурсах) – всего 5 изображений. Образы татарок, созданные Х. Ротом, были им немного переработаны, аннотации к ним также были изменены. Г. Ф. Миллер аннотировал изображения татарок суммарно: «На рисунках № 6, 7 и 8 изображено с платья Кунгурских и Уфимских татарок» [Миллер 1791], у Х. Рота кунгурские и уфимские татарки превратились в «казанских» (2 гравюры) и «ногайскую». При этом у «ногайской» татарки появилось кольцо в носу, а поверх головного убора, который у Г. Ф. Миллера имел отверстие на макушке и чешуйчатую фактуру, Х. Рот изобразил намотанную ткань. Гравюры Х. Рота вошли в качестве иллюстраций в опубликованное следом сочинение И. Г. Георги [Georgi 1776].

Переработанные Х. Ротом визуальные образы из наследия Великой Северной экспедиции вновь были опубликованы раньше, чем гравюры, созданные на основе полевых зарисовок и воспроизведенные детали запечатленных с натуры украшений, они увидят свет лишь в 1791 г. при публикации Г. Ф. Миллером своих материалов в виде отдельного издания.

Изображения традиционного костюма народов Волго-Уральского региона, использованные в качестве иллюстраций к материалам И. Г. Гмелина, трудам И. Г. Георги и Г. Ф. Миллера в качестве основы имели полевые зарисовки, выполненные И. Х. Берканом – художником Академического отряда Великой Северной экспедиции, при этом в сочинениях этих авторов они предстали в трех различных версиях. Наиболее точно детали украшений, одежды, зафиксированные во время экспедиции, были отражены в иллюстрациях к Г. Ф. Миллеру, иллюстрации к И. Г. Гмелину уже не столь подробны, не все детали воспроизведены, а в иллюстрациях к И. Г. Георги некоторые исходные образы уже были искажены, или дополнены новыми деталями, у них были изменены аннотации. Проведенное исследование показывает, что не всегда ранее опубликованный визуальный образ традиционного костюма из группы генетически связанных изображений является первоисточником для опубликованных позднее и не всегда ранее опубликованный точнее соответствует полевой зарисовке и этнографическим реалиям.

В связи с тем, что изображения женских костюмов народов Волго-Уральского региона в иллюстрациях к материалам И. Г. Гмелина, опубликованным во «Всеобщей истории путешествий...», и к «Описанию» И. Г. Георги предстали в «отредактированном» художниками виде, их нельзя использовать в качестве историко-этнографического источника при исследовании традиционного костюма. Объектами этнографического анализа, могут служить только опубликованные в книге Г. Ф. Миллера типы, сохранившие подробность и точность полевой зарисовки.

а

б

в

г

Рис. 1. Изображение мари́йского женского (а, б) и чувашского женского (в, г) костюмов в двух ракурсах (иллюстрации №№ 1 – 4 из «Описания...» Г. Ф. Миллера. Фрагменты) [Миллер 1791].

а

б

в

г

Рис. 2. Изображение удмуртского женского костюма (а) и одежды кунгурской (б) и уфимских (в, г) татарок (иллюстрации №№ 5 – 8 из «Описания...» Г. Ф. Миллера. Фрагменты) [Миллер 1791].

а

б

в

г

Рис. 3. Представительницы народов Волго-Уральского региона в иллюстрациях к различным изданиям «Всеобщей истории путешествий...» («Histoire générale des voyages...»): а, б [1768 Vol. XVIII, pp.100-102, н. 6, 7]; в, г [1779 Vol. XXIV]. Фрагменты.

а

б

в

г

д

Рис. 4. Гравюры-копии композиций из представительниц народов Волго-Уральского региона, иллюстрировавшие различные издания: а, б [Histoire... 1768 Vol. LXIX, pp. 274, 281, n. 6, 7]; в, г [Abrégé de l'Histoire...1780, Pl. 52, 53]; д [A New and Complete System of Geography...1778]. Фрагменты.

а

б

в

г

д

Рис. 5. Гравюры Х. Рота, проиллюстрировавшие сочинение И.-Г. Георги: «Черемиска спереди» (а), «Черемиска сзади» (б), «Татарка Казанская спереди» (в) Татарка Казанская сзади (г), «Ногайская татарка» (д) [Georgi 1776]. Фрагменты.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

Жабрева А. Э. Русский костюм в западноевропейской гравюре XVI в.: правда и вымысел // Stratum plus. 2014. № 4. С. 177–195.

Крюкова Т. А. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья // Сб. музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 12. С. 139–159.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб.: Иждивением Императорской Академии Наук, 1791. 99 с.

Нечвалода Е. Е. Башкирские украшения конца XVIII в. по изобразительным материалам больших академических экспедиций // Этногенез. История. Культура: вторые Юсуповские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова (1951–2011 гг.), г. Уфа, 13 ноября 2014 г. / [сост. А.Ф. Илимбетова, М.М. Маннапов, З.И. Минибаева]. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 189–197.

Нечвалода Е. Е. Изображения удмуртского женского костюма XVIII века в книге И. П. Фалька: опыт этнографической интерпретации и атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. № 1. С. 119–126.

Нечвалода Е. Е. Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапп де'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019а. Т. 13. Вып. 1. С. 101–108.

Нечвалода Е. Е. «Eine vornehme Kirgisin» в иллюстрациях экспедиции И. П. Фалька – визуальный образ зауральской башкирки XVIII в. // Кунсткамера. 2019б. №3(5). С. 209–217.

Описание трёх языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб.: При Императорской Академии наук, 1756. Июль. С. 33–64; Август. С. 119–145.

Салмин А. К. И. Г. Гмелин и его роль во Второй Камчатской экспедиции на территории Казанской губернии // Вулье Gody. 2019. Vol. 51(1). P. 55–63.

Черкашина А. С. Рисовальщики Второй Камчатской экспедиции // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений, [21 апреля 2011 г.] / [науч. ред. И. В. Витер]. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краев. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. Информ.-изд. центр, 2011. С. 216–221.

La Harpe J. F. de. Abrégé de l'Histoire générale des voyages, contenant ce qu'il y a de plus remarquable, de plus utile et de mieux avéré dans les pays où les voyageurs ont pénétré; les mœurs des habitans, la religion, les usages, arts et sciences, commerce, manufactures; enrichie de cartes géographiques et de figures / par, de l'Académie française. Paris: Hôtel de Thou, 1780. Т. 9. 418 p.

La Harpe J. F. de. Abrege de l'Histoire generale des voyages, contenant ce qu'il y a de plus remarquable, de plus utile et de mieux avere dans les pays ou les voyageurs ont penetre; les moeurs des habitans, la religion, les usages, arts et sciences, commerce et manufactures. Paris: Chez Étienne Ledoux, Libraire, 1820. Т. 9. 586 p.

Middleton Ch. Th. A New and Complete System of Geography... London: Printed for J. Cooke, 1778, vol. 1. 546 p.; 1779; vol. 2. 656 p.

Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, ihrer lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten... St. Peterburg: C.W. Muller, 1776. Bd. 1. 270 s.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: A. Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751–1752. Bd. 1. 467 s.; Bd. 2. 652 s.; Bd. 3. 584 s.; Bd. 4. 692 s.

Gmelin J. G. Reize door Siberiën naar Kamtschatka, van't Jaar 1733 tot 1743. Op allerhoogst bevel van haare Russische Keizerlyke Majesteit gedaan door de heeren Professoren J.G. Gmelin, L. de l'Isle de la Croyere, en Ger. Fr. Muller. In't Hoogduits beschreeven. Vertaald door H. van Elvervelt. Deel 1–4. Haarlem: Gedrukt by Izaäk en Johannes Enschedé, 1752–1757. Dl. 1. 362 p.; Dl. 2. 532 p.; Dl. 3. 488 p.; Dl. 4. 483 p.

Gmelin J. G. Voyage en Sibérie: contenant la description des mœurs & usages des peuples de ce pays, le cours des rivières considérables, la situation des chaînes de montagnes, des grandes forêts, des mines, avec tous les faits d'histoire naturelle qui sont particuliers à cette contrée / trad. libre par de Keralio. Paris: Chez Desaint, Libraire, 1767. Т. 1. 430 p.; Т. 2. 324 p.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différent langues de toutes les nations connues...: Pour former une système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représentent l'étaactuel de toutes les nations [Trad. et red. par A. F. Prévost]. Paris: Chez Rozet, 1768. Т. 18. 576 p.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différent langues de toutes les nations connues...: Pour former une système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représentent l'étaactuel de toutes les nations / [trad. et red. par A. F. Prévost]. A Paris: Chez Rozet, 1768. Т. 69. 536 p.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différent langues de toutes les nations connues...: Pour former une système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représentent l'étaactuel de toutes les nations / [trad. et red. par A. F. Prévost]. Amsterdam: Chez E. van Harrevelt & D. J. Changuion, 1779. Т. 24. 499 p.

Müller G. F. Nachricht von dreien im Gebiete der Stadt Casan, wohnhaften Heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen, und Wotiacken // Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg: Bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1759. Bd. 3, st. 4. S. 305–412.

Поступила в редакцию 22.11.2023

Нечвалода Елена Евгеньевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
6450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

E. E. Nechvaloda

**VISUAL IMAGES OF THE VOLGA-URAL REGION PEOPLES,
BASED ON THE GRAPHIC MATERIALS OF THE GREAT NORTHERN EXPEDITION,
IN BOOK ILLUSTRATIONS OF THE XVIII CENTURY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574

The article outlines results of the analysis of the XVIII century scientific book illustrations, the basis of which is graphic sketches of the women's folk costume of the Volga–Ural region peoples, made by the artist of the Academic group of the Great Northern Expedition. One of the important tasks in analyzing the engravings of the XVIII century from the standpoint of the possibility of their use as a historical and ethnographic source is to study the history of their creation. It was found that firstly two engravings with images of the Volga-Ural region peoples, created from field drawings of the Academic group, were published in Paris in 1768 as illustrations to the materials of J. G. Gmelin, published in the “Universal History of Travel ...”. Copies from these engravings between 1768 and 1780 illustrated several reprints of this multi-volume book, as well as some other editions. These expedition sketches also were used by C.M. Roth, who created a gallery of images representing the peoples of Russia in folk costumes, in its turn used by J.G. Georgi as illustrations for his manuscript. However, the illustrations to manuscript by J. G. Georgi and to the materials of J. G. Gmelin (and, accordingly, relevant copies) cannot be used as a historical and ethnographic source, due to the fact that important details were omitted or those that were not in the original source were added, as well as abstracts were edited. As a result of comparative analysis it was noted that the closest to field sketches and ethnographic realities are the graphic images that illustrated the work of G.F. Müller, which were published only at the end of the XVIII century (in 1791), i.e. those that became the most recent illustrations published in this century, which were created on the basis of sketches of women folk costumes of the Volga-Ural region peoples from the materials of the Academic group of the Great Northern Expedition.

Keywords: the Great Northern Expedition, Academic group, G. F. Müller, J. G. Gmelin, J. G. Georgi, Volga-Ural region peoples, folk costume, visual anthropology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 562–574. In Russian.

REFERENCES

Vishlenkova E. A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual ethnology of the Empire, or "Not everyone can see a Russian"]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 384 p. In Russian.

Zhabreva A. E. Russkij kostyum v zapadnoevropejskoj gravюре XVI v.: pravda i vymysel [Russian costume in a Western European engraving of the XVI century: truth and fiction]. *Stratum plus*, 2014, no. 4, pp. 177–195. In Russian.

Kryukova T. A. Kollekcija P. S. Pallasa po narodam Povolzh'ya [The collection of P. S. Pallas on the peoples of the Volga region]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, no. 12, pp. 139–159. In Russian.

Müller G. F. *Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskih narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyakov]. Saint-Petersburg, 1791. 99 p. In Russian.

Nechvaloda E. E. Bashkirskie ukrasheniya konca XVIII v. po izobrazitel'nym materialam bol'shikh akademicheskikh ekspeditsij [Bashkir jewelry of the end of the 18 century. based on the visual materials of large academic expeditions]. *Etnogenez. Istorija. Kul'tura. II YUsupovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj*

konferencii [Ethnogenesis. History. Culture. 2 Yusupov readings: proceedings of the international scientific conference]. Ufa, 2014, pp. 189–197. In Russian.

Nechvaloda E. E. Izobrazheniya udmurtskogo zhenskogo kostyuma XVIII veka v knige I. P. Fal'ka: opyt etnograficheskoy interpretacii i atribucii [Images of the Udmurt women's costume of the 18 century in the book by I. P. Falk: the experience of ethnographic interpretation and attribution]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, t. 47, no. 1, pp. 119–126. In Russian.

Nechvaloda E. E. Tradicionnaya zhenskaya odezhda udmurtov v materialah ekspedicii SHapp de'Otrosha [Traditional Udmurt women's clothing in the materials of the Chappe d'Autroche expedition]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019 (a), t. 13, no. 1, pp. 101–108. In Russian.

Nechvaloda E. E. «Eine vornehme Kirgisin» v illyustraciayah ekspedicii I.P. Fal'ka – vizual'nyj obraz zau-ral'skoj bashkirki XVIII v. ["Eine vornehme Kirgisin" in the illustrations of the expedition of I.P. Falk – a visual image of the Trans-Ural Bashkir of the 18 century], *Kunskamera*, 2019(b), no. 3(5), pp. 209–217. In Russian.

Opisanie tryoh yazycheskih narodov v Kazanskoj gubernii, a imenno: cheremisov, chivashej i votyakov [Description of three pagan peoples in the Kazan province, namely: The Cheremis, Chuvash and Votyaks]. *Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie* [Monthly essays, for the benefit and entertainment of employees.]. Saint-Petersburg, 1756, pp. 33–64 (july), 119–145 (august). In Russian.

Salmin A. K. J. G. Gmelin i ego rol' vo Vtoroj Kamchatskoj ekspedicii na territorii Kazanskoj gubernii [I. G. Gmelin and his role in the Second Kamchatka Expedition on the territory of Kazan province]. *Bylye Gody* [Past years], 2019, vol. 51, is. 1, pp. 55–63. In Russian.

Cherkashina A. C. Risoval'shchiki Vtoroj Kamchatskoj ekspedicii [Draftsmen of the Second Kamchatka Expedition]. «O Kamchatke i stranah, kotorye v sosedstve s neyu nahodyatsya...»: materialy XXVIII Krashennnikovskih chtenij ["About Kamchatka and the countries that are in its neighborhood ...": materials of the 28 Krashennnikov readings]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2011, pp. 216–221. In Russian.

La Harpe J. F. de. Abrégé de l'Histoire générale des voyages, contenant ce qu'il y a de plus remarquable, de plus utile et de mieux avéré dans les pays où les voyageurs ont pénétré; les mœurs des habitans, la religion, les usages, arts et sciences, commerce, manufactures; enrichie de cartes géographiques et de figures [Abstract of the General History of Travel, Containing What is Most Remarkable, Most Useful and Best Proven in the Countries Where Travelers Have Penetrated; the Customs of the Inhabitants, Religion, Uses, Arts and Sciences, Commerce, Manufactures; Enriched with Geographical Maps and Figures]. Paris: Hôtel de Thou, 1780, t. 9, 418 p. In French.

La Harpe J. F. de. Abrégé de l'Histoire générale des voyages, contenant ce qu'il y a de plus remarquable, de plus utile et de mieux avéré dans les pays où les voyageurs ont pénétré; les mœurs des habitans, la religion, les usages, arts et sciences, commerce, manufactures; enrichie de cartes géographiques et de figures [La Harpe J. F. de. Abstract of the General History of Travel, Containing What is Most Remarkable, Most Useful and Best Proven in the Countries Where Travelers Have Penetrated; the Customs of the Inhabitants, Religion, Uses, Arts And Sciences, Commerce, Manufactures; Enriched with Geographical Maps and figures]. Paris: Etienne Ledoux, Libraire, 1820, t. 9, 586 p. In French.

Middleton Ch. Th. A New and Complete System of Geography... London: Printed for J. Cooke, 1778. Vol. 1. 546 p.; 1779. Vol. 2. 656 p.

Georgi J. G. *Beschreibung aller Nationen des russischen Reichs, ihrer lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten...* [Description of all Nations of the Russian Empire, their Way of Life, religion, Customs, Dwellings, Clothing and other Peculiarities...]. Saint-Petersburg, 1776–1780, vol. 1. 270 p. In German.

Gmelin J. G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743* [Journey Through Siberia from the Year 1733 to 1743]. Göttingen: A. Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751–1752, vol. 1. 467 p.; vol. 2. 652 p.; vol. 3. 584 p.; vol. 4. 692 p. In German.

Gmelin J. G. *Reize door Siberiën naar Kamtschatka, van't Jaar 1733 tot 1743. Op allerhoogst bevel van haare Russische Keizerlyke Majesteit gedaan door de heeren Professoren J.G. Gmelin, L. de l'Isle de la Croyere, en Ger. Fr. Muller. In't Hoogduits beschreeven. Vertaald door H. van Elvervelt* [Travel through Siberia to Kamchatka, from the year 1733 to 1743. By the Highest Order of Her Imperial Russian Majesty, Professors J. G. Gmelin, L. De L'isle De La Croyere, and Ger. Fr. Muller. Described in High German. Translated by H. van Elvervelt]. Haarlem: Izaäk en Johannes Enschedé, 1752–1757, vol. 1. 362 p.; vol. 2. 532 p.; vol. 3. 488 p.; vol. 4. 483 p. In Dutch.

Gmelin J. G. *Voyage en Sibérie: contenant la description des mœurs & usages des peuples de ce pays, le cours des rivières considérables, la situation des chaînes de montagnes, des grandes forêts, des mines, avec tous les faits d'histoire naturelle qui sont particuliers à cette contrée* / trad. libre par de Keralio [Travel in Siberia / free transl. by de Keralio]. Paris: Desaint, Libraire, 1767, vol. 1. 430 p.; vol. 2. 324 p. In French.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différent langues de toutes les nations connues...: Pour former une système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représentent l'étaactuel de toutes les nations [General

History of Voyages or A New Collection of all the Relations of Voyages by Sea and by Land, Which Have Hitherto been Published in the Different Languages of all Known Nations...: To Form a Complete System of Modern History & Geography, Which Represent the Current State of All Nations]. Paris: Rozet, 1768, t. 18. 576 p. In French.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différentes langues de toutes les nations connues...: Pour former un système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représente l'état actuel de toutes les nations [General History of Voyages or A New Collection of all the Relations of Voyages by Sea and by Land, Which have Hitherto Been Published in the Different Languages of all Known Nations...: To Form a Complete System of Modern History & Geography, Which Represent the Current State of All Nations]. Paris: Rozet, 1768, t. 69. 536 p. In French.

Histoire générale des voyages ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre, qui ont été publiées jusqu'à présent dans les différentes langues de toutes les nations connues...: Pour former un système complet d'histoire & de géographie moderne, qui représente l'état actuel de toutes les nations [General History of Voyages or A New Collection of All the Relations of Voyages by Sea and by Land, Which Have Hitherto Been Published in the Different Languages of All Known Nations...: To Form a Complete System of Modern History & Geography, Which Represent the Current State of All Nations]. Amsterdam: E. van Harrevelt & D. J. Changuion, 1779, t. 24, 499 p. In French.

Müller G. F. Nachricht von dreyen in Gebiete der Stadt Casan vohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken [Reports of Turning in the Areas of the City of Kazan, Dwellings of Pagan Peoples, the Cheremis, Chuvash, and Votyaks]. *Sammlung Rußischer Geschichte*, St. Petersburg: Kayserl. Academie der Wissenschaften 1759, bd. 3, st. 4, pp. 305–412. In German.

Received 22.11.2023

Nechvaloda Elena Evgenievna

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

6, Karla Marksa st., Ufa, 6450077, Russia

E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

*Е. В. Попова***СИМВОЛИКА СОЛИ В ВЕРОВАНИЯХ И ОБРЯДАХ
БЕСЕРМЯН И УДМУРТОВ**

В статье речь идет о соли в обрядах и верованиях бесермян и удмуртов, символических функциях и защитных свойствах этого минерала, месте в ритуальной кухне, молениях божествам и духам, символике соленой и несоленой пищи. Исследование основано на устных, письменных, архивных и полевых материалах, фольклоре, приводится описание посуды для соли. Соль как приправа давно используется для приготовления пищи, консервации продуктов и как продукт для молений. Вкусовые характеристики соли в бесермянском и удмуртском передаются через обозначение таких качеств как «кислый», «прокисший», «прогоркий». Соль и соленость противопоставляют сладкому. Соленая и несоленая пища имеют разное символическое значение. Еда без соли олицетворяла бедность и нищету, пустые надежды и планы. Избыток соли означал испорченную пищу, настроение и беседу, сильную боль. Соль имеет защитные, магические, продуцирующие свойства, ее используют для защиты людей и домашнего скота, лечения от болезней. Соль в числе символически важных продуктов как хлеб. Слова «хлеб-соль» символизируют достаток, добрые пожелания. Соль, наряду с хлебом, среди блюд ритуальных трапез календарных обрядов, свадьбы, рождения ребенка, проводов в армию, ее ставят на стол в праздники и моления, в начале важных дел и дальней дороги. Хлеб и соль считались оберегом, символом дома и домашнего стола. Хлеб с солью приносят духам болезней, божествам природы. Особые свойства приписывали соли с Великого четверга и ритуального стола.

Ключевые слова: соль, народная кухня, культура питания, пищевое наследие, символика соли, бесермяне, удмурты, народная медицина, народные верования

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-575-586

Введение

Соль, благодаря таким своим природным качествам как вкус – соленость и острота, внешний вид – белый цвет, кристаллическая форма, растворимость в воде, способность сохранять качество продуктов на длительное время, наделяется защитными, лечебными и магическими свойствами, находится в числе приношений и блюд ритуального стола. Эти свойства минерал приобретает у бесермян и удмуртов также благодаря «исключительности» и ценности: его покупали и обменивали, не имея своих или близких природных источников добычи. Природные и вкусовые качества соли, недоступность, сделали ее ценным продуктом.

В статье речь пойдет о соли в обрядах и верованиях, ее символических и защитных свойствах, месте в ритуальных подношениях и трапезах бесермян и удмуртов (большой частью северных).

Некоторые защитные и лечебные функции соли упоминаются в исследованиях по народной медицине [Панина 2014], предписаниях и запретах удмуртов [Владыкина 1992], способах защиты и лечения детей от сглаза у бесермян [Попова 1998]. Её использование для соления, квашения и вяления продуктов приводится в работах об удмуртской кухне [Соковнин 1975; Трофимова 1991]. Изображения посуды для соли имеются в альбомах по декоративно-прикладному искусству удмуртов [Крюкова 1973; Климов 1988: 71], что говорит об отношении к ней как важному продукту. Происхождению названия соли в уральских языках посвящена отдельная работа [Напольских 2022], где дается этимология названия соли в уральских языках, реконструкция места, времени и обстоятельств знакомства с минералом.

Символика, народные представления о соли, ее использование в обрядах рассматривались на славянском материале [Лаврентьева 1992; Пьянкова, Седакова 2012], и на примере кухни других народов региона, что позволяет проследить общекультурные параллели или различия. Происходит и музеефикация объектов и технологий производства соли.

Исследование основано на описании обрядов, устных и письменных источниках, фольклоре, архивных, экспедиционных материалах, где соль упоминается как приправа, лечебное и защитное средство, продукт ритуального стола и подношений. Интерес представляла посуда для хранения и подачи соли. Хронологическая глубина источников и современные данные позволили проследить

применение соли в обрядах и ритуальном столе. Сравнительно-сопоставительный анализ приведен с учетом использования минерала в других культурах.

Соль как приправа, посуда для соли

Соль поступала в рассматриваемые культуры в ходе обмена, торговли с территориями её промысла. Технология добычи путем выпаривания солевого раствора нашла отражение в удмуртской загадке: *Вуын вордске, вулэсь кышка* – ‘В воде родится, воды боится’ [Удмуртский фольклор 1982, 113].

Соль *сылал* (удм.), *слал*, *сөлал*¹ (бес.) используется в кухне удмуртов и бесермян для усиления вкусового качества блюд, консервации (засолке) продуктов для длительного хранения, наряду с квашением, сушкой, вялением без соли. Однако кухня бесермян и удмуртов, как и поволжская, отличается вкусовой нейтральностью и отсутствием сильносоленых блюд, за исключением современных солений и заготовок овощей, рыбы, мяса и грибов, с сохранением традиционного квашения с небольшим добавлением соли. В некоторых культурах сохраняются бессолевые способы квашения мяса и рыбы, с минимальным ее добавлением. Например, это, так называемая, рыба «печёрского засола» – *тундраса чери* – малосолевая рыба с душиком в кухне корми-зырян, приготовленная путем заквашивания [Чудова 2008: 96] и др.

Соль считали ценным продуктом, её расходовали экономно, берегли, старались не рассыпать и защитить от влаги. Среди удмуртов и бесермян существует поверье, что рассыпанная соль предвещает ссору. Соль хранили и подавали в отдельной посуде, прежде – в берестяных или деревянных емкостях. У бесермян встретились следующие названия утвари для ее хранения и подачи – *сөлал возён* (бес.), *слал возён* (от слов: соль и держать) и устаревшее *слал нягес* (бес.) [Усачева и др. 2017, 85]. В удмуртско-русском словаре приведены названия: *кучы* – ‘солонка’ (из бересты), *сылалвозён* – ‘солонка’, *сылалтырон* – ‘солонка’, *токар* (диал.) – ‘солонка’ (обычно из бересты), *шыгыри* (диал.) – ‘солонка’ [Большой удмуртско-русский словарь, URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?word=солонка&lang>].

Солонки у бесермян и удмуртов были в виде небольших емкостей, деревянные, плетеные из бересты, вырезанные из дерева или рога, глиняные открытые или с крышечкой. Соль держали в тарелках, мисках, кастрюлях, глиняных емкостях или банках. Небольшие солонки ставили на стол. Хлеб и соль у бесермян и удмуртов – неперенные атрибуты ритуального, праздничного, Пасхального, Рождественского стола. При сервировке праздничного или другого стола вначале ставили соль и хлеб.

Ранние образцы из музеев или музейных комнат, что встретились в экспедиции, были вырезаны из дерева, выточены токарным способом, сплетены из бересты, вылеплены из глины местными кустарями. Переносные солонки для дороги или промысла плели из бересты в форме фляжки, бутылочки. Они имели плотно прилегающую деревянную пробку-втулку. Глиняные или выточенные из дерева солонки обычно приобретали на рынках, у местных кустарей. Среди бесермянских коллекций в музейных собраниях встречаются солонки из рога (барана, козла) с деревянной втулкой.

Фото 1. Солонки в коллекции Музея бесермянской культуры. 1, 2 – берестяные дорожные солонки, 2 – глиняная, передана из Кировской области (русские?), 3 – деревянная солонка токарной работы. Пышкетский отдел Юкаменского краеведческого музея. с. Пышкет, Юкаменский район, УР. 2023.

Фото Е. В. Поповой

¹ Здесь и далее в бесермянских словах часто встречающийся звук, отсутствующий в литературном удмуртском языке и обозначаемый как *ъ* в кириллической транскрипции, указывается буквой *ө* как предложено в издании «Тезаурус бесермянского наречия» [Усачева и др. 2017].

Фото 2. Солонка из рога барана (козла?) с деревянной втулкой. Бесермяне. Музей бесермянской культуры. д. Юнда, Балезинский район, УР. 2010. Фото Е. В. Поповой

Солонка из трутового гриба, вырезанная в форме тарелки, встретила в бытовании во время экспедиции к южным удмуртам (ПМА 2009. д. Нижняя Малая Салья, Малопургинский район, УР). По рассказу ее владельцев, такие тарелки для соли из трутового гриба встречались в деревне, их вырезали сами. Благодаря свойствам и структуре материала, соль в ней не впитывала влагу.

Фото 3. Емкость для соли из трутового гриба. д. Нижняя Малая Салья, Малопургинский район, УР. 2009. Фото Е. В. Поповой

Емкости для соли имели декор на боковой поверхности, сделанный путем вытачивания и резьбы по дереву, нанесения штампов (глина, береста), были круглой формы. Солонки в виде птицы (утки) встречались у удмуртов. Такая деревянная солонка-утка из Елабужского уезда (бывшая Вятская губерния), сделанная в технике долбления и датируемая кон. XIX в., имеется в коллекции Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) и представлена в альбоме о декоративно-прикладном искусстве удмуртов [См.: Рис. 75, Крюкова 1973, 96, 156]. Этнограф и автор альбома Т. А. Крюкова пишет: «Солонки чаще вырезались в форме водоплавающей

птицы-утки, с выдвигной или раздвижной крышкой. На крышке (спине утки) иногда помещали скульптурные фигурки утят. Солонка-птица – это одна из характерных и древних форм домашней утвари на Русском Севере, у коми, коми-пермяков и удмуртов» [Крюкова 1973, 101]. Подобные солонки в форме плывущей птицы с головой уточки, коня или змеи, выдолбленные из цельного куска дерева с отдвижной крышкой на спине, встречались на севере – в Вологодской и Архангельской губерниях, в Смоленской губернии; хвост и голова служили ручкой солонки, крышка крепилась в хвостовой части с помощью деревянного гвоздя [Лаврентьева 1992, 46–47].

Т. А. Крюкова приводит из коллекций этого же музея в указанном выше альбоме две берестяные солонки удмуртов (нач. XX в.) из Сарапульского уезда [См.: Рис. 91. Крюкова 1973, 109, 156]. Они сделаны из цельного куска бересты, большого размера, цилиндрической формы, с круглым деревянным дном. Одна имеет узорное тиснение, другая – резную и скрученную по диаметру берестяную полоску. Наружная сторона украшена круговой наклейкой так, что полосы бересты с зубчатыми краями наклеены одна на другую таким способом, что зубчатые края всех полосок видны, и в результате – все бока солонки покрыты выпуклым зигзагообразным орнаментом [Крюкова 1973, 114].

Деревянные солонки в технике художественной резьбы в виде утки, или с ручкой на крышке в форме утки, изображения птицы (утки) встречаются у удмуртов помимо солонки в деревянных черпаках и ковшах для пива, имеющих обычно ритуальное назначение. В форме птицы (утки) вырезали ручки такой посуды или сам сосуд, как, например, ковши-сосуды для пива [см. рис. 79, 80. Крюкова 1973, 99], и «специально изготовленных для молений в священной роще “луд” и родовом святилище “куала”» [Рис. 80. Крюкова 1973, 99, 101, 112]. Не случайно важный для мифологии и картины мира образ встречается в посуде для хранения и подачи значимых продуктов, блюд и напитков, в числе которых и соль.

Вкус соли, символика соленой и несоленой пищи

Вкусовые характеристики соли, её избыток или недостаток в пище у бесермян передают прилагательные *кузьот*, редко *кузьял*, в значении – ‘соленый’, пересоленный, *кузьрес*, *кузьорес* – ‘солонватый, немного пересоленный’ [Усачева и др. 2017, 91]. В удмуртском языке значение «солонватый, солонвато» передает вкусовое понятие: *корел*, *кузьыр-мазьыр*, *кузьытпыр*, *кузьытпырьем* [Большой удмуртско-русский словарь: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?word=солонватый&lang=>]. По мнению В. В. Напольских, этимология обозначения вкусовых характеристик соли, значения «соленый» в удмуртском языке восходит к характеристике продуктов и пищи с такими вкусами как «кисло-соленый», «кислый», «горький», то есть к вкусовым определениям разной пищи, имеющей первоначально этот вкус благодаря своим природным качествам и в результате переработки (квашения, закисания, сквашивания); относится к сквашенным и кисломолочным продуктам, что указывает на относительную древность этой вкусовой характеристики, которая затем обозначила и вкус соли [см. подр.: Напольских 2022, 101–106], ср. также прафинно-угорское обозначение кисло-соленого и палеодиетологическую интерпретацию понятия [Напольских 2022, 100–116].

Природные, вкусовые и символические характеристики соли широко представлены в удмуртском фольклоре (фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках). Соль в них характеризуется как необходимая часть блюд и одновременно продукт, который сам по себе, то есть самостоятельно не используют в пищу: *Нимаз уг сиё, сотэк уг сисько* – ‘Одну не едят, а без неё не едят’; *Монэ уг сиё, нош монтэк шер сисько* – ‘Меня не едят, но без меня редко когда едят’, *Монэ ёжыт сиё, нош монтэк уг сиё* – ‘Меня мало едят, а без меня не едят’ [Удмуртский фольклор 1982, 113]. Удмуртская поговорка *Сылалтэк сиыны* – ‘Без соли съест’ [Удмуртский фольклор 1987, 223] означает несоленую и безвкусную еду, пресную и неполную (неяркую) по вкусовым качествам, также несбывшиеся планы, обманутые ожидания и разочарования, ср. русской поговорке «Несолоно хлебавши». Еда без соли олицетворяла бедность и нищету. Пресное и несоленое у башкир, например, характеризует пустое, никчемное, бестолковое, бессмыслицу или глупость [Мигранова 2016, 239].

В кухне южных удмуртов встречается традиция смазывать лепешки *табань* маслом и сверху слегка подсаливать, чтобы «они были вкуснее» (ПИМА 2004. д. Карамас Пельга, Киясовский р-н, УР).

Однако соли в еде должно быть в меру, ее избыток символизирует испорченную и непригодную пищу. Выражение удмуртов: *Котькин ас шыдзэ ас сяменыз сылалтэ* – ‘Всяк свой суп по-своему солит’ [Удмуртский фольклор 1987, 66] обозначает разные вкусовые предпочтения, в широком смысле выступает мерой и образом различных человеческих и личных предпочтений, способностей и характера.

Свойства соли усиливать вкусовые качества продуктов (а при избытке испортить), вызвать жжение и боль при попадании на раны или слизистые, встречаются в символическом обозначении страданий, психологических и болевых травм, негативных эмоции и чувства боли, способности испортить что-либо. Ср. у бесермян выражения: *Сөлалзэ ватсаз* – ‘Добавил соли’, *Вераськоназ сөлалзэ ватсаз* – ‘В разговор (речь) добавил соли’, *Мөлкөдзэ сөлалтиз* – ‘Подсолил настроение’ (ПМА) в значении – ‘испортить настроение, доброжелательный разговор, внести в него негативную информацию’. Ср. примеры из удмуртского фольклора: *Өлөксы интые сылал пизьнасьёс шедёзы* – ‘Найдется кому на больное место соли посыпать’ [Удмуртский фольклор 1987, 49]. В значении ‘испортить что-либо’, настроение, дело или намерения, используется фраза: *Чечы вышкые сылал пизьнаны* – ‘Подсыпать соли в бочку с медом’ [Удмуртский фольклор 1987, 226]. К соли как усиливающей вкус и болевые ощущения при попадании на раны отсылает фраза: *Сылалэн пизьнам кадь висыны* – ‘Болезнь, будто солью присыпали’ [Удмуртский фольклор 1987, 223].

Переизбыток или недостаток соли в пище по невнимательности выступает символом недосмотра или бесхозяйственности: ср. *Пёзтьисьёс трос ке, жук сылалтэк пёзе* – ‘Если стряпух много, каша без соли варится’ [Удмуртский фольклор 1987, 31], что обозначает испорченную от пересола или недосола не только еду, но в широком смысле и дело.

Соль и соленость противопоставляются сладости, например, меду, который сам по себе по вкусовым качествам является ценным и самодостаточным продуктом, и не требует дополнительного усиления вкуса: *Чечыен нянь вылэ сылал уг пизьнало* – ‘Хлеб с мёдом солью не посыпают’ [Удмуртский фольклор 1987, 122], или в значении, что хорошее дело или намерение не требует улучшения. Здесь в значении ненужности, бессмысленности действий, как и дополнительных приправ в вкусную и самодостаточную пищу.

В удмуртском фольклоре встречается, связанный со вкусом и назначением соли, следующий образ. У положительного и хорошего в широком смысле человека и соль имеет иные качества (сладкая и уже не соленая), в значении, что у него все идеально, и сам человек во всех смыслах хорош, и даже соль становится сладкой: *Жеч муртлэн сылалэз но чesкыт* – ‘У хорошего человека и соль сладка’ [Удмуртский фольклор 1987, 71]. У башкир, например, для обозначения чего-либо приятного, притягательного говорили: «как будто посыпанный солью» [Мигранова 2016, 239].

Соль как символ радушия, достатка и ритуальный продукт

В народной культуре соль находится в числе символически важных продуктов как хлеб, отсюда – «хлеб-соль», ср. *слал но нянь* (букв.: хлеб и соль). Хлеб и соль (*нянь но слал*) – важные пищевые символы наряду с хлебом и маслом – *нянь-вөй* (удм.), *вей-нянь* (бес.), символизируют достаток, благосостояние, радушие, полноту стола и обилие угощения. Это нашло отражение в пожеланиях жить с хлебом, маслом, солью, в некоторых текстах – еще и с медом. Аналогичное отношение к соли, хлебу-соли найдем в других культурах [Лаврентьева 1992; Пьянкова, Седакова, 2012]. По своей сакрализации, например, у коми-зырян соль шла вслед за хлебом [Чудова 2008, 88]. В славянской культуре «устойчивое соединение двух самоценных по себе и собственной символически продуктов “хлеб-соль” образует единство, основополагающее для многих ритуалов» [Пьянкова, Седакова 2012, 113].

Соль находится среди продуктов застолья, ритуального стола, символизируя достаток, одновременно являясь оберегом. Это нашло отражение в пожелании «хлеба-соли». У бесермян при виде нарождающегося нового месяца, чтобы прожить в достатке весь календарный месяц произносили «Хлеб и соль!» (*Нянь но слал!*) (ПМА 2000. Зямбахтина Т. В., 1930 г. р., д. Шамардан), ср.: «*Нянен сөлалэн весяк улём шуса вералляз* – ‘Рассказывала, что жили всегда с хлебом и солью’» [Усачёва и др., 2017, 100]. У коми-зырян для обозначения состоятельного человека существует выражение «*няня-сола морт*» (букв.: человек с хлебом и солью), а выражение «*нянь да сов*» «выступает обобщенным названием угощения» [Чудова 2008, 89].

Особые предписания связаны с одалживанием соли. Соль, наряду с хлебом и спичками (ранее огонь) бесермяне старались не давать в долг *пунэмен* (ПМА 2020. д. Жувам, Юкаменский р-н, УР). Взятая в долг соль у бесермян возвращается, даже несмотря на ее доступность и относительную дешевизну в наши дни. Обычай возвращать взятые в долг соль и хлеб нашел отражение и в удмуртском фольклоре: *Сылалэн нянь пунэмо* – ‘Взятые в долг хлеб-соль надо возвращать’ (ср. русск.: Долг платежом красен) [Удмуртский фольклор 1987, 11]. Аналогичная традиция встречалась у коми-зырян, где соль давали займы неохотно, особенно после заката, и «При необходимости соль дают за мелочь, количество которой должно быть нечетным, т. е. фактически ее покупали» [Чудова 2008, 88–

89]. У башкир было поверье, что нельзя отдавать взятую в займы соль [Мигранова 2016: 239], «не рекомендовалось занимать соль у соседей или же покупать ее в лавке после заката солнца, в случае необходимости при покупке не упоминали слово “соль”, а просили дать “пищу»» [Мигранова 2016, 239]. У русских встречалось поверье, что соль всегда должна быть в доме и плохо ее занимать [Лаврентьева 1992, 45]. Соль у восточных славян запрещали отдавать в долг, «особенно соблюдались запреты на передачу соли в праздничные дни, связанные с культом предков, в начале какого-либо дела, при рождении ребенка, во время свадьбы и т. п. – в дни, когда отдача чего-либо была невозможна» [Лаврентьева 1992, 46].

Хлеб и соль принято держать на столе, чтобы он не был пустым. Соль и хлеб в качестве подношений означают гостеприимство, радушие, соглашение сторон. Соль среди блюд ритуального стола и молений в числе таких ценных и символически продуктов как хлеб, каша, масло. Соль ставили на стол в первую очередь вместе с хлебом, «хлеб-соль» подавали при встрече гостей. С хлеба и соли бесермяне и северные удмурты начинают накрывать стол перед трапезой, ставят на стол во время календарных и семейных обрядов. В ряде локальных, южно-удмуртских традиций чаще всего можно встретить в этом качестве хлеб с маслом. Северные удмурты во время моления божествам и предкам обращались в направлении выставленных на столе хлеба и соли (ПМА 2023. Игринский р-н, УР).

Соль, хлеб, масло и мед удмурты ставят при чествовании новорожденного, с приходом гостей «отец новорожденного садится в шапке за стол, и пред ним женщины ставят бутылку кумышки и рюмку; кладут мед, каравай хлеба с солью и горбушку хлеба с маслом. В молитве, между прочим, отец просит новорожденному здоровья, счастья, силы...» [Верещагин 1886, 210].

Особыми свойствами наделяли четверговую соль, стоявшую на столе в ночь на Великий четверг. В течение года ее использовали в лечебных и защитных целях, вместо снадобья и с очистительной целью. Соль и хлеб символизируют достаток, наделяются продуцирующими функциями, и эти их свойства старались перенести на предстоящий земледельческий год, особенно, если держали эти продукты на праздничном столе. Удмурты некоторых локальных групп в ночь на Великий четверг стелили на стол чистую скатерть, ставили кумышку, рюмку, солонку с солью, каравай хлеба и оставляли их до утра. После утренних обрядов и посещения бани, усаживались за стол, угощались этой кумышкой «и закусывают хлебом-солью, чтобы в этом году были довольны кумышкой и хлебом с солью» [Верещагин 1886, 66–67]. Эту соль называли *четверик сылал* (букв.: ‘соль с четверга, четверговая соль’), веря в её целебную силу, использовали при лечении некоторых болезней [Верещагин 1886, 67]. Эту соль с Великого четверга насыпали от сглаза на темя ребенка по утрам [Владыкина 1992, 136]. У бесермян накануне Великого четверга кладут на стол мелкие монеты, ставят хлеб и соль, чтобы жить в достатке (ПМА. д. Гордино, д. Юнда). Эти хлеб и соль со стола Великого четверга в некоторых селениях бесермяне используют при первом выгоне скота, наделяя именно их сильными продуцирующими и защитными свойствами (ПМА. д. Каменное, Юкаменский р-н, УР).

У удмуртов соль как важный компонент моления и общественных трапез весеннего обряда *акашка* даже собирали вскладчину вместе с крупой, яйцами, говядиной, маслом: из яиц стряпали яичницу, а на лугу девушки варили кашу из собранных продуктов [Гаврилов 1891, 96]. В наши дни эта традиция сохраняется во время проведения моления, общей трапезы весеннего обряда *Акашка* в понедельник после Пасхи – *Великтэм*, когда также собирают продукты (крупы, масло, яйца) в складчину, включая соль (ПМА. д. Карамас Пельга, Киясовский р-н, УР).

У бесермян соль находится в числе ритуальных продуктов обряда выхода на посев, символизируя с хлебом (хлеб-соль) в целом пищу, трапезу и подношения божествам: «Наутро выходили пахать на свои полосы с хлебом-солью, со стряпней, с крашеными яйцами, сеяли» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. РФ. Оп. 2Н. Д.431. Л. 33. д. Большая Юнда, Балезинский р-н. Зап. от Урасинов Степан Сидорович, 67 лет, бесермянин. Соб. Дерендяев С. С.). Источники упоминают соль у бесермян в числе блюд ритуальной трапезы этого весеннего обряда в д. Шамардан еще в пер. пол. XIX в.: «...новокрещенные татары (здесь: бесермяне – прим. авт.) д. Шемардановской при начати пашни весною 1836 года, точно окаяшки совершали, которяя заключаются в обычае, издревле предками их отправляемом, следующего рода: когда сделают приступ к пашне, каждый домохозяин со своим семейством приходит в поле, приносит с собою хлеб, соль и разную стряпню, пиво и вино, как бы, по их мнению, для чествования земли и испрошения от нея изобильного урожая хлеба, – где и обедают...» [Столетие Вятской губернии 1881, 558].

Магическую силу придавали соли, простоявшей на столе в праздники или при начале каких-либо дел, предназначенную также для предков и духов. Бесермяне при выгоне скота на пастбище вы-

ставляли на стол соль, крупу, хлеб или муку. Эти продукты не убирали до возвращения скота с пастбища, иногда их держали три дня (ПМА. д. Каменное, Юкаменский р-н, УР).

Бесермяне собирались в чьем-либо доме на деревенскую трапезу обряда проводов святочных духов *вожо*, но вначале несколько человек выезжали за пределы деревни с продуктами, где упоминается и соль: «...Трое или четверо почтенных бесермян берут с собой белую скатерть, солонку с солью, ложку и вилку (вилку деревянную, собственного изготовления, какими кушают все бесермяне), по чашке каждого из приготовленных к ужину кушаний, садятся в сани и едут куда-то в поле. <...> Через час времени они возвращаются в “избу вожо”, но уже без чашек, без скатерти и без всяких припасов. Тогда-то и начинается пир горой и веселье во всю до утра» [Зеленин 1910, 117].

Соль служит подношением божествам, духам и предкам как самостоятельный продукт и вместе с хлебом (хлеб-соль). Ломоть хлеба специально посыпали солью при обращении к божествам и духам природы, покровителям человека и хозяйственных построек во время молений и обрядов. Среди северных удмуртов в качестве такого подношения часто упоминается именно посыпанный солью хлеб. После обмолота хлебов северные удмурты в овине устраивали трапезу *кутсан быдтон* (букв.: окончание обмолота) в честь завершения работ, с благодарностью покровителю овина *обинь мурт*. Расстелив скатерть поверх намолотого зерна, клали каравай хлеба, соль и кумышку. Старший из присутствующих брал хлеб, отрезал горбушку и солил её, затем повернувшись к овину, произносил молитву и благодарил *обинь-мурта*, что «не спалил овина и кладух», за хороший помол и чтобы в будущем также не спалил овин и кладух, зерно «в умолоте было споро», помог в поиске выгодных покупателей, и хлеба хватило до нового урожая. Затем небольшой кусок хлеба с солью и часть *кумышки* старик относил в овинную яму, вернувшись, доедал хлеб и допивал *кумышку*, и начиналось общее угощение [Первухин 1888, эскиз 2; 86]. К трапезе на Святки северные удмурты накрывали стол белой скатертью, ставили каравай хлеба, соль и масло. Хозяин, нарезав хлеб кусками, посыпал их солью, намазывал маслом и читал молитву [Первухин, 1888, эскиз 2; 125].

У центральных удмуртов встречался обычай в новоселье устраивать застолье для родственников, и хозяин с молитвами обращался к богу с просьбой о счастливой жизни в новом доме, перед ним на стол ставили яичный блин, каравай хлеба, солонку с солью [Верещагин 1886, 57].

У бесермян в свадебном обряде, провожая невесту из родительского дома, крестные обводили пару посолонь вокруг стола, где стояли хлеб и соль [Попова 1998, 137], родители жениха выходили с хлебом и солью встречать свадебный поезд с молодыми [Попова 1998, 129]. Соль и хлеб бесермяне ставят на стол в доме родителей жениха перед выездом на сватовство, обращаясь к предкам и божествам с просьбой о его благополучном исходе [Попова 1998, 150]. Бесермяне перед проводами новобрачного из дома обводят его вокруг стола, где стоят хлеб (чашка с мукой), масло, соль и напитки (квас, чай). Здесь пища и стол символизируют отчий дом, родное пространство, одновременно являясь оберегами и гарантией его возвращения [Попова 2011, 53].

Символика и назначение блюд без соли (несоленая пища)

Солить пищу, если и стало привычно, однако блюда без соли у бесермян и удмуртов встречаются в ритуальных и поминальных трапезах, подношениях предкам и духам.

У бесермян приготовление мясного бульона без соли для предков упоминала одна из собеседниц, описывая приготовление её бабушкой несоленого бульона из мяса жертвенного животного в дни поминок, и это блюдо предназначалось умершим и предкам (ПМА 2004. Юкаменский р-н, УР).

Хлеб без соли в кон. XIX в. упоминает Б. Гаврилов в описании поминальной кухни южных удмуртов. Он пишет, что, уложив покойника в гроб, готовили суп и три маленьких пресных лепешки без соли, затем суп и лепешки приносили на стол. Каждый брал по маленькому кусочку лепешки и ложке супа, клал их в корытце, поставленное у гроба в ногах покойного, при этом поминая умерших (*чук пересьёс*) обращались с просьбой не трогать живых. Этими лепешками поминают и на могиле после погребения [Гаврилов 1891, 118].

Обычай готовить без соли обрядовую пищу встречался среди северных удмуртов еще в XX в. Яичные блины *чуж мильым* (букв.: желтые блины) без соли выпекали при болезни и клали на веточке под подпорки изгороди для хранителя поля со словами: «Хранитель поля, не обижай, может, между перешла твою» (*Луд утись, эн обижатъ кар, может межадэ потим*). Ритуальное блюдо выносила сама заболевшая (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. РФ. Оп. 2Н. Д. 432. Л. 12. д. Варни, Дебесский р-н. Зап. от Серебрянникова Дарья Захаровна, 65 лет, удмуртка. Соб. Каракулова Л.). Северные удмурты готовили гуся и кашу без соли к трапезе и молению *кереметю* во время жертвоприношения

в роше (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. РФ. Оп. 2Н. Д. 431. Л. 37. д. Исаково, Балезинский р-н. Зап. от Князев Илья Елизарович, 71 год, удмурт. Соб. Дерендяев С. С.).

Использование соленой или несоленой пищи, например, в славянской традиции регламентировало приготовление ритуальных блюд, у восточных славян еду без соли готовили в дни похорон, у русских не солили кутью, поляки не солили выпечку, приносимую на могилы [Лаврентьева 1992, 52–53; Пьянкова, Седакова 2012, 114]. Еда без соли олицетворяла еду иного мира [Лаврентьева 1992, 53].

Отсутствие соли подчеркивает архаичность, ритуальный статус такой пищи, ее назначение для представителей иного мира.

Защитные и лечебные функции соли, приношение соли духам

Соль использовали как защитное средство от сглаза, нечистой силы: ею обсыпали оберегаемый предмет, больного или ребенка, скот и приплод домашних животных. На лоб новорожденных телят и ягнят удмурты насыпали немного соли, чтобы их не сглазили [Владыкина 1992, 136], на стол вначале выставляли хлеб и соль, считая, что взгляд входящего вначале должен упасть на стол и соль, и тогда он не сможет сглазить [Владыкина 1992, 36; Панина 2014, 121].

Бесермяне при лечении ребенка от сглаза, усаживали его под матицей и трижды обводили щепоткой соли вокруг его головы, и затем бросали ее в огонь со словами, чтобы тот сжег сглаз и глаза сглазившего (ПМА 1993. Малых Н. С., 1918 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР), [Попова 1998, 74–75]; «*Ўальлан дөръя абиос синь усем пинялзөлө шуса слал сүтөлїзө гур азьөн* 'Раньше бабушки, если ребёнок сглазят, соль сжигали в загнетке'» [Усачева и др., 2017, 100]. Удмурты в таких случаях приговаривали, что солью посыпают сглазившие глаза [Панина 2014, 121]. Защитные и магические свойства соли здесь выступают как сильное средство от потусторонних сил. Такое ее назначение встречается и в других культурах. Башкиры применяли соль в качестве оберега от потусторонних сил, ставили у тела покойного, подсоленной водой обрызгивали больного, защищая от нечистой силы, купали в подсоленной воде новорожденного, насыпали его голову солью [Мигранова 2016, 239].

Бесермяне совершали приношение маслом с солью при лечении болезней, язв, отеков и опухолей ног; прикасались хлебом, маслом и солью к больному месту или обводили вокруг, затем выносили туда, где предположительно человека схватила болезнь. Масло и соль клали также в свой след и наступали на них, делая это в недоступном для других месте, чтобы болезнь отступила (ПМА 2023. д. Жувам, Юкаменский р-н, УР и др.). Бесермяне также оставляли масло, хлеб с солью в местах, где схватила болезнь с целью задобрить духа болезни или духа места (леса, реки или источника): *Неврама орчи ошмес дорти, пөдө висьөнө кучкиз, вöен нянь но кеньөр, слал куяськи* 'Не вовремя прошла мимо ключа, нога стала болеть, разбросала хлеб с маслом, крупу и соль. С целью задобрить хозяина места, чтоб нога перестала болеть' [Усачева и др., 2017, 100].

Северные удмурты хлебом с солью обтирали рану и бросали их после захода солнца в любое место (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. РФ. Оп. 2Н. Д. 432. Л. 8. д. Лесагурт, Игринский р-н. Зап. от Серебренникова Николай Семеновича, 75 лет. Соб. Каракулова Л.).

Бесермяне и северные удмурты поливали подсоленной водой место, известное своей негативной характеристикой, считая, что там человека «схватила» или «притянула» болезнь (место). Насыпали соль, поливали соленой водой там, где человек (ребенок) споткнулся, упал или получил травму. Бесермяне и северные удмурты стараются таким способом обезопасить негативное пространство, «притянувшее человека», и этим помочь его выздоровлению (ПМА. д. Гордино, Юнда, Балезинский р-н, УР). Такие «опасные» участки ландшафта также закладывали железным предметом (ПМА 1994. дд. Коротай, Гурзи, Курегово, Глазовский р-н, д. Гордино, Балезинский р-н, УР).

Соль использовали в качестве подношения для духов болезней, божеств и духов природных (лес, река) и ландшафтных объектов. Бесермяне приносят духам болезней и объектов природы соль вместе с хлебом, мукой, крупой, монетой, нитками и холстом ткани при совершении обряда *куяськон* (букв.: бросать) (ПМА). Северные удмурты, когда считали, что человека «схватили» родник или река (божества и духи источников), то для задабривания и исцеления совершали приношение продуктами *куяськон* (букв.: бросить), и среди продуктов была соль. Горбушку хлеба, крупу, соль бросали через левое плечо со словами: «кроме этого с меня не спрашивай и за мной не ходи больше» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. РФ. Оп. 2Н. Д. 431. Л. 21. дд. Малая Кизня, Варни, Дебесский р-н. Зап. от Константиновой Пелагеи Егоровны, 64 года, удмуртка. Соб. Дерендяев С. С.). Если «поймала река», то заворачивали в тряпочку хлеб, соль, крупу, крошки хлеба, перевязывали льняной ниткой, обводили этим узелком с продуктами рану и со словами *эн ни юа-вера монэ* – 'не вспоминай – не говори обо

мне', бросали вечером через левое плечо на перекресток дорог (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. Оп. 2Н. Д. 433. Л. 10. д. Удлем, Дебесский р-н. Зап. от Докучаевой Марии Федоровны, 67 лет, удмуртка. Соб. Маштакова М.).

Хлеб и соль северные удмурты приносили Хозяину леса при лечении от испуга, когда человек онемел, напугался в лесу, если причину видели в нем. В этом случае брали посыпанный солью ломоть хлеба, жрец *куапоп*, руководивший молениями в родовом святилище *куала*, молился: «Если человек онемел, то куа поп молился. Однажды <...> начала блевать, и куа поп сказал, что её напугал лесной. Он взял хлеб, посыпал солью, помолился, и на другой день она перестала болеть» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. 1970. Оп. 2Н. Д. 432. Л. 11. д. Варни, Дебесский р-н. Зап. от Серебрянниковой Дарьи Захаровны, 65 лет, удмуртка. Соб. Каракулова Л.).

Бесермяне устраивали «угощение» для духа болезни при кори и оспе у ребенка: застилали стол скатертью, клали хлеб, соль и топленое масло [Попова 1998, 70]. При детской бессоннице, чтобы умиловить умерших предков, бесермяне заворачивали в лоскут ткани крупу, муку, соль, мелкие монеты и выносили за пределы усадьбы. Узелок с приношениями кидали в северном направлении и просили их дать «легкий, сладкий ночной сон» (ПМА 1996. Антуганова Т. И. 1924 г. р., с. Ежево, Юкаменский р-н, УР). У бесермян при болезни человека, если считали, что его покинула одна из его душ *урт*, устраивали обряд ее возвращения: знахарка выходила за ворота с белой скатертью или полотенцем, караваем хлеба, солью и маслом, брала одежду больного и звала душу *урт* [Попова 1998, 71]. Бесермяне при лечении от болезней, принесенных или пришедших с ветром, произносили заговор, при этом водили посыпанным солью ломоть хлеба перед заболевшим человеком или домашним скотом (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2Н. Д.5В. Л. 163–164).

В народной практике врачевания используются природные лечебные свойства соли: ее накладывают на больной зуб; полощут водным раствором соли горло, десна, ротовую полость; узелком с солью прогревают нос и горло.

Выводы

Соль является самой используемой специей в кухне бесермян и удмуртов, применяется при засолке, квашении, консервации, вялении мяса и рыбы, овощей и грибов, вытесняя традиционные приемы как сушка, бессолевое вяление и квашение (ферментация). Она наделяется защитными, очистительными, лечебными и символическими функциями, иррациональными и рациональными свойствами. Соль олицетворяет достаток и богатство, что прослеживается в фольклоре, ее использовании в календарных и семейных обрядах, гостевых и ритуальных трапезах, продуцирующих обрядах и подношениях. Приведенные примеры показывают высокий статус и ценность соли как продукта среди жертвенных даров вместе с другими высокоценными продуктами и пищей как хлеб (мука), напитки, каша, у бесермян и южных удмуртов еще и масло.

Соль имеется в обрядовых трапезах, среди подношений божествам и духам, при лечении болезней. Высокий сакральный статус соли видим в традиции подсаливать хлеб, который также является символически важным продуктом, для молений и приношений божествам и духам природы, построек и болезней. Однако некоторые ритуальные блюда делали без соли, что показывает назначение и сохранение архаичных вариантов ритуальной пищи как сакральной, предназначенной предкам и представителям иного мира.

Приведенные этнографические параллели свидетельствуют, что в разных культурах имеются схожие представления о соли, ее символических функциях, что восходит к природным свойствам минерала, его использованию и месту в культурах.

СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянский

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

р-н – район

ПМА – полевые материалы автора

РЭМ – Российский этнографический музей

Соб. – собиратель

удм. – удмуртский

УР – Удмуртская Республика

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Большой удмуртско-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?word=солонка&lang> (Дата обращения: 10.04.2023)
- Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края / [Соч.] Гр. Верещагина; [Предисл.: П. Соколовский]. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1886. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 14. Вып. 2). 219 с.
- Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2. С. 80–156.
- Дерендяев С. С.* Полевая тетрадь этнографической экспедиции в Дебесский, Балезинский, Ярский районы УАССР. 1970 г. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. Д. 431. [Совместная этнографическая экспедиция УдГУ и УдНИИ].
- Зеленин Д. К.* Где празднуют святки дважды в году? // Природа и люди. 1910. № 8. С. 117.
- Каракулова А.* Полевая тетрадь этнографической экспедиции в Дебесский, Балезинский, Ярский районы УАССР. 1970 г. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. Д. 432. [Совместная этнографическая экспедиция УдГУ и УдНИИ].
- Маштакова М.* Полевая тетрадь этнографической экспедиции в Дебесский, Балезинский, Ярский районы УАССР. 1970 г. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. Д. 433. [Совместная этнографическая экспедиция УдГУ и УдНИИ].
- Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Эскиз II. Вятка, 1888. 140 с.
- Полевые материалы автора Поповой Е. В.
- Работы студентов – удмуртов, мари, бесермян, коми, чувашей Вятского педагогического института им. В. И. Ленина по истории и этнографии своего народа (Этнография. Об источниках сведений по древней истории Камско-Вятского междуречья, материалы по этнографии нацмен). Том 2. НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. Д. 5В.
- Соковнин Г. И.* Удмуртская кухня. Ижевск: Удмуртия. 1975. 97 с.
- Столетие Вятской губернии 1780–1881. Вятка: Издание Вятского губернского статистического комитета, 1881. Т. 2. 541 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Владыкина Т. Г.* Удмуртские поверья в системе этносоциальной регламентации // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 126–170.
- Крюкова Т. А.* Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Ленинград: Удмуртия, 1973. 158 с.
- Лаврентьева Л. С.* Соль в обрядах и верованиях восточных славян // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб.: 1992. С. 44–55.
- Мигранова Э. В.* Башкиры. Традиционная система питания: Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Китап, 2016. 292 с.
- Напольских В. В.* Названия соли в уральских языках. СПб.: Маматов, 2022. 144 с.
- Панина Т. И.* Слово и ритуал в народной медицине. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 236 с.
- Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 236 с.
- Попова Е. В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 253 с.
- Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. 317 с.
- Пьянкова К. В., Седакова И. А.* Соль // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. С (сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 113–119.
- Трофимова Е. Я.* Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991. 171 с.
- Удмуртский фольклор: загадки = Удмурт фольклор: мадиськонъёс / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 254 с.
- Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки = Удмурт фольклор: визькылъёс, индылонъёс, ме́кыгъяньёс / сост., пер., введ. и коммент. Т. Г. Перевозчиковой. Устинов: Удмуртия, 1987. 274 с.

Усачёва М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / Ред. Усачёва М. Н. Москва: Издательские решения, 2017. 532 с.

Чудова Т. И. Кухня коми (зырян). Этнографический словарь. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. 156 с.

Поступила в редакцию 15.11.2023

Попова Елена Васильевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: elvporova@yandex.ru

E. V. Popova

THE SYMBOLISM OF SALT IN THE BELIEFS AND RITUALS OF BESERMANS AND UDMURTS

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-575-586

The article deals with salt in the rites and beliefs of the Besermans and Udmurts, the symbolic functions and protective properties of this mineral, its place in ritual cuisine and prayers to deities and spirits, the symbolism of salted and unsalted food. The study is based on oral, written, archival and field materials, folklore, and a description of salt utensils. Salt as a seasoning has long been used for cooking, preserving groceries and as a food of prayers. The taste characteristics of salt in Beserman and Udmurt are conveyed through the designation of such tastes as "sour", "fermented, acidified" and "rancid". Salt and salty are contrasted with sweet. Salted and unsalted foods have different symbolic meanings. Food without salt represented poverty and misery, empty hopes and plans. Excess salt signified spoiled food, mood and conversation, severe pain. Salt has protective, magical, and procreative properties; it is used to protect people and livestock, and to cure illnesses. Salt is among the symbolically important foods, like bread. The words "bread and salt" symbolize prosperity and good wishes. Salt, along with bread, is among the ritual meals of calendar ceremonies, weddings, births, send-offs for army service; it is put on the table during feasts and prayers, at the beginning of important events and long journey. Bread and salt were considered a talisman, a symbol of home and the home table. Bread and salt were offered to disease spirits, deities of nature. Salt from the ritual table of Maundy Thursday had special features.

Keywords: salt, folk cuisine, food culture, food heritage, salt symbolism, Besermans, Udmurts, folk medicine, folk beliefs.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 575–586. In Russian.

REFERENCES

Vladykina T. G. Udmurtskie pover'ya v sisteme etnosocial'noj reglamentacii [Udmurt beliefs in the system of ethno-social regulation]. *Traditsionnoe povedenie i obshchenie udmurtov* [Traditional behaviour and communication of Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1992. P. 126–170. In Russian.

Kryukova T. A. *Udmurtskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo* [Udmurt folk art]. Izhevsk; Leningrad: Udmurtiya, 1973. 158 p.

Lavrent'eva L. S. Sol' v obryadah i verovaniyah vostochnyh slavyan [Salt in the rituals and beliefs of the Eastern Slavs]. *Sborink Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. SPb.: 1992. P. 44–55. In Russian.

Migranova E. V. *Bashkiry. Traditsionnaya sistema pitaniia: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Bashkirs: The Traditional Food System: An Historical and Ethnographical Research]. 2nd edition., corrected and supplemented. Ufa: Kitap, 2016. 292 p. In Russian.

Napol'skih V. V. *Nazvaniya soli v ural'skih yazykah* [Names of salt in the Uralic languages]. SPb.: Mamatov, 2022. 144 p. In Russian.

Panina T. I. *Slovo i ritual v narodnoj medicine* [Word and ritual in folk medicine]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2014. 236 p. In Russian.

Popova E. V. *Semeinye obychai i obriady besermian (konets XIX – 90-e gody XX vv)*. [Family Traditions of the Bessermians (End of the 19th century till the 1990s.)]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 1998. In Russian.

Popova E. V. *Kalendarnye obriady besermian* [Besermian Calendar Rites]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2004. In Russian.

Popova E. V. *Kul'tovyye pamyatniki i sakral'nyye ob'yekty besermyan* [Cult monuments and sacral objects of the Besserman]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2011. In Russian.

P'yankova K. V., Sedakova I. A. *Sol' [Salt]. Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations Publ., 2012. Vol. 5. S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa) [S (Fairy tale) – Ya (Lizard)]. Pp. 113–119. In Russian.

Trofimova E. Ya. *Kak slozhilas' narodnaya kuhnya udmurtov. Blyuda udmurtskoy kuhni* [How has the Udmurt Folk Cuisine Developed: Dishes of the Udmurt Cuisine]. Izhevsk, 1991. In Russian.

Udmurtskii fol'klor: zagadki = Udmurt fol'klor: madis'kon'es [Udmurt folklore: riddles] / Editor by T. G. Perevozchikova. Izhevsk: Udmurtiia, 1982. 252 p. In Russian and Udmurt.

Udmurtskij fol'klor: posloviy, aforizmy, pogovorki = Udmurt fol'klor: viz'ky'l'yos, indy'lon'yos, mechky't'yan'yos [Udmurt folklore: proverbs, aphorisms, sayings] / Editor by T. G. Perevozchikova. Izhevsk: Udmurtiia, 1987. 274 p. In Russian and Udmurt.

Usacheva M. N., Arkhangel'skii T. A., Biriuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. I. *Tezaurus besermianskogonarechiia. Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan)* [Thesaurus of the Besermyan dialect. Nomina and auxiliaries of speech (the dialect of the village of Shamardan)]. Edit by Usacheva M.N. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2017. 540 p. In Russian.

Chudova T. I. *Kuhnya komi (zyryan): Etnograficheskiy slovar'* [Cuisine of the Komi (Zyryans): Ethnographic Dictionary]. Syktyvkar, 2008. 156 p. In Russian.

Received 15.11.2023

Popova Elena Vasilyevna

Candidate of Science (History), Senior Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russia
E-mail: elvpopova@yandex.ru

Инновации, технологии

УДК 069:39(571.121)(045)

Е. А. Комова

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В МУЗЕЯХ ЯМАЛА: КОНЦЕПЦИИ И ЭКСПОЗИЦИИ¹

Музейные экспозиции – яркая и востребованная форма презентации этноресурса. Ямало-Ненецкий автономный округ – один из самых музеефицированных регионов Российской Арктики и имеет огромный опыт реализации самых разных проектов этнической направленности. Рассматриваются концепции и этнографические экспозиции четырех музеев ЯНАО: Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского (г. Салехард), Приуральского районного краеведческого музея (с. Аксарка), Дома-музея «Коми-изба» (с. Мужы) и Природно-этнографического парка-музея «Живун» (д. Ханты-Мужы). Анализируются направления и результаты их деятельности. В построении этнографических экспозиций использованы разные концептуальные подходы (тематический, ансамблевый, интерьерный, открытое хранение). Первенство по внедрению в музейное пространство мультимедийных технологий принадлежит Музейно-выставочному комплексу им. И. С. Шемановского. Аутентичность и этнический колорит музеям и их экспозициям придают не только подлинные предметы, собранные на территориях проживания коренного и старожильского населения, но и сами музейные коллективы, поскольку здесь работают представители ненцев, коми и хантов, экспозиции создавались по их инициативе и с их непосредственным участием. Используя различные формы работы как с предметами, так и с посетителями, музеи Ямала выполняют задачи сохранения и популяризации этнокультурного наследия региона, служат базой для проведения региональных и международных мероприятий, выступают инициаторами новых этнопроектов. Лидерами по количеству и разнообразию форм музейной работы с посетителями выступают «Коми-изба» и «Живун». Среди общих проблем музеев – отсутствие специализированных помещений, нехватка специалистов, свертывание экспедиционной и собирательской деятельности.

Ключевые слова: музей, этнокультурное наследие, этнографическая экспозиция, Ямало-Ненецкий автономный округ, ненцы, ханты, коми, селькупы

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-587-596

Музеи выступают сокровищницами этнического и культурного наследия страны, представленного предметами материальной и духовной культуры, быта, традиций и обычаев. Помимо важнейшей хранительской функции значимую роль играет презентация этнографических собраний в экспозициях. Разнообразие научных и визуальных концепций, реализуемых в российских музеях, создает большой пласт уникальных знаний и опыта представления разных культур в одном пространстве. В последние три-четыре десятилетия этнопарки, музеи под открытым небом и постоянные музейные экспозиции стали одной из наиболее ярких и востребованных форм презентации этноресурса регионов. При профильном разнообразии большинству из них свойственна этнографическая и эколого-этнографическая направленность, что вполне оправдано: северная этнография весьма колоритна и привлекательна для посетителей, вызывает интерес у внутренних и внешних туристов [Перевалова 2019, 271]. Одной из проблем на пути широкой презентации этноресурса в музеях является «музейное мышление», когда деятельность хранителей (сохранителей культуры) и работа популяризаторов (интерпретаторов и экспозиционеров) сталкиваются, образуя если не конфликт, то контрапункт. В плане коммуникации они расходятся к полюсам предпочтения устоявшихся приемов (закрытости) и тяги к новшествам, включая цифровизацию, медиа-презентацию, интерактивность (открытость). Сегодня происходит своего рода вскрытие музеев, возвращение многих из них к первоначальной (античной) миссии театров и форумов. Неслучайно теория коммуникации стала ведущей в музеологии, обеспечив сдвиг внимания от музейного предмета к человеку-в-музее и референтному для музея обществу. В этом выражается переход от взгляда на предмет как капсулу смысла к его вовлечению в

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики», проект № 22-18-00283 (рук. А. В. Головнёв).

актуальный обмен смыслами [Головнёв 2019]. Еще один важнейший аспект, завязанный на роли и значении музеев в современном мире, — обострение проблемы размывания национальных особенностей, прерывания и утраты естественных механизмов трансляции этнических традиций. В связи с этим музеи играют роль платформы сохранения и актуализации этнокультурного наследия – совокупности материальных и нематериальных элементов этнической культуры, признаваемых в качестве ценности не только данным народом, но и окружающим полиэтническим сообществом [Курьянова, Золотарёва, Чарышова 2021].

Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области (далее – ЯНАО) – один из самых музейфицированных регионов Российской Арктики. Сеть музейных учреждений ЯНАО на 2023 г. включает 16 государственных музеев. Музеи с краеведческими (включая этнографические) и историко-этнографическими экспозициями составляют большинство². Для анализа концепций и экспозиций были выбраны четыре музея: Приуральский районный краеведческий музей (с. Аксарка), Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского (г. Салехард), Дом-музей «Коми-изба» (с. Мужи) и Природно-этнографический парк-музей «Живун» (д. Ханты-Мужи).

В статье используются полевые материалы, собранные автором во время совместной экспедиции с Ю. С. Коньковой (научный сотрудник Лаборатории музейных технологий МАЭ РАН) в г. Салехард, Приуральский и Шурышкарские районы ЯНАО летом 2023 г. Собранные в ходе экспедиции документы и интервью позволяют рассмотреть роль музеев в культурной жизни региона и их значение в сохранении, популяризации и трансляции этнокультурного наследия Российской Арктики.

Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского, созданный по постановлению губернатора ЯНАО № 292 от 11.10.2002, является правопреемником государственных учреждений «Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей им. И. С. Шемановского» и «Выставочный центр»³. Окружной музей имеет столетнюю историю, связанную в первую очередь с его основателем — Иваном Семёновичем Шемановским (в монашестве отцом Иринархом). В 1906 г. в с. Обдорск (ныне г. Салехард) было создано Хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера, впоследствии МВК [Липатова 2005]. Сегодня коллекции фондов МВК насчитывают более 240 тыс. ед. хр.

Действующая этнографическая экспозиция под названием «Пересечение трех миров» была подготовлена в 2021 г. благодаря национальному проекту «Культура» [НА МВК. Приказ № 87 «Об изменении и утверждении нового названия выставки»]. Как отмечают сотрудники музея, научная концепция новой экспозиции в основном совпадает с предыдущей, которая называлась «Этнические картины» и была разработана А. А. Арефьевой в 2010 г. [НА МВК. Арефьева А. А. Топографическая опись...]. Главным отличием стало внедрение в музейное пространство современных мультимедийных технологий. Авторство научной концепции действующей экспозиции принадлежит Н. В. Перцеву [НА МВК. Перцев Н. В. Концепция и тематико-экспозиционный план выставки...] художественное решение – С. М. Баранову.

Согласно пресс-релизу, основная идея реэкспозиции – трехчастное представление о мире у коренных народов Нижнего Приобья, в центре которого находится Мировое древо [НА МВК. Пресс-релиз выставки]. Этнографическая экспозиция решена в ансамблево-тематическом ключе. Основные тематические блоки: духовный мир, материальный мир, верхний мир. Центральными объектами экспозиции выступают два полноразмерных чума (летний и зимний). Сотрудники МВК самостоятельно устанавливали чумы, но для обустройства внутреннего убранства приглашали представителей коренного населения.

Авторы концепции старались относиться максимально корректно к презентации этнических культур. Опасались, например, негативных отзывов по поводу нахождения в одной витрине деревянных идолов, относящихся к разным народам.

В художественном решении экспозиции большое значение придавалось игре света и тени, создающей атмосферу таинственности и магии. Мистическое впечатление усиливается проекцией северного сияния. Как отмечает С. М. Баранов, свою задачу как художника он видит в работе над впе-

² Музеи Ямала. URL: <https://mvk.yanao.ru/museum/> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Музейно-выставочный центр им. И. С. Шемановского. URL: <https://mvk.yanao.ru/about/> (дата обращения: 15.09.2023).

чатлением у посетителей: «Хотелось сделать пространство более такое мистическое, чтобы было и сияние, поэтому мы сделали небо на основе линогравюры Райшева Геннадия из Ханты-Мансийска. Полностью отсекали свет дневной и сделали эти подсветки» [С. М. Баранов, ПМА 2023].

Впрочем, увлечение игрой света и тени сделало зал мрачным, к тому же в полутьме сложно читать этикетаж и пояснительные тексты. Еще одним важным художественным решением стало украшение фриза орнаментами коренных малочисленных народов.

В новой экспозиции активно использованы мультимедийные технологии. Самыми привлекательными для посетителей являются аттрактивные экспонаты «Зимний чум» и «Промысловый календарь коми». Один из чумов (летний берестяной) представлен частично, чтобы сократить используемое пространство и добавить ряд технологических устройств. В центре зала представлена мультимедийная версия промыслового календаря коми: расположенные по кругу месяцы года с главными символами – зверями [о символике календаря см.: Конаков 2004].

Если сравнить научно-художественную концепцию и осуществленное решение, то можно выделить несколько расхождений. Например, в концепции представлен один чум, половина покрышек которого летние (из бересты), половина – зимние (из шкур), а в экспозиции собраны два чума, расположенные по диагонали друг от друга, но зимний чум представлен полностью, а летний – фрагментарно. Комментируя эти расхождения, авторы ссылаются на дефицит времени: «Еще много чего должно было быть визуального..., но это просто уже физически не осилили... мы даже с манекенами толком не разобрались» [С. М. Баранов, ПМА 2023]. Среди недоработок отмечается «молчаливость» экспозиции – отсутствие этикетажа, пояснительных текстов, звукового и видеосопровождения. При этом работы по дополнению этикетажа, корректировке освещения, расширению и адаптации мультимедиа проектов в действующей этнографической экспозиции продолжаются. Автор не без юмора отмечает, что тундровая жизнь так быстро обновляется, что при реэкспозиции придется «поставить и чум со спутниковой тарелкой, чтобы телевизор там работал» [Н.В. Перцев, ПМА 2023].

Этнографическая экспозиция МВК нередко становится площадкой для школьных уроков по истории и культуре народов Ямала по новому учебному курсу «История Ямала». Кроме того, в МВК проходят многие мероприятия с этнической компонентой. Например, О. В. Соболева проводит мастер-класс по изготовлению современных изделий (кардхолдер, визитница и т. д.) из традиционных для коренных народов материалов, в том числе из рыбьей кожи. Музей участвует во всероссийских акциях, таких как Ночь музеев, Ночь искусств, Этнографический диктант.

В отзывах посетителей содержатся как высокие оценки экспозиции МВК («практически 100 % погружение в культуру и быт коренных жителей»; «очень современная и интересная экспозиция музея»), так и критические замечания, например, об отсутствии в экспозиции информации о коми населении: «Главный музей округа, а они абсолютно об этом не говорят... В фондах это есть, но они это не показывают... Когда у них обзорная экскурсия проводится, они вообще о коми не говорят». (Справедливости ради отметим, что одним из ключевых объектов экспозиции является «Промысловый календарь коми».)

Вместе с тем в замечаниях посетителей подчеркивается особый статус окружного музея. МВК – не просто «хранилище старых вещей». Это площадка позиционирования сегодняшних ценностей (неслучайно представители коми настаивают на более выразительном представлении в экспозиции их народа) и современных технологий (тем более что действительно сегодняшние кочевники смотрят в чумах цифровое телевидение). В этом смысле региональный музейный комплекс ориентирован как в прошлое, так и в будущее, что неизбежно отражается на стиле и оснастке его экспозиций и спектре проводимых мероприятий. Оставаясь главным культурным институтом в масштабах города и округа, МВК служит опорным пунктом для презентации культуры и традиций коренного населения Ямала на всем пространстве Российской Арктики.

Приуральский районный краеведческий музей

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Приуральский районный краеведческий музей» находится в с. Аксарка Приуральского района ЯНАО. История музея началась в 1980-х годах со школьного туристского краеведческого кружка и музея при нем, на базе которого 22 октября 1991 г. был создан краеведческий музей⁴.

⁴ Приуральский районный краеведческий музей. URL: <https://priuralye-rkm.ru/wp-content/uploads/2016/02/Reshenie-ob-otkrytii-muzeya.jpg> (дата обращения: 15.09.2023).

Сегодня в музее работают 13 сотрудников. Фондовое собрание насчитывает около 10 000 предметов. Здание, в котором располагается музей, принадлежало ранее районному Комбинату бытового обслуживания, и его адаптация к музейной работе стоила немалых усилий. В одном из пяти постоянных выставочных залов располагается экспозиция «Этнография», где представлена культура коренного населения⁵.

Работа над этнографической экспозицией под руководством Гаврилы Алексеевича Лаптандера была начата в 1999 г. Первоначально проект готовила группа специалистов из Свердловской области, но их концепция была отклонена, так как подразумевала помещение музейных предметов в специальные стеклянные витрины, что, по мнению сотрудников музея, затруднило бы коммуникацию между экспонатом и посетителем.

Г. А. Лаптандер, выходец из семьи кочующих ненцев, сам разработал концепцию новой экспозиции и воплотил ее в жизнь. В небольшом зале заняли место и чум, и нарты, и традиционная одежда, и другие предметы материальной и духовной культуры. Его подход к созданию экспозиции – тематический с открытым хранением. Центральный экспонат – модель чума с манекеном женщины и ребенком в люльке. Для расширения визуального поля экспозиции зал драпирован фотообоями с изображением повседневной жизни кочевников Ямала (автор фотографий Г. А. Лаптандер).

Адаптированная к помещению и нуждам экскурсоводов модель летнего брезентового чума не в полной мере соответствует традиционному жилищу кочевников, однако за счет оригинальных экспонатов (нарты, арканы, одежда) стала главным объектом экспозиции и рассказа об оленеводстве и кочевом быте коренного населения Ямала. В экспозиции также представлено одно из важнейших занятий коренного населения региона – рыболовство (плетеные ловушки, сети, весла; в единственной стеклянной вертикальной витрине – кожа рыбы, мешок из кожи налима, деревянный черпак для бударки и грузила). Важным элементом экспозиции стал этикетаж: информация о предмете, а часто и его дарителе дублируется на языке коренного народа.

Из-за ограниченного пространства предметы охоты и духовной культуры представлены в экспозиционном зале «Природа» – реконструкция святилища (священное дерево с рогами оленя и повязанными на него цветными ленточками), здесь же выставлены шаманские атрибуты (бубен). По отзывам экскурсоводов, это пересечение тем создает сложность в выстраивании экскурсионного маршрута.

Экспозиция сильна подлинностью экспонатов, большинство из которых были собраны в этнографических экспедициях сотрудников музея в конце XX – начале XXI в.

В перспективе музей должен переехать в новое здание, строящееся для всех учреждений культуры Аксарки: библиотеки, музыкальной школы и краеведческого музея. Г. А. Лаптандер планирует изменить этнографическую экспозицию, чтобы обеспечить смысловой переход от природы к этнографии (охота, оленеводство, рыбалка и т. д.).

Таким образом, в основе концепции этнографической экспозиции Приуральского районного краеведческого музея лежит мироощущение и мировоззрение носителя ненецкой кочевой культуры, являющегося создателем экспозиции и одновременно заведующим отделом по охране памятников истории и культуры музея и его самым востребованным экскурсоводом.

Наряду с экспозицией, этнография представлена в целом ряде мероприятий, проводимых музеем. Например, сбор предметов осуществляется в ходе праздников или сбора детей в школы на вертолетах, организованных администрацией Приуральского района.

Взаимодействие сотрудников музея с кочующими оленеводами позволяет поддерживать и возрождать традиции. Например, совместными усилиями был восстановлен праздник *Ta er yalya* (День середины лета), когда оленеводы Севера благодарят небо за дары природы, за милость и благосклонность⁶. В самом музее в ходе экскурсий по этнографической экспозиции проводится мастер-класс по плетению аркана (благодаря тому, что предметы находятся в открытом доступе, их можно трогать и рассматривать со всех сторон). В числе разработанных Г. А. Лаптандером проектов – «Игры и забавы коренных народов Севера», рассчитанный на детей и подростков. В 2022 г. Приуральский музей выступил организатором конкурса блюд народов России «Чем дальше в будущее входим, тем больше прошлым дорожим...», в котором были представлены угощения русских, ненцев, ханты и коми (по-

⁵ Приуральский районный краеведческий музей. URL: <https://priuralye-rkm.ru/ob-uchrezhdenii/> (дата обращения: 15.09.2023).

⁶ Приуральский районный краеведческий музей. URL: <https://priuralye-rkm.ru/novosti/ta-er-yalya-odin-iz-samyh-rochitaemyh-prazdnikov-korenyh-narodov-severa/> (дата обращения: 15.09.2023).

бедителем признана рыбная строганина юных мастеров из хантыйского рода Тайшиных)⁷. Сотрудники музея присоединяются к общероссийским и региональным праздникам и фестивалям (Ночь музеев, Ночь искусств, День оленевода, День рыбака и т. д.).

Таким образом, этнографическая деятельность Приуральского музея разнообразна и постоянна, основана на традиционных знаниях коренных жителей, работающих в музее. В отзывах посетителей выражена благодарность экскурсоводам за «сохранение истории», за «воспоминания о детстве», за возможность узнать «много интересного о жизни ненцев» и погрузиться «в быт коренных народов». Как подчеркивает создатель этнографической экспозиции Г. А. Лаптандер, залог успеха экспозиции — ее открытость и доступность, позволяющая «оживлять» предметы путем их физического использования в ходе экскурсий и мастер-классов. Интерактивность этнографической экспозиции обусловлена не модой на музеи, где все вещи можно трогать руками, а характером традиционной культуры народов Ямала с ее эстетикой практичности [о северной эстетике см.: Головнёв 2017].

Дом-музей «Коми изба»

Дом-музей «Коми изба» находится в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО⁸ и является самостоятельным структурным подразделением МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва». В штате музея три сотрудника⁹.

Идея создания музея культуры народа коми впервые родилась при основании районного музея в 1986 г. Помещение для музея (два зала) было выделено в здании церковно-приходской школы. Здание выстроено в традициях северно-русской архитектуры рядом с церковью. Таким образом, Дом-музей «Коми изба» вместе с православным храмом и воскресной школой составляют единый ансамбль и культурный центр. Идейным вдохновителем и первой заведующей нового музея стала А. А. Худалей. Экспозиция музея (автор концепции Л. А. Филиппова) была открыта 10 декабря 2006 г.

Сегодня «Коми изба» позиционируется как этнографический музей, хранилище материальной и духовной культуры, этнической истории коми-зырян Северного Зауралья¹⁰. В музее два зала: в первом размещена постоянная экспозиция, во втором – временные выставки.

Постоянная экспозиция воспроизводит внутреннее убранство традиционной коми избы середины XIX – начала XX в.

В построении этнографической экспозиции использованы устные свидетельства, воспоминания старожилов и архивные материалы, описания путешественников и очевидцев (исследователя И. М. Воропая, священника З. Козлова), а также научные разработки современных исследователей истории и культуры коми (Н. А. Повод и др.). Экспозиция создавалась при участии представителей коми, которые приносили в музей свои вещи [Золотарёва, Филиппова, с. 2].

Интерьерный подход к построению экспозиции соответствует главной идее, заложенной в самом названии музея – «Коми изба». В залах отсутствуют витрины, экспонаты «окружают» посетителя. При входе в зал посетитель обнаруживает справа от входа печь (модель-реконструкция), на стене располагается различная хозяйственная утварь. Прямо напротив входа женские манекены в традиционной одежде. Здесь же шкаф, стол, красный угол, деревянная кровать с пологом, подвешенная люлька и сундук. Этикетаж содержит информацию о предметах на двух языках, русском и коми.

Нынешняя заведующая «Коми избы» Людмила Александровна Филиппова видит перспективу развития музея и его экспозиции в постройке традиционной коми усадьбы с надворными постройками, сеновалом, баней и оградой.

Важным дополнением в новой концепции станет зал, посвященный известному коми-ненецкому писателю, одному из основоположников литературы коренных народов Севера И. Г. Истоминову (1917–1988). В музейном комплексе хранится обширный фонд с относящимися к его творчеству материалами, фотографиями и описаниями [НА ШРМК. Ф. 54].

Среди мероприятий, проводимых в «Коми избе», выделяются тематические экскурсии в формате субмерсии – погружения в культуру коми путем костюмированного представления (посетители

⁷ Приуральский районный краеведческий музей // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-114198590_6219 (дата обращения: 15.09.2023).

⁸ Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва. URL: https://muji-museum.ru/media/-2023/05/26/1277829861/Polozhenie_Komi_izba.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

⁹ Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва. URL: https://muji-museum.ru/media/2023/08/14/1283430565/struktura_muzejnogo_kompleksa_2023_god.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁰ Дом-музей «Коми изба». URL: <https://muji-museum.ru/dom-muzej-komi-izba> URL: (дата обращения: 15.09.2023).

могут облачиться в специально сшитые стилизованные костюмы). Сотрудники придумывают разнообразные музейные занятия, например, мастер-классы «Плетение коми пояса», «Зырянские калитки» и др. Из мастер-классов выросла пошивочная мастерская (пока она проходит в виртуальном формате на базе «Коми избы»). Музей активно участвует во всероссийских акциях Ночь искусств, Дни национальных культур и др.¹¹

Культурно-массовые мероприятия проводятся по различным темам, связанным с календарными датами, православными праздниками, обрядами жизненного цикла: «Коми посиделки», «Свадьба коми», «Крещение ребенка» и др. Стало традиционным проведение православных праздников: Рождества, Крещения, Пасхи, Троицы [Золотарёва, Филиппова, с. 8].

В музее реализуются образовательные программы по изучению литературного варианта коми языка – музейные уроки «Сёрнитам чужан кылён» («Говорим на родном языке»). Обучение проводит серебряный волонтер Н. Д. Рочева (автор букваря и учебников на коми-ижемском диалекте)¹².

Проект «Каслающий музей», инициатором которого выступила Л. А. Филиппова, существует с 1999 г. В феврале сотрудники отправляются в путешествие по труднодоступным населенным пунктам района и знакомят жителей с новыми выставками и культурными ценностями, хранящиеся в музейных фондах. В 2023 г. проект «Каслающий музей» не только посетил села Шурышкарского района, но и выехал в соседний Ханты-Мансийский автономный округ, побывав в пгт. Березово и с. Теги [Золотарёва, Филиппова, с. 4].

На базе «Коми избы» создано общественное движение «Изьватас» (ранее оно именовалось «Мыжисаяс»). Его участники совместно решают вопросы о проведении районных мероприятий и делегировании своих представителей на различные съезды, фестивали и праздники, проводимые в округе и Республике Коми [НА ШРМК. Филиппова Л. А. Экскурсия...].

В отзывах посетители Дома-музея «Коми изба» благодарят за интересные и «очень познавательные экскурсии в прошлое», за прикосновение к «уютной атмосфере». Примечательно, что для гостей музея круг самых аттрактивных экспонатов – традиционная женская одежда и головные уборы коми. Сотрудники добавляют к опорным элементам их деятельности язык: «Язык и костюм – это наше всё».

Дом-музей «Коми изба» играет важную роль в сохранении и актуализации материального и духовного наследия народа коми. Этнографическая экспозиция выстроена по интерьерному принципу, основываясь на архивных материалах, воспоминаниях старожилов и научных разработках. Сохраняя традиционные формы работы, сотрудники постоянно разрабатывают новые проекты, отвечающие запросам посетителей. Аутентичность экскурсий, мастер-классов и музейных занятий обеспечивается наличием сотрудников – носителей культуры и языка. Значительное место в деятельности музея занимает сохранение родного языка. Отзывы посетителей свидетельствуют о накопленном опыте возрождения традиционной культуры, популяризации этнокультурного наследия коми-зырян в масштабах не только района, но и округа. Неслучайно «Коми изба» стала штабом общественного движения коми «Изьватас». Главная проблема сегодня – сохранение музея, поскольку Салехардская епархия настаивает на передаче здания полностью под нужды церковно-приходской школы.

Природно-этнографический парк-музей «Живун»

Природно-этнографический парк-музей «Живун» (ПЭПМ «Живун»)¹³, филиал МБУ «Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва», расположен на территории нежилой деревни Ханты-Мужи Шурышкарского района ЯНАО. «Живун» основан по Постановлению администрации района от 07.06.1999 №. На конец 2020 г. совокупный фонд насчитывал 2125 ед. хр. [НА ШРМК. Золотарёва Н. В. Природно-этнографический парк-музей...]. В музее работают семь сотрудников¹⁴.

Инициатором ПЭПМ в 1980-х годах выступила Л. Ф. Липатова, и в 1999 г. парк-музей (впоследствии получивший название «Живун») был открыт. В фондах ПЭПМ сохранилась концепция «Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под

¹¹ Дом-музей «Коми изба» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-115800335_546 (дата обращения: 15.09.2023).

¹² Дом-музей «Коми изба» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-115800335_582 (дата обращения: 15.09.2023).

¹³ Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва. URL: <https://muji-museum.ru/prirodno-etnograficheskij-park-muzej-zhivun> (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁴ Шурышкарский районный музейный комплекс имени Г. С. Пузырёва. URL: https://muji-museum.ru/media-/2023/05/26/1277829760/Polozhenie_PMZh.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

открытым небом», подготовленная в 2008 г. коллективом авторов (Н. П. Анисимов, А. А. Арефьева, А. Г. Брусницына и др.). В тот период ПЭПМ включал пять стационарных построек, а также надворные постройки (навесы, дровяные чумы и пр.) и экспозиционный комплекс «Священное место» [Этническая архитектура... 2008, 4, 13–14].

«Живун» – средовой музей, комплекс под открытым небом архитектурных объектов, воссозданных по этнографическим и археологическим источникам, собранным сотрудниками музея в ходе экспедиций по Шурышкарскому району. В настоящее время в музее представлены девять стационарных экспозиционных комплексов: «Зимний комплекс», «Летний комплекс», «Священное место», «Охотничья тропа», «Куноватский святилищный комплекс», «Оленеводческое стойбище», «Войкарский комплекс с двухэтажным амбаром», «Летний Тохотгортский комплекс», «Реконструированный фрагмент частокола XV в. – Войкарский городок» [Курьянова, Золотарёва, Чарышова 2021, 169]. В зависимости от времени года на территории музея устанавливаются сезонные объекты: зимний меховой, летний берестяной и брезентовый чумы, сенные чумы и шалаши.

Возведенные постройки исторически и архитектурно реалистичны, и исполнены в соответствии с традициями хантов, хотя нельзя не отметить, что некоторые элементы выполнены с отхождением от традиции (оконные проемы, использование пиломатериалов для перекрытия кровли и настила полов и пр.) [Этническая архитектура... 2008, 14].

Все объекты предстают в виде ансамблей или одиночных построек, размещаются вокруг центральной площади. Интерьерное наполнение стационарных архитектурных объектов предметами происходит перед каждой экскурсией/мероприятием: экспонаты не выставляются на постоянной основе, а переносятся из фондов под определенное мероприятие. Это связано с отсутствием возможности работать в ежедневном режиме.

Главной формой взаимодействия с посетителями остается экскурсия. Показ начинается с обряда очищения дымом. Затем экскурсовод рассказывает об истории поселения, сообщает главную тему экскурсии – традиционный промысел и полукочевой образ жизни северных хантов. Перед постройками установлен информационный стенд, на котором изображен схематичный рисунок комплекса с пронумерованными объектами, а также описание каждого из них. Дополнительно даны названия на хантыйском языке, годы постройки и авторство.

Кроме того, к обзорной разработана тематическая экскурсия «Охотничья тропа»: по дикому лесу посетителей ведет экскурсовод от одной ловушки к другой, объясняя принцип устройства и пользования каждой. Больше всего посетителей привлекает самобытность: «все как вживую..., само погружение..., как жили, как быт вели».

Большое внимание уделяется сохранению традиционных ремесел. С 2008 г. в музее проводится районный музейный фестиваль национальных ремесел «Земля мастеровая». Это комплексное мероприятие включает фестивальную программу, рассчитанную на семь дней, с участием мастеров из числа коренных народов, представлявших разные ремесла (строительное ремесло, обработка дерева, кости, бересты, соломы, кедрового корня) [НА ШРМК. Куртямова М. И. Музейный проект...]. Созданные предметы остаются в фондах музея. Например, комплекс «Мужигорское святилище» был создан именно участниками фестиваля, которые вырубили 21 фигуру деревянных идолов [Перевалова, Перевалова, Брусницына 2016].

Еще один ключевой проект, вызревший в рамках фестиваля «Земля мастеровая», – реконструкция средневековой кузницы и возрождение кузнечного ремесла. Идея создания кузницы принадлежит А. Г. Брусницыной. Выложить горн пригласили мастера из Ханты-Мансийска, сотрудника музея «Торум Маа» В. Ю. Кондина¹⁵. Особую ценность проекту придает использование в отливке 3-D моделей подлинников, хранящихся в фондах Шурышкарского районного музея.

Возможность использования обширной природно-культурной среды парка-музея подтолкнула к организации детского этнографического лагеря «Кедровый остров». Он ежегодно собирает до 25 детей 11–14 лет из различных населенных пунктов Шурышкарского района. Участники лагеря проживают в чумах и знакомятся с обычаями, промыслами и ремеслами, фольклором и языком северных хантов в рамках специально разработанной образовательной программы¹⁶.

¹⁵ Югорские мастера стали участниками фестиваля ремесел «Земля Мастеровая» // Сетевое издание Ханты Манси Мир. URL: <https://www.khanty-yasang.ru/news/8231> (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁶ Шурышкарский музейный комплекс им. Г. С. Пузырева // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-105814316_6116 (дата обращения: 15.09.2023).

Музей ведет активную работу по популяризации традиционной культуры северных хантов путем организации и проведения массовых мероприятий, в том числе этнических праздников *Ворна хатл* (Вороний день – 7 апреля) и *Лун кутон хатл* (День середины лета – 2 августа) [Курьянова, Золотарёва, Чарышова 2021, 168, 171].

Сами ханты считают опорным для музейной презентации своей культуры знание родного языка и поддержку старшего поколения. В ближайшей перспективе сотрудники музея планируют демонтаж зимней и выставочных изб, возведение новых, а также постройку двух новых юрт. Кроме того, в будущем добавят полноценную круглогодичную мастерскую по пошиву и прикладным ремеслам, включают в экскурсию знакомство со станком и мастер-класс по прядению циновок, уделяют больше времени традиционным играм и языковым урокам.

Этнографическую экспозицию ПЭПМ «Живун» отличает от других ансамблевый подход в сочетании с активным и грамотным использованием реконструкций. Все объекты выполнены мастерами из числа коренных народов. Предметы, наполняющие интерьер воссозданных объектов, собраны у местных жителей. Аутентичность экспозиции усиливается благодаря сотрудникам музея, в основном из числа хантов, их экскурсии насыщены семейными легендами, основаны на личном опыте и знаниях.

Рассмотренные в статье этнографические экспозиции четырех музеев ЯНАО имеют ярко выраженный этнографический компонент. Они были созданы в период конца 1990-х — начала 2000-х годов. Концептуальные изменения происходили в этнографической экспозиции МВК (за последние 20 лет экспозиция менялась трижды в связи с переездом в новое здание, необходимостью внедрения современных технологий и т. д.). В остальных музеях менялись отдельные элементы экспозиции. В построении этнографических экспозиций использованы разные концептуальные подходы (тематический, ансамблевый, интерьерный, реконструкция, открытое хранение). Из сильных сторон этнографических экспозиций следует отметить, факт привлечения носителей традиционных культур как к созданию экспозиций, так и к разработке концепций. Главный музей округа – МВК – сохраняет первенство по внедрению в экспозицию современных мультимедийных технологий.

Для сотрудников Дома-музея «Коми изба» и ПЭПМ «Живун» главным в музейном пространстве в культурах являются не предметы, а смыслы и их трансляция. Сотрудниками музеев особо подчеркивается, что язык формирует идентичность народа и способствует выполнению важной задачи сохранения этнокультурного наследия народов. И в этом случае музейный предмет выступает создателем особой атмосферы для диалога и дискуссии.

Аутентичность экспозициям и проводимым в музеях мероприятиям придает участие носителей языка и культуры, коренного населения в качестве экскурсоводов, организаторов мастер-классов. Лидерами по количеству и разнообразию форм музейной работы выступают Дом-музей «Коми-изба» и ПЭПМ «Живун». О плодотворной работе свидетельствуют многочисленные положительные отзывы посетителей. Все представленные музеи регулярно организуют различные районные и региональные мероприятия. Общими для всех районных музеев являются проблемы отсутствия специализированных помещений, нехватка специалистов, приостановка экспедиционных сборов для пополнения фондов и заполнения лакун в экспозициях.

При схожести ряда проблем необходимо отметить принципиальные различия между главным музеем округа и локальными музеями. Помимо общемузейных задач, МВК играет роль музея-перекрестка, музея-лица-символа региона, являясь одновременно и хранителем богатых коллекций, и площадкой представления сегодняшних ценностей в масштабах Российской Арктики. МВК своего рода флагман музейной деятельности Ямала, лидер по количеству и частоте смен экспозиций, внедрению современных технологий в музейное пространство, проведению масштабных мероприятий. Локальные музеи обладают иными преимуществами. При небольших экспозиционных и фондовых пространствах они не только сохраняют предметные (вещевые) собрания, но и сокращают дистанцию между посетителями и экспонатами, создавая ощущение «очага», близости, камерности и включенности. Более того, локальные музеи притягивают сообщества, объединяют вокруг себя, позволяя сохранить главное – культуру и язык. Все представленные музеи являются опорными пунктами презентации культур коренных народов Ямала на региональном, окружном и федеральном уровнях.

ИСТОЧНИКИ

ПМА 2023 – Полевые материалы автора, собранные во время этнографической экспедиции в Приуральский, Шурышкарский районы и г. Салехард ЯНАО Тюменской области).

Информанты:

Г. А. Лаптандер – ненец, зав. отделом по охране памятников истории и культуры в Приуральском районном краеведческом музее.

Л. А. Филиппова – коми, зав. филиалом Шурышкарского районного музейного комплекса им. Г. С. Пузырёва Дом-музей «Коми изба».

В. О. Пасьмаров – ханты, и. о. директора ШРМК им. Г. С. Пузырева, организатор экскурсий в ПЭПМ «Живун».

Н. В. Перцев – зав. отделом археологии и этнографии в МВК им. И. С. Шемановского.

С. М. Баранов – зав. дизайн отделом МВК им. И. С. Шемановского.

ЛИТЕРАТУРА

Золотарева Н. В., Филиппова Л. А. Дом-музей «Коми изба» как центр сохранения этнокультурного наследия народа коми (рукопись статьи).

НА МВК. Арефьева А. А. (хранитель выставки). Топографическая опись выставки «Этнические картины», г. Салехард, 17.12.2010.

НА МВК. Перцев Н. В. «Концепция и тематико-экспозиционный план выставки «Пересечение трех миров», г. Салехард, 2021.

НА МВК. Пресс-релиз выставки «Пересечение трех миров», г. Салехард, 02.07.2021.

НА МВК. Приказ № 87 «Об изменении и утверждении нового названия выставки», г. Салехард, 14.07.2021.

НА ШРМК. Золотарёва Н. В. Природно-этнографический парк-музей «Живун» как центр актуализации этнокультурного наследия северных ханты, с. Мужы, 2021 г.

НА ШРМК. Куртямова М. И. Музейный проект «Забытые ремесла народов Ямала», с. Мужы, 2021 г.

НА ШРМК. Филиппова Л. А. Экскурсия «Коми-ижемцы (зыряне)».

Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

Головнёв А. В. Музейное мышление: соблазн открытия и инстинкт хранения // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 9–18.

Конаков Н. Д. Древний промысловый календарь и миф о космической охоте // Зырянский мир. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 262–268.

Курьянова Т. С., Золотарёва Н. В., Чарышова М. Ю. Музейная педагогика как инструмент актуализации этнокультурного наследия северных ханты и алтайцев // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 166–177.

Первалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Первалова Е. В., Первалова А. А., Брусницына А. Г. Сибирская одиссея Стефана Соммье // Уральский исторический вестник. 2016. № 2. С. 79–87.

Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под открытым небом. Концепция Природно-этнографического парка-музея «Живун». Мужы: Фотостудия «65-ая параллель»; Екатеринбург: Рекламное агентство «Созвездие», 2008.

Поступила в редакцию 16.10.2023

Комова Елизавета Александровна

Аспирант, младший научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

E-mail: el_fedorova21@mail.ru

Е.А. Комова

ETHNOCULTURAL HERITAGE IN YAMAL MUSEUMS: CONCEPTS AND DISPLAYS

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-587-596

Museum exhibitions are a vibrant and sought-after form of presentation of ethnic resources. The Yamal-Nenets Autonomous Okrug is one of the most museumized regions of the Russian Arctic and has extensive experience in implementing a variety of ethnic projects. The article examines the concepts and ethnographic exhibitions of four museums in the

Yamal-Nenets Autonomous Okrug: the Museum and Exhibition Complex named after Irinarkh Shemanovsky (Sal-ekhard), the Priuralsky Regional Museum of Local Lore (Aksarka village), the House-Museum “Komi Hut (Izba)” (Muzhi village) and the Natural Ethnographic Park-Museum “Zhivun” (Khanty-Muzhi village), whose directions and results of activities are analyzed. Ethnographic exhibitions are built using ensemble, interior, thematic, and open-storage approaches. The leadership in introducing multimedia technologies into the museum space belongs to the MEC. The authenticity and ethnic flavor of museums and their exhibitions is given not only by authentic objects collected in the territories inhabited by the indigenous and old-settlers, but also by the museum teams themselves, since representatives of the Nenets, Komi and Khanty work here, the exhibitions were created on their initiative and with their direct participation. Using various forms of work both with objects and with visitors, Yamal museums carry out the tasks of preserving and popularizing the ethnocultural heritage of the region, serve as a basis for holding regional and international events, and act as initiators of new ethnoprojects. The leaders in the number and variety of forms of museum work with visitors are the “Komi-Izba” and “Zhivun”. Among the common problems of museums are the lacks of specialized premises and specialists, as well as the curtailment of fieldwork and collecting activities.

Keywords: Yamal, museum, ethno-cultural heritage, ethnographic exposition, Nenets, Khanty, Komi, Selkups

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 587–596. In Russian.

REFERENCES

Etnicheskaia arkhitektura i traditsionno prirodopol'zovanie v proekte muzeinoi ekspozitsii pod otkrytym nebom. Kontseptsiiia Prirodno-etnograficheskogo parka-muzeia «Zhivun» [Ethnic Architecture and Traditional Environmental Management in the Project of an Open-Air Museum Exhibition. Concept of the Natural-Ethnographic Park-Museum “Zhivun”]. Muzhi: Photo studio “65th parallel”; Ekaterinburg: Advertising agency “Constellation”, 2008. (In Russian)

Golovnev A. V. Arkticheskii etnodizain [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2017, no. 2, pp. 6–15. (In Russian)

Golovnev A. V. Muzeinoe myshlenie: soblazn otkrytiia i instinkt khraneniia [Museum Thinking: the Temptation of Discovery and the Instinct of Storage]. *Kunstkamera*, 2019, no. 3, pp. 9–18. (In Russian)

Konakov N. D. Drevnii promyslovyi kalendar' i mif o kosmicheskoi okhote [Ancient Fishing Calendar and the Myth of Cosmic Hunting]. *Zyrianskii mir* [Zyryansky world]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. (In Russian)

Kuryanova T. S., Zolotareva N. V., Charyshova M. Yu. Muzeinaia pedagogika kak instrument aktualizatsii etnokul'turnogo nasledii severnykh khanty i altaitsev [Museum Pedagogy as a Tool for Updating the Ethnocultural Heritage of the Northern Khanty and Altaians]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2021, no. 2, pp. 166–177. (In Russian)

Lipatova L. F. *I. S. Shemanovskii: izbrannye trudy* [I. S. Shemanovsky: Selected Works]. Moscow, 2005. (In Russian)

Perevalova E. V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. St. Petersburg: MAE RAS, 2019. (In Russian)

Perevalova E. V., Perevalova A. A., Brusnitsyna A. G. Sibirskaiia odiseia Stefana Somm'e [A Siberian Odyssey by Stephane Sommier]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2016, no. 2, pp. 79–87. (In Russian)

Received 16.10.2023

Komova Elizaveta Aleksandrovna

Postgraduate student, Junior researcher

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences

3 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

ORCID: 0000-0001-8895-106X

E-mail: el_fedorova21@mail.ru

И. Ф. Сергеенкова, Н. Н. Музлова, Р. В. Зворыгин

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОСОБЕННОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹**

В статье рассматриваются этапы, направления реализации государственной молодежной политики в Удмуртской Республике с учетом национального компонента. Анализируются нормативные документы федерального и регионального уровней, определяющие деятельность государства в молодежной среде. Отмечаются проблемы, возникшие в ходе реализации государственной молодежной политики. В статье сформулированы предложения по совершенствованию реализации молодежной политики на региональном уровне. Актуальность статьи обусловлена схожестью проблем, которые касаются молодежи в других регионах РФ.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, региональная молодежная политика, социальная политика, патриотизм.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-597-607

Введение

Молодежь – это ключевая социальная группа, которая призвана в будущем управлять государством, создавать его социально-экономический и культурный потенциал, обеспечивать конкурентоспособность страны на мировой арене. Это обстоятельство делает молодежную политику самостоятельным направлением деятельности государства.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по УР на начало 2022 г. число молодых людей в возрасте от 14 до 34 лет составляло 366 795 тыс. чел. (24,6 % от общей численности населения). Среди финно-угорских республик Удмуртия имеет самый низкий процент оттока населения (с 1989 по 2020 гг. – 10%), что в некоторой степени объясняется более высокими темпами экономического роста, наличием мощной промышленной и богатой ресурсной базы [22].

Удмуртия прошла достаточно сложный путь в процессе выработки приоритетных направлений, механизмов достижения поставленных целей, создания структур для конструктивного взаимодействия власти и молодежных организаций.

К сожалению, сегодня опыт региональной молодежной политики недостаточно отражается в научных публикациях, хотя именно в российских регионах молодежной политике уделялось и уделяется несомненно большее внимание, чем на федеральном уровне.

Цель статьи – рассмотреть основные этапы развития молодежной политики в УР, выявить проблемы и предложить пути их решения.

Критериями выделения этапов развития молодежной политики в УР являются: формирование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики, создание структур для реализации молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, приоритетные направления молодежной политики страны, подготовка кадров для работы с молодежью.

Первый этап формирования государственной молодежной политики (1990-е гг.)

В рамках первого этапа на федеральном и региональном уровнях закладываются институциональные основы государственной молодежной политики. Самороспуск советских молодежных организаций, снижение уровня материального обеспечения населения, отказ от прежних жизненных ценностей, навязывание негативных поведенческих образцов привели к росту детской беспризорности, молодежной преступности, экстремизму, проституции, наркомании и другим негативным явлениям в молодежной среде.

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Для решения обозначенных проблем в 1991 г. в Удмуртской АССР был создан Госкомитет по молодёжной политике. Соответствующие структуры были сформированы на муниципальном уровне.

В 1994 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ об утверждении Федеральной целевой программы (ФЦП) «Молодежь России», которая была признана Советом Федерации Федерального Собрания РФ нецелесообразной ввиду отсутствия достаточных финансовых средств [20]. Вторая ФЦП «Молодежь России 1998–2000 гг.», принятая в 1997 г., также не была выполнена из-за недофинансирования. Следствием недооценки данной проблемы Президентом РФ Б.Н. Ельциным стало президентское вето в 1999 г. на Федеральный закон «Об основах государственной молодёжной политики в Российской Федерации».

В период с 1995 по 1999 гг. на федеральном уровне в сфере молодёжной политики был принят еще ряд нормативно-правовых актов: Федеральный закон «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», Постановление Правительства РФ «О дополнительных мерах поддержки молодежи в РФ». Региональной исполнительной власти рекомендовалось: отслеживать ход реализации региональных программ поддержки молодежи; выделять из бюджета субъекта РФ субсидии молодым семьям для улучшения жилищных условий; укреплять органы по делам молодежи; оказывать поддержку деятельности детских и молодёжных общественных объединений; развивать материальную базу для работы с детьми и подростками по месту жительства [14]. Таким образом, разработка и финансирование программ по работе с молодёжью возлагалась на региональные власти. Для Удмуртии это было весьма непростой задачей, так как республика в то время относилась к дотационным регионам.

В 1995 г. по инициативе Комиссии по образованию, культуре и молодёжной политике Госсовета УР был разработан закон «О государственной молодёжной политике в УР» [9]. На его основе в 1996 г. была принята республиканская целевая программа (далее – РЦП) «Молодёжь Удмуртии» – с подпрограммами «Поддержка молодой семьи», «Организация деятельности и поддержка подростковых клубов по месту жительства», «Гражданское и патриотическое воспитание молодежи» и «Международный молодёжный обмен».

В Удмуртии процесс формирования и реализации молодёжной политики в 1990-е гг. основывался на учете ряда особенностей исторического развития республики. Прежде всего, Удмуртия – многонациональный регион, где проживает более двадцати национальностей. Самыми крупными из них являются русские, удмурты и татары. В связи с этим большое значение приобрели вопросы межнациональных отношений. Второй особенностью развития республики является её промышленная специализация – практически все крупные предприятия выполняют государственный оборонный заказ, что обусловило акцент на патриотическое воспитание молодежи. Эти региональные особенности получили отражение в Программе «Молодежь Удмуртии», направленной на утверждение таких ценностных установок, как патриотизм, нравственность, здоровый образ жизни, снижение роста наркомании и алкоголизма, экстремистских националистических настроений и преступности в молодёжной среде.

В 1998 г. РЦП «Молодёжь Удмуртии» была дополнена подпрограммами: «Информационное обеспечение молодёжи», «Повышение профессиональной квалификации и подготовка кадров по работе с молодёжью», а также программой по занятости и летнему отдыху детей и подростков. В республике в 1990-е гг. были созданы социальные службы помощи – Телефоны доверия, центры реабилитации. Для выработки новых подходов и повышения квалификации работников в сфере молодёжной политики стали проводиться региональные семинары и научно-практические конференции [7, С. 16].

В УР достаточно большое внимание уделялось патриотическому воспитанию молодого поколения. Госкомитет УР по молодёжной политике оказывал финансовую и методическую поддержку молодёжным общественным организациям, занимавшимся патриотическим воспитанием. В 1990-е гг. в республике такую работу вели семь организаций. На этнической основе были созданы организации – «Удмуртская молодёжная организация «Шунды» и «Союз татарской молодежи «Иман», ориентированные на воспитание межнационального согласия. Правопреемником пионерской организации стала Республиканская детская общественная организация «Родники». Таким образом, в 1990-е гг. в УР были созданы нормативно-правовая база и структуры реализации молодёжной политики. Однако средства на реализацию молодёжной политики были недостаточны. Не проводился комплексный мониторинг состояния молодёжной среды. Отсутствие стратегии молодёжной политики на федеральном уровне обусловило ориентацию республиканских нормативных актов на решение текущих задач.

Второй этап реализации государственной молодежной политики (2000–2006 гг.)

Второй этап реализации молодежной политики в УР связан с избранием в 2000 г. на пост Президента РФ В.В. Путина и введением поста Президента УР. Стабилизация политической обстановки в стране способствовала активизации работы в сфере молодежной политики. Авторы разделяют точку зрения В.А. Смирнова, рассматривающего отношение государства к молодежи, с одной стороны, как к проблемной группе, несущей социальную напряжённость, а с другой – как к ресурсу реализации политических программ и стратегической ценности [18, С. 271]. Такой подход к молодежной политике ярко проявился в 2000-е гг.

В начале 2000 г. в молодежной среде отмечается нарастание протестных настроений, обусловленных низким уровнем жизни россиян. Следствием этого становятся снижение демографических показателей и ухудшение состояния здоровья молодых людей. Резко возрастает запрос общества на государственную поддержку молодежи. В мае 2005 г., согласно опросу ФОМ [6], за нее высказались 83% респондентов в возрасте от 18 до 35 лет.

Опасаясь «цветных революций», государство создаёт новые провластные молодежные движения, такие как «Идущие вместе» и «Наша». Выполнив свою главную задачу, не дав оппозиции возглавить молодежный уличный протест, они сошли с политической арены.

В 2000-е гг. федеральное правительство разрабатывает ряд ФЦП, направленных на решение проблем молодежи: «Молодежь России» (2001–2005 гг.), «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 гг.», «Обеспечение жильем молодых семей» как часть ФЦП «Жилище» на 2002–2010 гг. [21]. Первоочередными направлениями молодежной политики стали: вовлечение молодежи в общественную жизнь; воспитание гражданственности и патриотизма; профилактика наркозависимости; разработка механизмов предоставления жилья и обеспечения занятости молодежи.

На основе федеральных нормативно-правовых актов Госсоветом УР были внесены коррективы в республиканский Закон «О государственной молодежной политике в УР», была принята РЦП «Патриотическое воспитание граждан РФ, проживающих на территории УР, на 2003–2005 гг.». Одним из главных исполнителей этой программы стало Министерство образования УР. В рамках программы проводились конкурсы проектов по патриотическому воспитанию молодежи, научно-практические конференции, военно-спортивные игры, фестивали патриотической песни. Для координации деятельности различных министерств и ведомств по данному направлению был создан Совет по молодежной политике при Президенте УР.

Заслуживающий одобрения программно-целевой подход к решению проблем молодежи вновь натолкнулся на серьезное препятствие – недостаток финансирования. Средств, выделенных УР в рамках программы «Молодежь России (2001–2005 гг.)» из федерального бюджета, хватило лишь на монтаж освещения на лыжероллерной трассе лыжного комплекса им. Г. А. Кулаковой в г. Ижевске (1500,0 тыс. руб.) По ФЦП «Жилище» и подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» республике было выделено лишь 5 млн. руб. В то время как из бюджета республики на реализацию молодежной политики ежегодно выделялось около 80 млн. руб.

С 2000 г. в Удмуртии разворачивается масштабная программа по строительству школ, детских садов, больниц. Всего за 12 лет в республике было построено 285 объектов образования и 173 - здравоохранения. В республике стало традицией ежегодно к 1 сентября открывать 10 школ и 30 садиков. Для решения жилищных вопросов молодых семей и молодых специалистов, работающих на селе, в 2002 г. был принят Закон УР «О бесплатном предоставлении в собственность молодых семей и молодых специалистов земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных в границах сельских населённых пунктов на территории УР» [2]. Во исполнение Указа Президента УР от 4 февраля 2002 г. № 13 «О мерах по социальной поддержке молодых семей в строительстве и приобретении жилья», 894 молодые семьи получили льготные жилищные кредиты на общую сумму 99 млн руб.

Для решения проблемы трудоустройства молодежи совместно с Департаментом федеральной государственной службы занятости населения по УР ежегодно создавалось до 30 тыс. временных рабочих мест для молодых людей. Возобновилось движение студенческих строительных отрядов: в 2001 г. было создано 7 отрядов, в настоящее время в республике действует уже 84 студенческих стройотряда, сформированных на базе учебных заведений, в которые входят 1580 студентов.

Продолжилось развитие сети социальных служб помощи молодежи. С 2002 г. введен единый по республике номер телефона доверия. С 2001 г. на территории Удмуртии ежегодно стал осуществляется мониторинг социального положения молодежи.

В 2003 г. на базе Института социальных коммуникаций УдГУ открыта специальность «Организация работы с молодёжью». В 2009 г. Распоряжением Минспорттуризма и молодежной политики РФ от 2 апреля 2009 г. Межрегиональному центру переподготовки и повышения квалификации кадров ИСК УдГУ присвоен статус «Межрегионального центра развития кадрового потенциала молодежной политики» в Приволжском федеральном округе.

В 2005 г. в закон «О государственной молодежной политике в УР» вносятся изменения. Одно из новых направлений – содействие предпринимательской деятельности молодежи. В 2008 г. распоряжением Правительства УР была утверждена «Республиканская целевая программа развития малого и среднего предпринимательства на 2009 – 2013 гг.». Низкая эффективность программы была связана с недостатком выделяемых средств, а также с прочно закрепившей свои позиции в нашей стране коррупцией [11, С.48].

На втором этапе государственная молодежная политика получила межотраслевой характер. В работу по решению проблем молодежи были включены все республиканские органы власти.

Третий этап реализации государственной молодежной политики

Новый этап развития молодежной политики в УР связан с принятием в 2006 г. «Стратегии государственной молодежной политики в РФ», определившей главной задачей - «...формирование приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России» [19]. В Стратегии были представлены международные принципы молодежной политики, заложенные в «Европейской хартии об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований» [4] и Лиссабонской декларации ООН [23]. Молодежь стала рассматриваться как равноправный субъект выработки и реализации молодежной политики. Основными механизмами реализации Стратегии стали: «Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 гг.», ФЦП «Жилище» на 2011 – 2015 с подпрограммой «Обеспечение жильём молодых семей» и др. Новые установки были положены в основу «Стратегии социально-экономического развития УР на 2005-2009 гг. и на период до 2014 г.» и аналогичные РЦП: «Молодёжь Удмуртии» на 2005-2013 гг., «Жилище» на 2005-2010 гг., «Патриотическое воспитание граждан РФ, проживающих на территории УР» на 2010–2014 гг., «Дети Удмуртии» на 2009–2012 гг., «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в УР» на 2010-2014 гг., «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей, подростков и молодежи в УР (2011-2015 гг.)». В 2009 г. Госкомитет УР по молодежной политике был преобразован в Министерство по делам молодежи, что стало наглядным свидетельством возрастания внимания к проблемам молодежи.

Большое внимание в этот период в Удмуртии уделялось повышению доступности жилья для молодых семей. В 2009 г. Президент УР А. А. Волков выступил с инициативой реализовать в республике пилотный проект «Доступное жилье – молодым семьям», по которому молодые семьи могли получить ипотечный кредит с льготной 5 процентной ставкой (средняя ставка по ипотеке в России на декабрь 2009 г. – 22 % годовых). Разница между банковской ставкой и льготной компенсировалась из бюджета УР. Предложение Президента УР поддержало Правительство РФ. В результате по программе «Доступное жилье – молодым семьям» новосёлами стали более 700 молодых семей. Вследствие проводимой социальной политики в 2009 г. в Удмуртии впервые за долгие годы был отмечен естественный прирост населения. Как отметил Президент УР А. А. Волков: «Рост рождаемости и положительная демография в Удмуртии напрямую связаны со строительством новых школ, спортивных сооружений и газификацией села, с бесплатными сухими и молочными смесями для детей от рождения до 3 лет в семьях, где доходы на члена семьи ниже прожиточного минимума, ...с сокращением очередей в детские сады и ясли, со строительством жилья, доступного для молодых семей. В целом – с системой государственной поддержки семьи, материнства и детства» [1, С. 155]. К сожалению, в последние годы средства, выделяемые из республиканского бюджета на реализацию проекта по доступности жилья для молодых семей, значительно сокращены. В 2021 и 2022 гг. из республиканского бюджета на обеспечение жильем молодых семей в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» выделялось лишь по 30 млн. руб.

Большое внимание в республике уделяется формированию в молодежной среде толерантных межнациональных и конфессиональных отношений, так как именно данная возрастная группа наиболее сильно подвержена манипулированию и воздействию со стороны экстремистских и террористических группировок. В республике созданы условия для обеспечения потребностей молодежи, связанных с их этнической принадлежностью, и развитием культуры созидательных межэтнических от-

ношений. Для проведения мероприятий молодежным национально-культурным объединениям на безвозмездной основе предоставляются помещения в республиканском Доме Дружбы народов. Традицией стало проведение национальных праздников народов, проживающих на территории УР, с участием всех национально-культурных молодежных организаций. В 2000 г. была создана Ассоциация молодежных национально-культурных объединений УР «Вместе». В Ассоциацию входят 9 национально-культурных объединений: Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды»; «Союз русской молодежи «Спас» УР»; «Союз татарской молодежи УР «Иман»; организация российско-немецкой молодежи «Югендхайм»; Еврейский молодежный клуб «Гилель»; Корейский молодежный клуб «Шинсадэ»; Центр азербайджанской молодежи «Одлар Юрду»; Центр армянской молодежи «Гарни»; «Союз марийской молодежи «Ужара» («Заря»). Ассоциация организует мероприятия, призванные формировать культуру межнационального общения молодежи. Центр «Вместе» также оказывает консультационно-методическую помощь для поддержки молодежных инициатив в сфере национальной политики.

Ежегодно по инициативе национально-культурных объединений в УР проводятся акции, направленные на создание благоприятной среды для формирования межкультурного пространства, пропаганды межэтнического взаимопонимания, в том числе спортивные состязания и интеллектуальные турниры среди национально-культурных объединений УР (чемпионат по фут-залу, турниры по шахматам и шашкам).

В реализации государственной национальной политики в УР, направленной на сохранение и развитие удмуртского языка и культуры, важную роль играет молодежная национально-культурная организация «Шунды». Главный критерий благополучия языка – передача его в качестве родного следующим поколениям. «Шунды» совместно с Министерством национальной политики УР проводит большое число мероприятий, направленных на популяризацию удмуртского языка среди молодежи.

Государственная молодежная политика предполагает формирование молодой демократической российской элиты, владеющей навыками управления на государственном уровне. Удмуртия активно включилась в отбор и подготовку способных молодых людей для работы во властных структурах. В 2009 г. Госсовет УР принял Постановление «О молодежном парламенте УР» [16]. Республиканский Молодежный парламент работает при Госсовете УР в составе 55 молодых людей от 18 до 30 лет. В его задачи входит привлечение молодежи к законодательной деятельности, формирование у неё активной гражданской позиции, участие в разработке региональной молодежной политики. Аналогичные структуры были созданы в районах республики. В результате 645 молодых людей были избраны в муниципальные молодежные парламенты.

В ходе опросов, проведенных в УР, молодежь поставила на второе место среди волнующих ее вопросов, после решения жилищной проблемы, проблему занятости. Особенно остро стоит вопрос с трудоустройством выпускников вузов, большинство из которых ищут работу самостоятельно. В 2012 г. в республике был дан старт ФП «Земский доктор». В программе предусматривалась выплата 1 млн руб. врачам, изъявившим желание работать в сельских районах в течение 5 лет. В Удмуртии так поступили почти 500 докторов. Укомплектованность сельских больниц медработниками выросла на 16%, а кое-где и до 100%. Однако программа «Земский доктор» оказалась недостаточно продуманной. Проблема с медицинскими кадрами в сельской местности так и остается нерешенной. Лишь 78% молодых специалистов закрепились в сельских больницах.

В 2016 г. Госсовет УР внес изменения в Закон УР «О мерах социальной поддержки работников государственных учреждений и организаций УР» [8]. Депутаты Госсовета Удмуртии утвердили новые меры соцподдержки медицинских работников. С 2017 г. врачи, фельдшеры и акушерки до 30 лет могли претендовать на единовременные денежные выплаты от 300 до 500 тыс. рублей при заключении трудового договора сроком на 5 лет. С 2019 г. по программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер» увеличена сумма выплат врачам до 1,5 млн руб., а фельдшерам до 750 тыс. руб. Благодаря этим программам в 2020 г. в республике привлечено на работу в сельскую местность 72 врача и 36 фельдшеров. Содействие началу трудовой деятельности оказывает республиканская молодежная биржа труда в рамках программ по профессиональному обучению и созданию дополнительных (временных) рабочих мест. С целью привлечения работодателей к участию в трудоустройстве проводится республиканский конкурс «Лучший работодатель по содействию занятости несовершеннолетних граждан».

Важным направлением политики в 2000-е гг. стало интеллектуальное и творческое развитие молодежи. Работа по данному направлению включает широкий спектр мероприятий. В 2009 г. в республике был создан Республиканский совет молодых ученых, инноваторов и специалистов. Совет

организует совместно с промышленными предприятиями республики профессиональные конкурсы. Традицией стало выделение промышленными предприятиями финансовых средств для поддержки талантливой молодежи.

Благодаря реализации национального проекта «Образование» в УР с 2020 по 2024 гг. планируется создать: три Кванториума в моногородах, четыре центра цифрового образования «IT Куб», сеть центров опережающей профессиональной подготовки, центров образования цифрового и гуманитарного профилей в сельской местности.

В целях подготовки кадров для агропромышленного комплекса в Удмуртии открыто 30 агроклассов, в которых обучается 438 школьников из 17 районов. В сентябре 2018 г. началась реализация проекта «Старт в медицину. Медицинские классы», готовящие абитуриентов для поступления в медицинские учебные заведения. В проекте участвуют 181 учащийся из 5 городов республики.

В начале 2000-х гг. социологические опросы показали наличие кризиса идеологии патриотизма в молодежной среде, что стало закономерным следствием насаждения приоритета материальных ценностей над духовными в 1990-е гг., изменения школьных программ, освобождения школы от воспитательной функции.

В 2012 г. в ежегодном Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию подчеркивалось высокое значение для современной России патриотических ценностей: «...Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории...а, прежде всего, служить обществу и стране» [17]. В 2014 г. Правительство РФ утвердило базовую программу «Основы государственной молодежной политики на период до 2025 г.», в которой нашла отражение установка Президента РФ на усиление патриотического воспитания молодежи [12].

С 2015 г. в республике реализовалась подпрограмма «Патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе» [13], разработанная в соответствии с ФП «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 гг.». В 2018 г. Госсовет УР принял закон «О патриотическом воспитании в УР» [3], на основе которого работа по патриотическому воспитанию молодежи приобрела целенаправленный характер. Координационным центром работы стала Межведомственная Правительственная комиссия УР по патриотическому воспитанию.

В настоящее время работу по патриотическому воспитанию и подготовке граждан к военной службе ведут 43 общеобразовательных организации, в которых создан 181 кадетский класс различного профиля (3641 обучающийся), музеи. В республике создано 10 поисковых отрядов, входящих в Удмуртскую республиканскую молодежную общественную организацию «Долг»; региональное отделение Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников»; ВВПОД «Юнармия». Удмуртия – единственный регион РФ, в котором созданы прокадетские группы на базе учреждений дошкольного образования. Большой отклик в Удмуртии получила акция «Бессмертный полк», в которой в 2022 г. приняли участие свыше 50 тысяч чел., в том числе в г. Ижевск - свыше 30 тысяч чел. Система патриотического воспитания осуществляется также по гражданскому направлению, которое предусматривает воспитание гражданина, ответственного за судьбу страны. Партнерами в его реализации выступают все структуры гражданского общества Удмуртии. В работе общественных организаций УР участвует 69 902 чел.

Традиционно важным направлением в работе с молодежью в республике является развитие физической культуры и спорта. В июле 2014г. принято Постановление Правительства УР «О государственной программе УР «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики» (с изменениями на 27 апреля 2018 г). Цель программы - создание условий для устойчивого развития физической культуры и спорта в УР; формирование у населения потребности в здоровом образе жизни; гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан [24].

В 2020 г. Госдума РФ приняла новый Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» и внесла изменения в Федеральный Закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Важным изменением стало определение единого подхода к молодежной политике и механизмам ее реализации и установление новой возрастной границы молодежи с 14 до 35 лет включительно.

7 сентября 2021 г. Госсовет УР принял Закон «О реализации молодежной политики в УР», включив в него новые положения федерального закона. В 2022 г. было создано Агентство по молодежной политике УР, ранее входившее в структуру Министерства по физической культуре, спорту и молодежной политике. В этом же году молодежь Удмуртии поддержала идею создания Российского движения детей и молодежи (РДДМ) «Движения Первых». К началу 2023 г. в республике было создано более 80 первичных организаций РДДМ.

Заключение

Анализ тенденций в молодежной среде показывает существование позитивных и негативных факторов гражданской социализации личности.

К положительным факторам следует отнести выработку нормативно-правовой базы молодежной политики, разработку программ, создание большого числа молодежных организаций, проведение мероприятий для молодежи, форумов и фестивалей, выделение финансовых средств. В связи с началом Специальной военной операции молодежь Удмуртии стала ядром волонтерского движения. Если в 2021 г. численность волонтеров составляла более 6 тыс. человек, то в начале 2023 г. – почти 25 тыс. В то же время следует подчеркнуть, что уровень вовлеченности молодежи в добровольческую деятельность характеризуется как средний.

К негативным факторам следует отнести рост распространения в молодежной среде наркотической, токсической, алкогольной зависимости. В рамках исследования, проведенного в 2021 г., о масштабах проблемы алкоголизма и наркозависимости в регионах России, Удмуртия оказалась в рейтинге с худшим показателем. В действительности количество молодых людей, страдающих от этих заболеваний, выше, чем численность официально зарегистрированных в государственных медицинских учреждениях. Более 6200 человек в возрасте от 18 до 35 лет состоят на учёте в правоохранительных органах.

Большие проблемы со структурой молодежной занятости: половина молодежи работает не по специальности. Значительно затруднена вертикальная мобильность.

В последнее время уровень преступности среди несовершеннолетних в Удмуртской Республике возрос. В структуре преступности несовершеннолетних около 70% составляют имущественные преступления (кражи, вымогательство, мошенничество).

Работа с молодежью преимущественно строится по отраслевому принципу. В неё включены различные структуры государственной и муниципальной власти, но их действия далеко не всегда согласованы и недостаточно финансируются, что приводит к низкой эффективности подобных мер.

О серьезных недостатках работы с молодежью в Удмуртии можно судить по результатам социологических опросов. За 8 лет в Удмуртии более чем в два раза увеличилась группа молодежи, отмечающая ухудшение экономической ситуации в УР (2011 г. – 21,6 %, 2019 г. – 48,1 %). Что касается личной экономической ситуации, то в 2019 г. 39,2 % опрошенных считали, что она ухудшилась (против 29,6 % в 2009 г.). Высокими являются показатели миграционных намерений. В 2019 г. более 47 % опрошенных высказывались о намерениях покинуть Удмуртию с целью повысить уровень жизни (29 %), найти хорошую работу (23 %), заработать деньги (22 %), сделать карьеру (20 %) [10, С.133,137].

Очень важно усилить внимание к вопросам гражданского патриотического воспитания на основе культурных, духовно-нравственных ценностей. Искать образцы для подражания необходимо не только в победах советского периода, но и в успехах современной России и Удмуртии.

Необходимо неуклонно создавать возможности для равноправного диалога государства и представителей молодежи как значимого элемента гражданского общества, организовывая на всех уровнях власти площадки для обмена мнениями с молодежью, обсуждения и выработки управленческих решений. Целесообразно сделать традиционными прямые диалоги руководителей УР с представителями молодежи. Это даст возможность сократить отрыв власти от молодежи и создаст дополнительные условия для укрепления доверия молодежи к структурам власти.

Недостаточное финансирование целевых проектов в условиях низких темпов социально-экономического развития дает незначительный эффект. Представляется более целесообразным сделать основной акцент на образование молодёжи, что позволит ей легче адаптироваться в окружающем мире.

В 2022 г. Президент России В. В. Путин подписал указ «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Под традиционными ценностями понимаются «нравственные ориентиры». Чтобы защитить традиционные ценности, необходимо, прежде всего, внести серьезные коррективы в систему образования с учетом исторических традиций, то есть совершенствовать формы и методы воспитания и образования детей и молодежи.

Глава Удмуртии А.В. Бречалов объявил 2023 г. Годом молодежи, подчеркнув, что пришло время перезагрузки работы, её инвентаризации и оценки качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, А. А. Я люблю тебя жизнь / А. А. Волков. – Ижевск, 2011. – 185 с.
2. О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных на территории Удмуртской Республики : закон УР № 68-РЗ от 16 дек. 2002 г.
3. О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике : закон УР № 91-РЗ от 25 дек. 2018 г. : принят 11 дек. 2018 г.
4. Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне // Ты молод: молодежный информационный портал. URL: <http://www.timolod.ru/docs/app/Nartia%20dla%20molodezi%20ot%2021.05.2003.pdf> (дата обращения: 10.02.2023)
5. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений : Федер. закон № 98-ФЗ от 28.06.1995 (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 03.07.1995. № 27. Ст. 2503.
6. «Идущие вместе» и «Наши» // База данных ФОМ. 2005. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd052123> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Лапина, Е. А. Опыт реализации государственной молодежной политики в Удмуртской Республике в 1990-е – начале 2000-х гг. (кадровый аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Лапина. – Ижевск, 2009. 22 с.
8. О внесении изменений в Закон Удмуртской Республики «О мерах социальной поддержки работников государственных учреждений и организаций Удмуртской Республики» 13 дек. 2016 г.
9. О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: закон УР № 79-РЗ от 29.12.2005 (ред. От 10.04.2015).
10. Обухов, К. Н. Социально-экономическое положение молодежи на территории Удмуртской Республики (по материалам ежегодного мониторинга «Молодежь Удмуртии») / К. Н. Обухов, Д. О. Колесников // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, вып. 2. С. 131–138.
11. Овчинникова, А. В. Характеристика малого предпринимательства Удмуртской Республики / А. В. Овчинникова // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 4. С. 41-50.
12. Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года : постановление Правительства РФ № 2403-р. от 29.11.2014.– URL: http://vmo.rgub.ru/files/basis_2025-937-2.rtf.
13. Патриотическое воспитание и подготовка молодёжи к военной службе : постановление Правительства УР №460 от 28 сент. 2015 г.
14. О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 387 от 3 апреля 1996 г. // Гарант. – URL: base.garant.ru (дата обращения: 3.02.2023)
15. О государственной программе Удмуртской Республики «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики» (с изменениями на 27 апреля 2018 года) : постановление Правительства УР N 460 от 28 сент. 2015 г. (в ред. постановлений Правительства УР от 09.11.2015 N 505, от 30.03.2016 N 127, от 04.05.2016 N 183, от 14.11.2016 N 475, от 17.04.2017 N 135, от 27.04.2018 N 152).
16. Положение о молодежном парламенте при Государственном Совете Удмуртской Республики : постановление Государственного Совета УР № 249-IV от 31.03.2009 // Государственный Совет Удмуртской Республики. – URL: udmgossovnet.ru (дата обращения: 3.02.2023)
17. Путин, В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года / В. В. Путин // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118> (дата обращения: 5.02.2023)
18. Смирнов, В. А. Молодёжная политика как социальный механизм транзита российской молодежи / В. А. Смирнов // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2009. Вып. 12 (80). С. 270–278.
19. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации : утв. распоряжением Правительства РФ от 18 дек. 2006 г. №1760-р). URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/MAIN.htm> (дата обращения: 5.02.2023).
20. Тарцан, В. Н. Государственная молодёжная политика в современной России / В. Н. Тарцан. – URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2010/3/> (дата обращения: 17.01.2023)
21. Молодежь России (2001-2005 гг.) : Федер. целевая программа : утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2000 г. № 1015; государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» (от 16.02.2000 г. № 122); подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей», входящая в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы (от 28.08.2002 г. №638).
22. Шабаев, Ю. П. Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии / Ю. П. Шабаев // ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 288-310.

23. Lisbon Declaration on Youth Policies and Programmes, 12 августа 1998. URL: <https://www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/1998LisbonDeclarationEng.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).

24. О молодежной политике в Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> ; О внесении изменений в статьи 4 и 13 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300012> (дата обращения: 4.12.2022).

Поступила в редакцию 30.03.2023

Сергеенкова Инна Федоровна

доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: Sergeenkov.alexander@yandex.ru

Музлова Наталья Николаевна

доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nmuzlova@bk.ru

Зворыгин Роман Викторович,

старший преподаватель
кафедра государственного и муниципального управления
Университет «Синергия»
Россия, 125190, г. Москва, Ленинградский пр., 80, кор. Е
E-mail: vatmana3@inbox.ru

I. F. Sergeenkova, N. N. Muzlova, R. V. Zvorygin

**STATE YOUTH POLICY: NATIONAL GUIDELINES AND IMPLEMENTATION
FEATURES IN THE UDMURT REPUBLIC**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-597-607

The article deals with the stages and directions of state youth policy implementation in the Udmurt Republic taking into account the national component. The normative documents of federal and regional levels which determine the state activity in the youth environment are analyzed. The problems arisen in the course of the state youth policy realization are noted. Proposals on perfection of realization of a youth policy at regional level are formulated in the article. The urgency of the article is caused by the similarity of the problems which concern the youth in other regions of the Russian Federation.

Keywords: youth, state youth policy, regional youth policy, social policy, patriotism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 597–607. In Russian.

REFERENCES

1. Volkov, A. A. Ya lyublyu tebya zhizn [I love you life]. Izhevsk, 2011. 185 p. In Russian.
2. O besplatnom predostavlenii zemelnykh uchastkov v sobstvennost grazhdan iz zemel, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipalnoy sobstvennosti, raspolozhennykh na territorii Udmurtskoy Respubliki [On granting free of charge land plots to the citizens from the state or municipal property located on the territory of the Udmurt Republic : the law of the Udmurt Republic] #68-R3 of Dec. 16. 2002. In Russian.
3. O patrioticheskom vospitanii v Udmurtskoy Respublike / [On patriotic upbringing in the Udmurt Republic] law of the UR № 91-RZ of 25 Dec. 2018 г. : adopted on December 11. 2018. In Russian.
4. Evropeyskaya khartiya ob uchastii molodezhi v obshchestvennoy zhizni na mestnom i regionalnom urovne // Ty molod : molodezhnyy informatsionnyy portal. [The European Charter on the participation of young people in public life at the local and regional level // You are young: youth information portal] - URL:

<http://www.timolod.ru/docs/app/Hartia%20dla%20omolodezi%20ot%201.05.2003.pdf> (accessed 10.02.2023). In Russian.

5. O gosudarstvennoy podderzhke molodezhnykh i detskikh obshchestvennykh obedineniy [On the state support of youth and children's public associations : Federal Law № 98-FZ from 28.06.1995] (ed. from 28.12.2016) // *Sobranie zakonodatelstva RF. 03.07.1995. № 27. Art. 2503.* In Russian.

6. «Idushchie vmeste» i «Nashi» [«Going Together" and «Nashi""] // FOM Database. – 2005. – URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd052123> (access date: 10.02.2023). In Russian.

7. Lapina, E. A. Opyt realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Udmurtskoy Respublike v 1990-e – nachale 2000-kh gg. (kadrovyy aspekt) [Lapina E. A. Experience in the implementation of state youth policy in the Udmurt Republic in the 1990s - early 2000s (personnel aspect)]: abstract of Ph. Candidate of Historical Sciences / E. A. Lapina. – Izhevsk - 2009. – 22 c. In Russian.

8. [O vnesenii izmeneniy v Zakon Udmurtskoy Respubliki «O merakh sotsialnoy podderzhki rabotnikov gosudarstvennykh uchrezhdeniy i organizatsiy Udmurtskoy Respubliki»] On the introduction of amendments to the Law of the Udmurt Republic "On the measures of social support of workers of state institutions and organizations of the Udmurt Republic. 13 Dec. 2016. In Russian.

9. O gosudarstvennoy molodezhnoy politike v Udmurtskoy Respublike [On State Youth Policy in the Udmurt Republic: Law of the Udmurt Republic] No. 79-RZ of 29.12.2005 (ed. of 10.04.2015). In Russian.

10. Obukhov, K. N. Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie molodezhi na territorii Udmurtskoy Respubliki (po materialam ezhegodnogo monitoringa «Molodezh Udmurtii») / K. N. Obukhov, D. O. Kolesnikov // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Obukhov K. N. Socio-Economic Status of Youth in the Udmurt Republic (based on the annual monitoring "Youth of Udmurtia") / K. N. Obukhov, D. O. Kolesnikov // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International relations*]. – 2019. – Vol. 3, issue 2. – P.131-138. In Russian.

11. Ovchinnikova, A. V. Kharakteristika malogo predprinimatelstva Udmurtskoy Respubliki / A. V. Ovchinnikova // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*. [Ovchinnikova A.V. Characteristics of small business in the Udmurt Republic / A.V. Ovchinnikova] // *Bulletin of Udmurt University. Economics and Law*. – 2011. – Vol. 4. – C. 41–50. In Russian.

12. Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki na period do 2025 goda : postanovlenie Pravitelstva [Fundamentals of State Youth Policy for the period up to 2025 : Decree of the Government of the Russian Federation] No. 2403-r. of 29.11.2014.- URL: http://vmo.rgub.ru/files/basis_2025-937-2.rtf. In Russian.

13. Patrioticheskoe vospitanie i podgotovka molodezhi k voennoy sluzhbe : postanovlenie Pravitelstva [Patriotic upbringing and preparation of youth for military service : Decree of the Government] of the UR No. 460 of September 28. 2015. In Russian.

14. O dopolnitelnykh merakh podderzhki molodezhi v Rossiyskoy Federatsii : postanovlenie Pravitelstva RF № 387ot 3 aprelya 1996 g. [On additional measures to support youth in the Russian Federation : Decree of the Government of the Russian Federation No. 387 of April 3, 1996] // *Garant*. - URL: base.garant.ru (circulation date: 3.02.2023). In Russian.

15. O gosudarstvennoy programme Udmurtskoy Respubliki «Razvitie fizicheskoy kultury, sporta i molodezhnoy politiki» [On the state program of the Udmurt Republic "Development of physical culture, sports and youth policy» (as amended on April 27, 2018) : Resolution of the Government of the Udmurt Republic N 460 of September 28. 2015 (as amended by resolutions of the Government of the UR from 09.11.2015 N 505, from 30.03.2016 N 127, from 04.05.2016 N 183, from 14.11.2016 N 475, from 17.04.2017 N 135, from 27.04.2018 N 152)].

16. Polozhenie o molodezhnom parlamente pri Gosudarstvennom Sovete Udmurtskoy Respubliki : postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta [Regulation on the youth parliament at the State Council of the Udmurt Republic: Decree of the State Council of the Udmurt Republic] № 249-IV from 31.03.2009 // State Council of the Udmurt Republic. - URL: udmgossovvet.ru (access date: 3.02.2023). In Russian.

17. Putin, V. V. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu 12 dekabrya 2012 goda / V. V. Putin // *Prezident Rossii*. [Putin, V. V. Address of the President to the Federal Assembly on December 12, 2012 / V. V. Putin // *President of Russia*]. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118> (access date: 5.02.2023). In Russian.

18. Smirnov, V.A. Molodezhnaya politika kak sotsialnyy mekhanizm tranzita rossiyskoy molodezhi/V. A. Smirnov // *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sotsiologiya i kulturologiya*. [Smirnov, V. A. Youth policy as a social mechanism of Russian youth transit / V. A. Smirnov // *TSU Bulletin. Humanities. Philosophy, sociology and culturology*.] – 2009. – Vyp. 12 (80). – C. 270–278. In Russian.

19. Ctrategiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii : utv. Rasporyazheniem Pravitelstva [Strategy of State Youth Policy in the Russian Federation : approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 18, 2006. 2006 №1760-r]. – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/MAIN.htm> (access date: 5.02.2023). In Russian.

20. Tartsan, V. N. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii / V. N. Tartsan. [Tartsan, V. N. State youth policy in modern Russia / V. N. Tartsan.] – URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2010/3/> (accession date: 17.01.2023). In Russian.

21. Molodezh Rossii (2001-2005 gg.) : Feder. tselevaya programma : utv. Postanovleniem Pravitelstva RF ot 27.12.2000 g. № 1015; gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2001-2005 gody» (ot 16.02.2000 g. № 122); podprogramma «Obespechenie zhilyem molodykh semey», vkhodyashchaya v sostav federalnoy tseloy programmy «Zhilishche» na 2002-2010 gody (ot 28.08.2002 g. №638).[Youth of Russia (2001-2005) : Feder. earmarked program: approved by RF Government resolution from 27.12.2000, № 1015; State program "Patriotic upbringing of citizens of Russian Federation for 2001-2005". (from February, 16, 2000, № 122); Sub-program "Providing Young Families with Housing", which is a part of federal target program "Housing" for 2002-2010] (from August, 28, 2002, № 638). In Russian.

22. Shabaev, Yu. P. Molodezhnyy vyzov na rossiyskoy periferii: polozhenie molodezhi v Karelii, Komi, Udmurtii, Mariy El i Mordovii / Yu. P. Shabaev// POLITEKS.[Shabaev, Y. P. Youth Challenge in the Russian Periphery: Status of Youth in Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El and Mordovia / Y. P. Shabaev // POLITEX.] - 2021. – T. 17, № 3. – С. 288–310. In Russian.

23. Lisbon Declaration on Youth Policies and Programmes [Lisbon Declaration on Youth Policies and Programmes], August 12, 1998. – URL: <https://www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/1998LisbonDeclarationEng.pdf> (accessed 27.08.2022).

24. O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii [About youth policy in Russian Federation]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> ; On Amendments to Articles 4 and 13 of the Federal Law "On State Support of Youth and Children's Public Associations. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300012> (date of reference: 4.12.2022). In Russian.

Received 30.03.2023

Servgeenkova Inna Fedorovna

Candidate of History, Associate professor
Udmurt State University
Department of Modern and
Contemporary History and International Relations
Universitetskaya, st.,1, Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru

Muzlova Natal'ya Nikolaevna

Candidate of History, Associate professor
Udmurt State University
Department of Modern and
Contemporary History and International Relations
Universitetskaya, st.,1, Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: nmuzlova@bk.ru

Zvorygin Roman Victorovich

Senior Lecturer
Department of Public and local administration
Synergy University
Moscow, 80E, Leningradskiy st., Moscow, 125190, Russia
E-mail: vatmana3@inbox.ru

Рецензии

УДК 314.1:39(=511.131)(049.32)

Т. Н. Русских

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УДМУРТИИ.

**Рец. на: Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии
в 1959–1989 гг.: монография. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019.
283 с.**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-608-611

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в Удмуртии проживают 126 национальностей [Итоги ВПН–2020], а это значит, что национальный фактор играл и продолжает играть заметную роль в жизни региона, оказывая влияние на политическое, социально-экономическое и культурное развитие. В связи с этим этнодемографическое изучение населения республики имеет особый интерес и большую значимость.

Рецензируемая монография представляет собой панораму, охватившую демографическое развитие Удмуртии в 1959–1989 годы. Выбор данной хронологии не случаен. Этот период в истории Удмуртии отмечен отсутствием катастрофических событий масштаба Великой Отечественной войны, набирали обороты модернизационные процессы, продолжились урбанизационные процессы, активно развивалась промышленность, что несомненно отразилось на особенностях этнодемографического развития республики. Книга имеет четкую структуру, которая позволяет подробно осветить задачи, поставленные автором.

Исследование опирается на широкий круг источников: законы и нормативно-правовые акты, неопубликованные материалы переписей населения и текущей статистики, делопроизводственная документация и документы партийных и общественных организаций, материалы периодической печати и воспоминания – непосредственных участников событий, в частности мемуары П. С. Грищенко – первого секретаря Удмуртского ОК КПСС в перестроечные годы. Приведенный арсенал источников позволяет вполне объективно воссоздать этнодемографические процессы того периода и проследить их динамику.

Автор анализирует этнодемографические процессы на примере наиболее многочисленных этносов, проживающих на территории Удмуртской АССР в изучаемый период: русские, удмурты, татары, марийцы и украинцы.

Глава первая посвящена анализу изменений численности и состава народов Удмуртии. В центре внимания автора динамика национального состава республики, фиксация изменений в половозрастном и социальном составе, а также повышение образовательного уровня населения, проживающего на территории Удмуртии в тот период времени. На основе анализа архивных материалов Всесоюзных переписей и делопроизводственной документации автор фиксирует рост численности этносов, при этом отмечает их разный темп. Так, по нарастающей увеличивалась численность только у русских. У татар и марийцев темпы роста численности были намного выше, но при этом они сокращались с каждым межпереписным периодом. Численность украинцев также увеличилась, но напрямую зависела от миграций. Удмурты стали единственным этносом, численность которых не только росла, но и (в 1970–1979 гг.) сокращалась. При этом необходимо отметить, что города Удмуртии были преимущественно «русскими» (доля русских, проживающих в городах, была значительно выше, чем по Удмуртии в целом), а сельская местность – «удмуртская». 50-е и 60-е гг. XX в. вошли в историю Удмуртии, как годы стремительной урбанизации [История Удмуртии XX в., 150–151], под влиянием которой стал нарастать приток удмуртов и марийцев в города.

Что касается изменений половозрастного и социального состава, здесь отмечается численное преимущество женского населения над мужским у всех этносов, кроме украинцев. Особенно большая

разница зафиксирована у удмуртов и марийцев. Автор связывает подобное явление с событиями Великой Отечественной войны. Поскольку удмурты и марийцы были преимущественно сельским населением, то они менее всего были заняты на предприятиях оборонного производства, а, следовательно, не имели брони и подлежали призыву.

При анализе социального состава были выявлены диспропорции по основным отраслям народного хозяйства. Среди рабочих преобладали русские, в сельском хозяйстве был высок удельный вес удмуртов, а в торговле – татар. Большинство среди нерусского населения не имели квалифицированных профессий и не занимали руководящих должностей. Данная ситуация напрямую зависела от уровня образования. Плохое знание русского языка создавало препятствия для нерусских народов в получении среднего специального и высшего образования, а значит и в освоении квалифицированных профессий. Исключением в данном случае были украинцы, миграция которых на территорию республики в большинстве случаев была обоснована необходимостью обеспечить трудовыми ресурсами стремительно развивающуюся промышленность.

Вторая глава посвящена анализу этнических аспектов воспроизводства населения. За весь исследуемый период наблюдались то рост, то снижение показателей естественного прироста. По мнению автора, ключевыми факторами, влияющими на подобную динамику, являлись социально-политические изменения, происходящие в обществе. Так, например, повышение уровня образования женщин и их активное включение в процессы общественного производства вели к отсрочке рождения детей, что отрицательно сказывалось на показателях рождаемости. Напротив, увеличение мер поддержки семьи со стороны государства, а также приход к власти новых руководителей способствовали росту социального оптимизма, а, следовательно, увеличению рождаемости.

Третья глава посвящена анализу механического движения населения. Обмен населением осуществлялся в основном с соседними республиками. Прибывшие в республику мигранты чаще оседали в городских поселениях, что было обусловлено необходимостью обеспечить трудовыми ресурсами быстро растущую промышленность Удмуртии. Автор приходит к выводу, что самым автохтонным этносом являются удмурты, на втором месте – русские, на третьем – марийцы. Наиболее активно прибывали в Удмуртскую АССР татары и украинцы.

Что касается внутренней миграции, то здесь наблюдался отток населения из сельской местности в города. Во внутриреспубликанских переселениях наиболее активными были два этноса – удмурты и марийцы.

Четвертая глава посвящена анализу этноязыковых процессов и распространению национально-смешанных браков и семей. Автор приходит к выводу, что налицо процессы ассимиляции нерусского населения. Причем у каждого нерусского этноса они проявились в разной степени. С. Н. Уваров прослеживает языковую ассимиляцию, которая наибольшим образом фиксировалась в городах, так как именно там на протяжении всего исследуемого периода сократилась доля лиц, признающая в качестве родного язык своей национальности. Кроме того, автор акцентирует внимание читателя на распространение двуязычия, представляющего собой «владение вторым языком в степени, обеспечивающей возможность общения на каждом из них» [Уваров, 204–205], которое в свою очередь создает предпосылки для смены этнической принадлежности. Активизации ассимиляционных процессов также способствует распространение межнациональных браков. В городской, преимущественно русскоговорящей среде, где этническая принадлежность перестала быть определяющим критерием для создания семьи, выбор этнической принадлежности индивидом делался в пользу той национальности, которая преобладала. Любопытной является попытка автора количественно оценить масштабы ассимиляционных процессов. Приведенная методика как никогда актуальна сегодня, когда итоги переписи 2020 г. показали уменьшение численности представителей некоторых национальностей и увеличение количества людей, не указавших свою национальную принадлежность.

Книга С. Н. Уварова интересна особенно в контексте современных этнических процессов, протекающих на территории Удмуртии. Разворачивая внимание читателей на этнодемографические события прошлых лет, она дает возможность по-новому переосмыслить современность. Автор не только собрал и систематизировал обширный эмпирический материал, большая часть которого вводится в научный оборот впервые, но и продемонстрировал отточенное мастерство статистического анализа. Ещё одно немаловажное достоинство – сравнение демографических процессов у пяти самых крупных народов Удмуртии. Вместе с тем, рецензируемая работа смотрелась бы ещё более выигрышно, если

автор сравнил еще их с демографическими процессами у этих же народов в других регионах или даже в пределах России. Понятно, что это масштабная задача, но для начала можно было бы изучить особенности этнодемографических процессов удмуртов Удмуртии и России в целом, или, например, сравнить этнодемографические процессы, протекающие у татар Удмуртии и Татарстана, у марийцев, проживающих на территории Удмуртии и Республики Марий Эл.

Несомненно, изучение этнодемографических процессов невозможно без статистических сведений. Но вместе с тем, хотелось бы увидеть активное использование и других источников, в первую очередь, личного происхождения. Думается, что интервьюирование людей, являющихся очевидцами событий этого исторического периода, во многом могли бы обогатить исследование, позволив увидеть живые судьбы за количественными данными статистики.

ЛИТЕРАТУРА

История Удмуртии: XX век. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.

Итоги ВПН–2020. Режим доступа (URL: <https://18.rosstat.gov.ru/folder/184972>). Дата обращения: 29.08.2023

Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с. Режим доступа (URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/kozlov/kozlov.html>). Дата обращения: 26.08.2023.

Пименов В. В. Удмурты: опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.

Пименов В. В., Христоролюбова Л. С. Удмурты: этносоциологические очерки. Ижевск: Удмуртия, 1976. 78 с.

Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.

Публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/> и в УдГАУ

Поступила в редакцию 03.09.2023

Русских Татьяна Николаевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка, литературы УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: tatyana_russkih@mail.ru

T. N. Russkikh

MODERN ETHNODEMOGRAPHIC RESEARCH IN UDMURTIA

Review of: Uvarov S. N. Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959-1989: monograph. Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy Publ., 2019. 283 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-608-611

Citation Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 608–611. In Russian.

REFERENCES

Istoriya Udmurtii: XX vek [The history of Udmurtia: the twentieth century]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2005. 544 p.

Itoги VPН–2020 [Results of the All-Russian Population Census 2020]. URL: <https://18.rosstat.gov.ru/folder/184972> (accessed: 29.08.2023)

Kozlov V. I. Natsional'nosti SSSR. Etnodemograficheskii obzor [Nationalities of the USSR. Ethnodemographic review]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1982. 303 p. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/kozlov/kozlov.html> (accessed: 26.08.2023).

Pimenov V. V. Udmurty: opyt komponentnogo analiza etnosa [Udmurts: experience of component analysis of ethnos]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 262 p.

Pimenov V. V., Khristolyubova L. S. Udmurty: etnosotsiologicheskie ocherki [Udmurts: ethnosociological essays]. Izhevsk: Udmurtiya, 1976. 78 p.

Uvarov S. N. Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtii v 1959 – 1989 gg [Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959 – 1989.]. Izhevsk: FGBOU IN Izhevsk GSHA Publ., 2019. 283 p.

Received 03.09.2023

Russkikh Tatiana Nikolaevna
Candidate of Sciences (History), Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russia

Юбилей

УДК 929:39(=511.1)(045)

Ф. Г. Галиева

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ КАК СУДЬБА (К ЮБИЛЕЮ Р. Р. САДИКОВА)

Статья посвящена юбилею удмуртского этнографа, доктора исторических наук Р. Р. Садикова. Рассмотрена биография и охарактеризована его научная деятельность, дана оценка вклада ученого в развитие финно-угроведческих исследований. Область научных интересов юбиляра – история и этнография финно-угорских народов Южного Урала и Предуралья, история и антропология религии, удмуртская фольклористика, археология, музейное дело.

Ключевые слова: ученый, этнограф, юбилей, удмурты, марийцы, мордва, эстонцы, история, этнография, фольклор.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-612-618

Доктор исторических наук Ранус Рафикович Садиков – этнограф, вносящий значительный вклад в развитие финно-угроведческих исследований. Его многочисленные научные и научно-популярные сочинения посвящены рассмотрению проблем истории и традиционной культуры удмуртов, марийцев, мордвы и эстонцев Южного Урала и Приуралья. Проживая в отрыве от материнских частей своих этносов в тюрко-мусульманском окружении (башкиры и татары), закамские удмурты, восточные марийцы, приуральская мордва сохранили многие архаические элементы в своей этнической культуре, и, в то же время, в результате взаимодействия с тюркскими народами в их традиции проникло много заимствований. Данные особенности делают эти группы финно-угорских народов очень привлекательными для этнографов, социокультурных антропологов, фольклористов, диалектологов и пр. В работах Р. Р. Садикова отражается их богатейшая традиционная культура, которая до сих пор в модернизированных формах продолжает быть актуальной.

Ранус Рафикович родился 4 июля 1973 г. в дер. Касиярово Бураевского района Башкирской АССР, в старинном селении закамских удмуртов, славящемся своей богатой историей, жители которого до настоящего времени сохраняют многие традиции своих предков. Кстати, в 1773 г. там побывал ученый-путешественник Петр Симон Паллас, стоявший у истоков российского народоведения.

Среднее образование получил в Касияровской восьмилетней школе (1980–1988) и Бураевской средней школе № 1 (1988–1990). Именно во время учебы в старших классах, совпавшей с эпохой перестройки, у него формируется искренний интерес к истории, который и определил его будущую профессиональную деятельность. После окончания школы, в 1990–1992 гг. работал учителем Касияровской неполной средней школы Бураевского района Башкирской ССР.

В 1991 г. Р. Р. Садиков поступил и в 1996 г. окончил исторический факультет Башкирского государственного педагогического института (БГПИ) по специальности «История» с квалификацией «Учитель истории». Студент заочного, затем очного отделений, он учился у таких известных преподавателей высшей школы, профессоров и доцентов, специалистов по историческим и педагогическим дисциплинам, методике преподавания истории, как В. М. Антонов, М. Г. Балонина, В. Л. Бенин, Г. И. Гайсина, В. В. Гонеева, В. С. Горбунов, А. А. Евдокимова, В. А. Иванов, Рустем Г. Кузеев, В. Б. Кузнецов, В. А. Кузнецов, Т. А. Леонова, М. А. Маннанов, Е. К. Миннибаев, Л. И. Муравкина, Е. Е. Никонорова, Г. Т. Обыденнова, М. В. Семина, Н. Н. Чернова, Л. Е. Шевченко, М. Б. Ямалов и др. Свои курсовые работы по истории удмуртских деревень писал у известного историка Б. С. Давлетбаева, который и привил любовь к архивной работе.

Дипломная работа, посвященная удмуртам Башкортостана, была написана под руководством этнографа В. Я. Бабенко. Первые опыты полевой работы по сбору этнографического материала были связаны с подготовкой выпускной квалификационной работы. Первые публикации также появились в студенческие годы.

В 1996–1999 гг. являлся аспирантом Уфимского научного центра Российской академии наук (УНЦ РАН). Научным руководителем был назначен известный этнолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Раиль Гумерович Кузеев, научным консультантом – замечательный этнограф, специалист по культуре и фольклору закамских удмуртов, кандидат исторических наук Татьяна Гильнихметовна Миннихметова. В 2000 г. при диссертационном совете Центра этнологических исследований (ЦЭИ) УНЦ РАН он успешно защитил диссертацию «Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

После окончания аспирантуры в 1999 г. поступил на работу в ЦЭИ УНЦ РАН (ныне Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) РАН) на должность младшего научного сотрудника отдела этнологии. В дальнейшем последовательно являлся научным сотрудником, старшим научным сотрудником того же отдела. С 2005 по 2008 гг. был докторантом ЦЭИ УНЦ РАН. В 2007 г. также работал старшим научным сотрудником отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

В 2009–2010 гг. занимал должность старшего научного сотрудника отдела религиоведения. В 2010 г. ученый избирается на должность заведующего отделом этнологии Института этнологических исследований УНЦ РАН. По его инициативе, поддержанной руководством научного учреждения, в целях утверждения приоритета исследований в области материальной и духовной культуры этносов и этнических групп, представленных на Южном Урале и Предуралье, в 2012 г. структурное подразделение было переименовано в отдел этнографии. С 2014 г. трудится ведущим научным сотрудником, а с 2015 г. – главным научным сотрудником данного отдела.

В 2012 г. при диссертационном совете Удмуртского государственного университета Р. Р. Садиков блестяще защитил диссертацию «Религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (сохранение и преемственность традиции)» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (научный консультант – д. и. н., проф. А. Б. Юнусова).

С 2015 г. по настоящее время также является профессором кафедры философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ).

В 2007 г. Р. Р. Садиков проходил научную стажировку в Музейном ведомстве Финляндии (Хельсинки); в 2016 г. – в Тартуском университете (Эстония).

Научные интересы ученого весьма широки и многогранны. Историей и этнографией закамских удмуртов он увлекся еще в студенческую пору, которая совпала со временем подъема национального самосознания народов, их национально-культурным возрождением, пробудившим интерес к историческому прошлому и традициям своих предков. В 2001 г. была опубликована его монография «Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты)» (Уфа, 2001), написанная на основе диссертационного исследования. В ней впервые на основе полевых и архивных материалов рассматривается традиционная организация жизненного пространства (поселения и жилища) и его духовное осмысление у закамских удмуртов. Работа явилась новаторской, где в едином русле были рассмотрены материальная и духовная составляющие одного из важнейших компонентов жизнеобеспечения человека.

Значительный вклад внес Р. Р. Садиков в изучение традиционной религии удмуртов, точнее ее локального варианта, распространенного среди закамской этнотерриториальной группы. Именно у закамских удмуртов, которые избежали даже формального крещения, этническая религия сохранялась в неизменном виде до 1930-х гг. XX в., и, пройдя трансформации советского времени, ныне активно ревитализируется. Изучение религиозных традиций закамских удмуртов дало возможность проследить механизмы эволюции традиционных религий, рассмотреть их адаптационные возможности. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов, их история и современные тенденции развития были исследованы в монографии, изданной в 2008 г. (Уфа, 2008), когда этнограф при подготовке докторской диссертации полностью погрузился в данную проблематику. В 2019 г. увидела свет монография, подготовленная на основе докторской диссертационной работы: «Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность)» (Уфа, 2019). Помимо монографий, рассмотрению различных аспектов данных проблем посвящены его многочисленные научные и энциклопедические статьи, опубликованные доклады, тезисы выступлений и т. д.

В ряде статей автором рассмотрены также история формирования закамской этнотерриториальной группы удмуртов, этнографические особенности красноуфимской, бавлинской и князьелгинской подгрупп. На основе изучения архивных документов Р. Р. Садиков осветил также историю школьного образования среди удмуртов Башкирии и Пермского края, их национально-культурного развития и т. д.

В последние годы исследователь большое внимание уделяет удмуртскому фольклору. Р. Р. Садиковым в сотрудничестве с французским культурным антропологом Е. Тулуз собран большой корпус народных молитв закамских удмуртов, т. е. фольклорных текстов, сопровождающих проведение религиозных обрядов жертвоприношений. В среде закамских удмуртов, последователей этнической религии, они до сих пор в активном бытовании. Собранный материал подготовлен к печати на удмуртском языке и в переводах на русский и английский языки. Фольклорный сборник на удмуртском языке опубликован в 2023 г., в него вошли более 120 оригинальных текстов (Уфа, 2023). Издание молитв-куриськон явится важным событием в мире удмуртской фольклористики, открывающим для мировой науки уникальные тексты, передававшиеся до самого последнего времени из уст в уста.

Начав заниматься этнографией закамских удмуртов, Р. Р. Садиков плавно охватил и другие родственные финно-угорские народы, которые в этнографическом отношении были очень слабо исследованы. Итогом этой кропотливой работы явилась монография «Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография)» (Уфа, 2016), в которой на основе опубликованных, архивных и полевых этнографических источников рассматриваются история формирования, этнокультурные особенности и демографическая динамика финно-угорского населения (марийцы, удмурты, мордва, эстонцы) региона. Ценным вкладом в науку явилось выявление и этнографическое описание этносословной группы мордва-мурза в Башкирии, историко-этнографическое изучение своеобразной икско-сюньской подгруппы восточных марийцев и др. Целый ряд статей и монография Р. Р. Садикова посвящены истории эстонской диаспоры на Южном Урале: «Эстонцы на Южном Урале: историко-этнографические очерки» (Уфа, 2012). Помимо историко-этнографических сведений, в ней рассмотрены вопросы вклада эстонцев в экономическое развитие региона.

Большой исследовательский интерес представляют для ученого проблемы истории и антропологии религии. Им проведены исследования и опубликованы статьи по христианизации и исламизации удмуртов и марийцев, о месте и роли православия среди мордвы, по истории церквей, в антропологическом аспекте рассмотрено функционирование этноконфессиональных сообществ марийцев и удмуртов-«язычников», т. е. последователей этнических религий, общин крещеных марийцев и удмуртов, марийцев-лютеран, удмуртов-баптистов, мордвы-староверов и молокан и т. д. Данные этноконфессиональные общности рассмотрены в подобном аспекте впервые. Итоги работы по изучению различных этноконфессиональных групп финно-угорских народов в Предуралье изложены в серии статей и коллективной монографии («Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья». Самара, 2010).

Значительный вклад вносит Р. Р. Садиков в развитие археографии финно-угроведения. Проведя кропотливый архивный поиск в архивохранилищах Уфы (Национальный архив Республики Башкортостан, Научный архив УФИЦ РАН, Архив УФСБ по РБ, муниципальные архивы), Ижевска (Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН), Йошкар-Олы (Рукописный фонд МарНИИЯЛИЭ им. В. М. Васильева), Москвы (РГАДА), Санкт-Петербурга (Архив РЭМ, Архив РГО) исследователь выявил богатейший массив уникальных исторических источников по истории и культуре финно-угорских народов, большинство из которых не было известно финно-угроведам. В финляндских архивах (Научный архив Финно-угорского общества, Архив рукописей Финского литературного общества) ему удалось исследовать полевые материалы финских ученых, совершивших в конце XIX – начале XX в. экспедиции к удмуртам и марийцам – А. Хейкеля, Ю. Вихманна, У. Хольмберга (Харвы) и т. д. Совместно с финскими коллегами были подготовлены к печати и опубликованы на финском и в переводе на русский язык полевые записи Юрьё Вихманна (1894) и Уно Хольмберга (1911). Отдельным изданием были выпущены также корреспонденции Уно Хольмберга, присланные им во время экспедиций 1911 и 1913 гг. в редакцию газеты «Turun Sanomat» (Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / ред. С. Лаллукка, Т. Г. Миннияхметова, Р. Р. Садиков. СПб., 2014). Большую лепту внес Р. Р. Садиков также в публикацию архивного наследия выдающегося российского этнолога Р. Г. Кузеева. Авторским коллективом – сотрудниками отдела этнографии ИЭИ УФИЦ РАН – были подготовлены к печати и изданы три тома его полевых записей. По-

левые дневники ученого за 1959–1975 гг. были опубликованы под редакцией Р. Р. Садикова (Уфа, 2021).

Помимо архивной работы по выявлению письменных источников, Р. Р. Садиков ведет плодотворные полевые этнографические исследования. Начиная с 1995 г., он ежегодно участвует в экспедициях или совершает индивидуальные выезды в финно-угорские населенные пункты Башкортостана, Пермского края, Свердловской, Самарской, Кировской областей, Татарстана, Удмуртии. Первые опыты его экспедиционных исследований были связаны с такими умелыми полевыми, как Т. Г. Миннихметова, финский этнолог Ильдико Лехтинен, эстонский музеолог Алексей Петерсон, которые и стали его непосредственными учителями в поле. В последующем ему не раз приходилось работать с зарубежными финно-угроведами, представителями финских, эстонских, венгерских и французских научных и учебных центров. Проводились совместные полевые работы также с российскими коллегами из Ижевска, Йошкар-Олы, Саранска, Самары, Москвы. Башкирскую этнографию Р. Р. Садиков познавал в экспедиции 2005 г. в Бурзянский район под руководством известного этнографа М. Г. Муллагулова. Экспедиции 2006–2008 гг. по исследованию этнически смешанных поселений (рук. А. Д. Коростелев, Москва), позволили окунуться в мир полевой этнографии не только финно-угорских, но и тюркских и восточнославянских народов Урало-Поволжья, что было очень полезно в плане профессионального роста. Международные экспедиции 2013–2019 гг. по междисциплинарному исследованию современных религиозных традиций и фольклора закамских удмуртов (ИЭИ УФИЦ РАН, Тартуский университет, Институт восточных языков и цивилизаций (Париж), кроме того, что позволили собрать много новых полевых материалов, дали возможность создать большой аудиовизуальный архив, который будет незаменим для будущих поколений этнографов и культурных антропологов. Полевые исследования ученого последних лет посвящены изучению современной празднично-обрядовой культуры закамских удмуртов и сбору фольклорных материалов.

В сотрудничестве с эстонским визуальным антропологом Л. Нигласом, Р. Р. Садиков принимал участие в съемках и монтаже антропологических фильмов о молениях удмуртов. В 2019 г. в Эстонии были изданы четыре этнографических фильма – «Гурт вöсь: деревенское моление» (62 мин., д. Малая Бальзуга Татышлинского района РБ, 2014 г.), «Мör вöсь: окружное моление» (66 мин., д. Малая Бальзуга и с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ, 2013 г.), «Элен вöсь: общее моление закамских удмуртов» (46 мин., с. Кирга Куединского района Пермского края, 2013 г.), «Тол мör вöсь: зимнее окружное моление» (67 мин., с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ, 2016 г.)¹. Фильмы созданы на удмуртском языке, субтитры – на эстонском, русском, английском и французском языках. Они, помимо демонстрации этнографических особенностей удмуртских молений, представляют собой антропологическое исследование организации их культовой практики.

Научно-исследовательская деятельность Р. Р. Садикова тесно связана с музейной работой, т. к. в структуре института, где он трудится, существует Музей археологии и этнографии – крупнейшее хранилище артефактов по истории Южно-уральского региона и культуре населяющих его народов и конфессиональных групп. В служебные обязанности сотрудников помимо проведения экскурсий входят также разработка концепций и тематико-экспозиционных планов постоянной экспозиции и временных выставок, их монтаж, составление паспортов музейных предметов и т. п. Кроме этого, ученый активно участвует в комплектовании фондов музейного хранилища. Им собрана репрезентативная коллекция одежды, бытовых и культовых предметов закамских, бавлинских и красноуфимских удмуртов, прибельских, икско-сюньских и уральских марийцев, приуральской мордвы-эрзи и мордвы-мокши, эстонцев, среди которых встречаются также уникальные вещи. Интерес представляет также коллекция икон местночтимых православных святых, собранная им во время работы в отделе религиоведения. Предметы из коллекций Р. Р. Садикова являются основой при подготовке экспозиций и выставок по культуре финно-угорских народов региона.

Исследователь принимает активное участие в Международных конгрессах финно-угроведов, Всероссийских конференциях финно-угроведов, Конгрессах антропологов и этнологов России, Всероссийских конгрессах фольклористов, а также в различных международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научно-практических конференциях, где выступает с докладами по этнографической, религиоведческой и фольклористической проблематикам. Он является членом редколлегий и редакционных советов научных рецензируемых журналов «Вестник Академии наук Рес-

¹ Udmurdi Palvused/Удмурт вöсьёс/Удмуртские моления/Udmurt Prayer Ceremonies/Cérémonies Oudmourtes: видео [Электронный ресурс] – Tallinn: Mp doc, 2019 – 2 опт. диск (DVD).

публики Башкортостан» (Уфа), «Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья» (Ижевск), *Etudes Finno-ougriennes* (Париж), «Башкирский край» (Уфа). Являлся членом Диссертационного совета Д. 999.171.03 по историческим наукам на базе УдГУ, Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и ИЭИ УНЦ РАН (2015–2017 гг.). Эксперт Республиканского центра народного творчества Министерства культуры РБ. Член Бюро Башкортостанского регионального отделения Ассоциации антропологов и этнологов России (с 2023 г.).

Большое внимание уделяет Р. Р. Садилов историко-краеведческим исследованиям и популяризации исторических знаний. В 2005 г. им в соавторстве с Т. Г. Миннихметовой опубликована книга, посвященная удмуртам Бураевского района Башкирии (Уфа, 2005), а в 2006 г. – истории д. Касиярово и этнографии ее жителей (Уфа, 2006). Оба издания выпущены на удмуртском языке. Он – постоянный автор общественно-политической газеты удмуртов Башкортостана «Ошмес», литературного журнала «Кенеш», методического журнала «Вордскем кыл», научно-педагогического и методического журнала «Башкортостан укытыусыны (Учитель Башкортостана)».

Р. Р. Садилов ведет активную общественную деятельность, в 1997–2000 гг. являлся членом Совета Молодежной Ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), избирался делегатом III (г. Сыктывкар, 1995 г.), IV (д. Лауласмаа, Эстония, 1997 г.), V (г. Хельсинки, Финляндия, 2000 г.) Конгрессов МАФУН, делегатом IX (г. Ижевск, 2004 г.), X (г. Ижевск, 2006 г.) Всеудмуртских съездов, делегатом II (с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ, 2000 г.), IV (с. Новые Татышлы, 2011 г.), VI (с. Верхние Татышлы Татышлинского района РБ, 2021 г.) Съездов удмуртов Башкортостана, делегатом II Съезда Ассамблеи народов Башкортостана (г. Уфа, 2009 г.), является членом Совета РОО «Республиканский национально-культурный центр удмуртов Башкортостана» (с 2021 г.).

Награжден Благодарностью Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2017 г.); Почетной грамотой РАН (2021 г.), Почетной грамотой УФИЦ РАН (2023 г.).

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Садилов Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты) / ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2001. 181 с.

Садилов Р. Р. Святилище куала у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 45–51.

Миннихметова Т. Г., Садилов Р. Р. Ми бурай удмуртьёс ... / ЦЭИ УНЦ РАН. Тарту; Уфа; Инсбрук, 2005. 108 б.

Садилов Р. Р. Кисса гурт: вашкала но туалала (гурт калыклэн историез но этнографиез) / ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2006. 116 б.

Садилов Р. Р. Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 116–126.

Садилов Р. Р. Культ луда / керемета у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 102–114.

Садилов Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития) / ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2008. 232 с.

Садилов Р. Р. Экспедиционные материалы финских ученых конца XIX – начала XX в. по этнографии закамских удмуртов в финляндских архивах // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 56–63.

Sadikov R., Mäkelä K. Ytjö Wichmannin muistiinpanot Kaman-takaisten udmurttien uskonnollisista käsityksistä ja tavoista // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (Journal de la Société Finno-Ougrienne). 2009. № 92. S. 241–263.

Садилов Р. Р. Удмурты-«язычники»: история формирования, расселение и современное состояние этноконфессиональной группы (XVIII – начало XXI в.) // Финно-угроведение. 2009. № 2. С. 35–53.

Садилов Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга) / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, 2010. 100 с.

Садилов Р. Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 9–22.

Ягафова Е. А., Данилко Е. С., Корнишина Г. А., Молотова Т. Л., Садилов Р. Р. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. 264 с.

Садиков Р. Р. «Удмуртская» церковь в Башкортостане (к истории православного храма в Князь-Елге) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 4. С. 70–76.

Садиков Р. Р. Эстонцы на Южном Урале. Историко-этнографические очерки / ИЭИ УНЦ РАН. Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2012. 132 с.

Садиков Р. Р. Эстонские поселения на Южном Урале: исторический очерк // Финно-угроведение. 2012. № 2. С. 35–41.

Садиков Р. Р., Миннихметова Т. Г. Зарубежные исследователи этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов: историографический очерк // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 4. С. 49–62.

Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurtien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913) / Ред. С. Лаллукка, Т. Г. Миннихметова, Р. Р. Садиков. СПб.: Европейский дом, 2014.

Садиков Р. Р. Финно-угорские коллекции в уфимских музеях // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 1. С. 87–98.

Садиков Р. Р. Из истории создания и деятельности «финно-угорских» национальных секций Уфимского губкома и Башкирского обкома РКП(б) (1919–1930 гг.) // Финно-угроведение. 2015. № 1. С. 94–98.

Садиков Р. Р. «Языческие» религии в Республике Башкортостан // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2016. № 2. С. 101–106.

Садиков Р. Р. На перекрестке трех религий: керемет, мечеть и церковь в этноконфессиональном пространстве удмуртского селения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Вып. 4. С. 109–121.

Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016. 276 с.

Садиков Р. Р. Зимние моления-жертвоприношения закамских удмуртов: традиции и современное состояние // Вестник Удмуртского университета. Сер.: история и филология. Т. 27. 2017. № 4. С. 587–592.

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Вып. 4. С. 97–114.

Садиков Р. Р., Абдулхаликов Р. А. Этнографическое изучение мордвы Башкирии (историографический обзор) // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 71–80.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part I. The collective sacrificial rituals by the Bashkortostan Udmurt: rooted in tradition // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2018. № 72. P. 203–218.

Садиков Р. Р., Абдулхаликов Р. А. Православие у мордвы Башкирии // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 90–97.

Садиков Р. Р. Икско-сюньские марийцы (традиции и современное состояние этнической культуры) // Марийский археографический вестник. 2018. № 28. С. 9–22.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part II. Collective sacrificial rituals by the bashkortostan udmurt: revitalisation and innovation // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2018. № 73. P. 117–144.

Садиков Р. Р. Марийцы // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. М.: Изд-во «Перо», 2018. С. 213–237.

Садиков Р. Р. Мордва // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. М.: Изд-во «Перо», 2018. С. 257–278.

Садиков Р. Р. Удмурты // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. М.: Изд-во «Перо», 2018. С. 279–303.

Садиков Р. Р. Эстонцы // Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. М.: Изд-во «Перо», 2018. С. 393–407.

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Молитвы-куриськон закамских удмуртов: история изучения, традиционные формы, современное бытование // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Вып. 1. С. 85–100.

Садиков Р. Р. «Прежде же хотя и были язычниками, но ныне магометанского вероисповедания»: к вопросу о принятии ислама закамскими удмуртами // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 32–38.

Ахатов А. Т., Камалеев Э. В., Садилов Р. Р. Археолого-этнографическое исследование удмуртской деревни Асавтамак XVIII – начала XIX вв. (Бураевский район Республики Башкортостан) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 3. С. 212–228.

Садилов Р. Р. Миссионерская деятельность Православной церкви среди финно-угорского населения Уфимской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3. С. 48–61.

Садилов Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-изд., доп. Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.

Садилов Р. Р. Крещеные маришцы Башкирии: история формирования и этнокультурные особенности конфессиональной общности // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. № 1. С. 37–45.

Садилов Р. Р. Видеодокументирование религиозных традиций удмуртов и их репрезентация в этнографических фильмах // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. № 3. С. 68–76.

Садилов Р. Р. Мордва-мурза Башкирии: история формирования и этнокультурные особенности этносословной общности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. № 3. С. 237–248.

Садилов Р. Р. Конфессиональные процессы среди маришцев Башкирии (история и современность) // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 177–183.

Садилов Р. Р. Становление и развитие школьного образования среди закамских удмуртов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 1. С. 5–19.

Садилов Р. Р. Маришцы-лютеране Башкирии: между старыми традициями и новыми религиозными правилами // Религиоведение. 2021. № 3. С. 15–25.

Садилов Р. Р. Уно (Хольмберг) Харва – исследователь религии и мифологии финно-угорских и алтайских народов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. № 4. С. 80–88.

Sadikov R., Toulouze E. Les prières dites *kuris'kon* chez les Oudmourtes orientaux. Histoire de leur étude, leurs formes traditionnelles et leur pratique contemporaine // Etudes Finno-ougriennes. 2021. № 51-52-53. P. 67–96.

Садилов Р. Р., Миннихметова Т. Г. Вещи в пространстве удмуртских жертвоприношений: на границе утилитарного и сакрального // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Вып. 2. С. 295–305.

Sadikov R., Minniyakhmetova T. Objectified Values at Udmurt Prayers // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2022. № 2. P. 132–159.

Садилов Р. Р. «Полевые дневники» этнолога Р. Г. Кузеева: археографическая и источниковедческая характеристика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1. С. 199–207.

Toulouze E., Anisimov N., Sadikov R. *Diaspora etnokultuuriline portree Kesk-Venemaal: Kama-tagused udmurdid, moodustumine, kultuur ja suhted naabritega* // Mäetagused. 2023. № 2. Vol. 86. Lk. 139–180.

Камсьӧр удмуртъӧслэн куриськонъӧссы / дасязы Р. Р. Садилов, Е. Тулуз. Уфа: Первая типография, 2023. 192 б.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Галиева Фарида Габдулхаевна

доктор филологических наук, кандидат исторических наук

главный научный сотрудник ИЭИ УФИЦ РАН, г. Уфа

450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6

E-mail: afgh18@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1548-3012>

F. G. Galieva

FINNO-UGRIC STUDIES AS A DESTINY (TO THE JUBILEE OF R.R. SADIKOV)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-612-619

The article is devoted to the anniversary of the Udmurt ethnographer, Doctor of Historical Sciences R. R. Sadikov. His biography is considered and his scientific activity is characterized, the scientist's contribution to the development of Finno-Ugric studies is assessed. The field of scientific interests of the person celebrating his jubilee - history and ethnography of Finno-Ugric peoples of the Southern Urals and the Urals, history and anthropology of religion, Udmurt folkloristics, archaeography, museum business.

Keywords: scientist, ethnographer, anniversary, Udmurts, Mari, Mordva, Estonians, history, ethnography, folklore.

Citation Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 4, pp. 612–619. In Russian.

Received 13.11.2023

Galieva Farida Fabdulhaevna

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences
Chief Researcher of the IES UFRC RAS, Ufa
6 Karla Marksa st., Ufa, 450077, Russia
E-mail: afigh18@mail.ru